НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Республики Бурятия

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

№ 1 /83/ 2021

***Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /*В. Кузнецов/**

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

№ 1 (83) январь-февраль 2021

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов
Секретарь-референт: Елена Зяблова
Зам. главного редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова
Зам. главного редактора по литературной критике: Александр Шерстюк
Зам. главного редактора по международным литературным связям: Николай Тимохин
Консультант по международным литературным связям: Елена Думрауф-Шрейдер
Заведующий отделом публицистики: Наталия Каретникова
Заведующий отделом поэзии: Александр Кобелев
Заведующий литотделом «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко
Заведующий отделом культуры: Татьяна Лапахтина

Литературный экспертный совет

Байбородин Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, главный редактор журнала СП «Сибирь» /Иркутск/.
Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.
Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.
Зоркин Виталий Иннокентьевич, член Союза писателей России, Союза журналистов России, действительный член Петровской академии наук и искусств, Заслуженный работник культуры РФ /Иркутск/.
Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, членкор Крымской литературной академии /Горловка, ДНР/.
Орлов Максим Томасович, поэт, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.
Побужанский Эдуард Георгиевич, поэт, издатель, главный редактор издательства «Образ» /Москва/.
Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.
Спивак Михаил Анатольевич, прозаик, сценарист, публицист, член Союза журналистов России, один из основателей и редактор литературного журнала «Новый Свет» /Канада, Виннипег/.
Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.
Харитонов Арнольд Иннокентьевич, публицист, прозаик, член Союза российских писателей, Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры РФ /Иркутск/.
Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.

Информационные партнёры:

- **Поэтическое издательство «Образ»** /г. Москва/.
- **Литературный журнал «Новый Свет»** /г. Торонто, Канада/.
- **Литературный журнал «Приокские зори»** /г. Тула/.
- **Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «ИртышЪ-Омь»** /г. Омск/.
- **Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели»** /г. Самара/.
- **Международная медийная группа «Интеллигент»** /г. Костомукша, Карелия/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.
Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.
Фото на 1-й странице обложки: «Январские Саяны» - автор Юрий Моргунов /Шушенское, Красноярский край/.
Фото на 4-й странице обложки: графика Александра Шерстюка /обложка книги автора «Впервой бытность такая»/.

Подписано в печать 29.01.2021.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2021

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 9024582889; 8 9246503603
Секретарь-референт: тел.: 8 9248385348
Форум журнала: http://smogni2008.rusff.ru
Е-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание

Публицистика

Александр Балтин. К 190-летию со дня рождения Н. Лескова……3

К 195-летию М. Салтыкова-Щедрина……6

Анастасия Соколова. «Чтобы была в земле правда» (продолжение, начало в №6/82/2020)……7

Отмечаем юбилей

К 80-летию поэта, прозаика, публициста А. А. Шерстюка……10

Привал на поэтической тропе

Борис Зорькин. Поэзия Михаила Анищенко……28

Ангел, спустившийся в современность……31

Эд Побужанский. Из книги «Ангел неба»……32

Проза

Олег Слободчиков. Русский рай. Роман (продолжение, начало в №№5,6-2020)……34

Алексей Яшин. Шарлотта Корде с бензопилой. Рассказ……44

Нина Кромина. Деловые бумаги. Рассказ……46

Михаил Смирнов. Хозяин. Рассказ……47

Александр Пшеничный. Стрекоза и лицедей. Рассказ……54

Владислав Кураш. Последняя глава. Артюр Рембо. Рассказ……57

Анжелла Седых. Бездна. Эссе……59

Сергей Строилов. Подарок. Рассказ……61

Поэзия

Виталий Кузнецов. Январь-февраль (из книги «Двенадцать месяцев с душой»)……65

Николай Ерёмин. Лирический оксюморон – 2020……66

Яков Шафран. «И сердечной мелодией песни...»……67

Марина Скворцова. Зимняя деревня……68

Поэзия Восточной Сибири

Елена Попова. В единстве двух энергий – янь и инь (венок сонетов)……69

Ольга Фокина. «...Родины моей такое имя...»……71

В гостях у Журнала

«Интеллигент Магадан»……72

Александр Соколовский. «Русские зимы – холодные зимы...» (стихи)……74

Пётр Цветков. Ночь в лесу. Рассказ……75

Ирина Хомка. Рассказы……76

Рыбохотобзор

Владислав Сергеев. Медвежий клык. Рассказ……77

Юрий Жекотов. Тигриная любовь. Рассказ……79

Дмитрий Побединский. Медвежьи ягодки. Рассказ……84

Евгений Толстокулаков. Клей альдекаинский. Рассказ……86

Творческий совет журнала……88

Публицистика

Александр БАЛТИН
г. Москва
Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США. Лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

К 190-летию со дня рождения Н. Лескова (1831—1895)

/Лесков Николай Семёнович родился 16 февраля 1831 г. в селе Горохове Орловской губернии/

1

И в простоте заложена огромная сложность – трагедия тупейного художника не уступает внутренней панораме переживаний представителей привилегированного класса.

Русское, национальное, хлебом и землёй пахнущее точно увеличено гигантской лупой повествовательного Лескова – и шествует по миру Левша, поражая умениями своими, которых сила не может быть заёмной.

Тем паче, поддельной.

Развернётся огромным цветком страсть Леди Макбет – чтобы, начав гнить, превратиться в свою противоположность: страшную, трагедию рождающую...

Очарованность странников столь же естественна, сколь разнообразны, хотя похожи в чём-то, российские дороги; и тут подлинное прикосновение к душе выявляет корневую сущность русской реальности: душа важнее всего, именное её необходимо развивать...

Брызги специфического – в том числе церковного – юмора разлетаются самородно по страницам, и увлекающийся Ахилла Десницын, с голосом, который, как пушка, стреляет, вторгается пением в простор тишины, когда служба уже закончена.

Могучее строение «Соборян» не подлежит сотрясению времени (хотя трудно представить представителей последнего поколения способных внутренне обогатиться, читая роман, только дело тут не в произведении, а в пошлой низине нынешнего воспитания).

Лава слов течёт, увлекая эстетически развитые души; плетение фраз столь же искусно, сколь и своеобразно, и сколько же странников, чудаков, страдальцев, праведников живописует Лесков!

Он писал много – помимо художественной литературы, отдавал дань публицистике, и, казалось, не было тем, не волновавших его – и церковная жизнь, и мелочи архиерейского бытования, и особенности государственного устройства – всего касался выпуклый окуляр писательского взгляда.

...Крутой нравом, коллекционер и знаток российских древностей, Лесков, вероятно, тяжело раскачивался, прежде, чем захватить новый пласт российской действительности и положить его на бумагу: так, чтобы расцвели словесные сады – не подлежащие увяданию, не зависящие от времени.

2

Гудящая бездна содержания «Соборян»: нечто древле-русское, изначальное, кондовое, дремучее, родное...

Движение, прогресс, развитие – всё словно парализовано застоявшейся – или устоявшейся – нормой бытия: церковно-правильной, не подразумевающей никаких изменений.

Плетётся язык, словеса слагаются в орнаменты, в картины природы такие, что залюбуешься, в человеческие характеры, какие и пожелав забыть – не забудешь...

Выходит на сцену Ахилла Десницын – с голосом, какой яко пушка стреляет; увлекающийся Ахилла, продолжающий петь, даже когда служба закончена.

Савелий Туберозов, точно в Византии застрявший, правильный, домовитый...

Старгородская поповка; предводитель дворянства, везущий в Старгород три трости: две с золотыми набалдашниками, одну с серебряным, для Ахиллы, чем наводит на того сомнения...

И событий в Старгороде полно, даже с точки зрения Захарии Бенефактова, что воплощает собой кротость и смирение: такие, что, мол, в трубочку свернулся, свитки священные полагая в серёдке сущности своей; учитель Варнава ставит опыт над утопленником, чем уязвляет Десницына; во время купания, когда пейзаж представляет простоту жизни, Ахилла выезжает из реки на красном коне, и рассказывает, что отобрал у учителя кости, но их снова украли; Ахиллой-вином просит называть себя Десницын, обещая «выдушить вольнодумную кость» из города...

И далее происходят события повседневности, цепляясь крючочками своей незначительности за такие же – пустые, очень важные для живущих.

Густота человеческой плазмы, представляемой Лесковым, чрезвычайно велика; и лица, выступающие из неё – пусть не столь важная для повествования просвирня – всегда обладают отчётливостью людей, с которыми сводит читателя жизнь.

Поправка на время?

Конечно...

Но ведь и в сегодняшней церкви можно встретить огромнотелого, трубногласого Ахиллу или почти не разгибающегося Бенефактова...

И язык Лескова, являясь дополнительным (когда не основным) персонажем, гудит, льётся, играет красками и бликует оттенками оных великолепно, колдовски, магически...

3

Уездный город с его сонной жизнью и сонной дичью; возвращение осуждённого в прошлом по политическому делу Висленева, сестра, встречающая его, бывшая невестка, вышедшая за генерала, о котором идёт ужасная слава...

Тишина...

Нет – гниль, зреющая, как плод.

Не зря же и называется роман жёстко: «На ножах».

Плетение словес Лескова не делается иным, какие бы сюжеты он ни использовал, против чего ни писал бы; или наоборот – что бы ни воспевал...

Плетение густое, затканные плотной тканью страницы сияют перлами смыслов.

...Кому же принадлежит привидевшееся Висленеву зелёное платье?

Ропшин, Подозёров – фамилии героев у Лескова бывают довольно странными: что может находиться под озером? Слои грязи?

Но из бреда молодых людей можно извлечь выгоды.

Так быстро поднимает Горданов, провозглашающий «иезуитизм» заменой нигилизма.

Хрен редьки не слаще.

Авантюрность романа точно запутывает его в самом себе, что отмечали уже современники, в частности Достоевский: может быть, так отображается путаница, царящая в головах людей?

Или сам нигилизм, чёрной массой накатывавший на российское общество, не предполагал ясности?

Тёмные дела творились, чёрные планы вызревали...

В «Некуда» возникает долго живший за границей социалист Райнер: толком не представляющий русской жизни.

Нигилистка Лиза Бахарева прорисовывается даже и с симпатией; однако вожди движения даются сгустками властолюбия, безнравственности; соль их жизни – удовлетворение собственных амбиций; суть их душ: сплошные изломы.

Пустота страшна тем, что человек сам не знает, чем её получится заполнить.

И Лесков, убеждённый в чрезвычайном вреде нигилизма, точно противопоставлял грядущее и патриархальное: в котором тоже много изъянов: однако, именно оно позволяло долго стоять земле русской.

4

Космос Лескова от древности русской, глубины её, своеобразия, густоты, иконописи, церковности.

Космос его – и от страсти – неистовой, ярой: хоть леди Макбет Мценского уезда, будто вынутая из недр шекспировской яви, хоть Язвительный...

Мастера из «Запечатлённого ангела» не грамотны, но как изощрённо понимают они богословие; какие насыщенные разговоры ведут.

Вера для Лескова неотделима от церкви, от православия, известного ему до корней, до нюансов догматики, до церковного быта.

Растут «Мелочи архиерейской жизни».

Высятся типажи: кротость Савелия Туберозова компенсируется добродушной мощью Ахиллы Десницына...

А вот страшным мороком наползают на реальность «На ножах» и «Некуда»: гниёт мысль и её гниение даёт ужасы нигилизма: и духовно-тлетворный дух идёт на действительность из провинциальных дыр: страшно, смрадно.

Но... сколько типажей выписано волшебными словесами: хоть тупейный художник, хоть Левша, хоть очарованный странник.

И густота языковая не ветшает, по-прежнему изображая глубины русскости.

5

Очарованность как сопричастность тайне: отчасти неизречённой, отчасти проступающей образами мест тогдашней России.

Очарованный странник изучает её вёрсты, как книгу книг: и боль, и страдания, выпадающие на его долю, обозначены такой же необходимостью, как радость восхода.

20 глав: каждая, как часть пути: а вернее – часть жития, согласно канонам которого и написана словесным серебром повесть…

Детство развернётся, детали будут колоритны, подробности заиграют, как ювелирные украшения; тема коней проявляется, как порывы красоты и силы; а дальше – распустятся ленты искушений, богата которыми жизнь, и неизвестно для чего они, зачем заполняют столь изрядное пространство; но и отношение к бытию героя – спокойно-стойкое, нежное, истинно очарованное...

А контрастен ли Ивану Северьяновичу язвительный?

Язвительность, как характеристика, сама по себе достаточно едкая – и не редкая; человек подобного нрава точно изучает реальность под собственным углом, и градус его приятия, или неприятия оной зависит от окраса того фрагмента реальности, какой он видит.

«Воительница» - повествующая о том, как жизнь всё расставит на свои места, и Домна Платоновна, убеждённая, что все люди злые и подлые, кроме неё, сама попадёт в положение жертвы... любви...

Каждый рассказ, или повесть Лескова – как новая краска в бесконечном исследовании русской особенности, русскости, как феномена, отдельного характера, как судьбы всеобщности: и всё, описанное некогда классиком, мы можем наблюдать в другом антураже в недрах и нынешней жизни...

6

Какие слова!

Из неведомой руды взяты, обработаны, поданы: мелкоскоп, Аболон полведерский...

Можно выписывать и выписывать, впитывать и впитывать...

Млеко русской речи не знает пределов питательности...

Каков задор Левши – мол, нимфозория нимфозорией, а отечество позорить не дадим, и Платову доложим: сами не знаем, что – но предпримем что-нибудь обязательно...

И предприняли, всех удивив, и мелкоскоп, как известно, не потребен, коли глаз пристрелямши...

Есть ли метафизика в знаменитом сказе?

...Даже метафизика русскости в нём сокрыта: или открыта рудою великолепно выплавленных слов.

Светится сказ: точно жар-птица пролетела, обронив перо, и Лесков умудрился, как Левша, не нуждаясь в мелкоскопе, расшифровать все его золотящиеся крапинки, пятнышки, узоры: сложные, скрывающие в себе нити судеб...

Кроткие мастера – могущие превзойти кого угодно.

Незлобивые – хотя если надо и пистолю такую сделаем, что англичане своею посчитают.

Да и не завистливы мы: многое можем, а хвалиться не будем.

Тем паче – бахвалиться.

И сияют, переливаются на солнце духа великолепные, дивные слова, поражающие в нынешних, техногенностью сызмальства отмеченных детей – слушают они Левшу, заслушиваются...

7

Можно ли рассматривать историю человечества, как подъём – постепенный, всех, очень неспешный?

Сложно увидеть – да?

Но – и сложно не согласиться, что сейчас грамотных на много порядков больше, чем триста лет назад, а пытки – по крайней мере, официально – не применяются нигде...

Тем не менее, способность доставлять другому боль развита в человеке чрезвычайно: и чтение, перечитывание «Тупейного художника» потрясает: кажется – из сегодняшнего далека: так быть не может, и то, что это было меньше двухсот лет назад, заставляет волосы вставать дыбом.

Крепостное право - что проклятье России, учитывая насколько оно затянулось, имея в виду всё, чем оно задавило сознание и души людей...

Человек-предмет, человек-вещь, человек, даже не задумывающийся, что может быть иначе.

...Бунт Аркадия, выламывающего плечом окно и пытающегося бежать с Любой – как светлое пятно в недрах безнадёжности, представляемой рассказом, который не мог закончиться хорошо: из одного его можно вывести насущную необходимость революции, зревшей чрезвычайно долго: пока окончательно не переполнились духовным гноем многие нарывы на теле империи...

...В чём-то противоположна «Тупейному художнику» «Леди Макбет Мценского уезда»: сколь персонажи первого не мыслят себя вне рабства, столь герои второй – сплошь порыв к абсолютному свободоволию...

Его не бывает, и трагедия наслаивается на трагедию, страсть любовная превращается в чувство с обратным знаком.

Катастрофа каторги кошмарна: как деревянное спокойствие Катерины Львовны – когда вся партия во главе с Сергеем над ней издевается.

Гордость выше всего: выше любых страхов: даже пред Богом, расплатой, посмертным существованием: в которое тогдашние люди верили автоматически – Измайлова совершает убийство и самоубийство...

Сила и слабость: сила, обращённая во зло, слабость – не позволяющая рвануться к силе: таковы мотивы двух этих произведений Лескова – сделанных столь сильно, что пыль времени не оседает на них.

8

Преизящество богозданной природы велико есмь...

Марой, напоминающий верблуда, изобретает такой способ разбивать болты, что о староверах слава сильная пускается...

Язык «Запечатлённого ангела» сугубо лесковский: с густотой непредставимых ныне словес, организующих колорит повести в неменьшей мере, чем плетение сюжета.

Некоторых событий в результате, запечатывают жандармы, напавшие на жилище, иконы бурым сургучом, а бурый, о чём не сказано у Лескова – цвет греха.

Иконы, сваленные в подвал, а одна, приглянувшаяся архиерею, в алтарь ставится; да решают староверы выкрасть и распечатать...

…Маркуша, объясняющий Якову Яковлевичу, что ныне мастерство утеряно, рассуждает о тонкости иконописи с тою мерою прозрения, что потрясает непричастного к предмету...

Многое ещё свершится, заклубится волшебным языком, заставит погрузиться в прозрачно наполненный котёл былых событий...

Почувствовать ли ныне: изображённая, как надо, небесная слава помогает Писание уразуметь, а о деньгах и всей славе земной думать, как о мерзости перед Господом?

Многого не почувствовать ныне, не понять-познать, не ввести в ум, соблазнами оплетённый...

Знал Лесков, как плетутся они, ведал, как можно ангела распечатлеть, а миру поведал про контраст между внутренним и внешним: в тяжело писанной, на икону словесную похожей повести своей...

К 195-летию М. Салтыкова-Щедрина

/Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889 гг.) – русский писатель-реалист, критик, автор острых сатирических произведений, известный под псевдонимом Николай Щедрин (настоящая фамилия писателя – Салтыков)/

1

Феномен тирании есть комбинация железной жажды самоутверждения, безразличия к другим и малой компетентности во многом: в «Истории одного города» феномен, ежели его вообразить в качестве господина в партикулярном платье, схвачен за руку: мол, вот он каков...

Угрюм-Бурчеев, чья физиономия сочетает глупость и самодовольство, развернётся противу всех: в том числе и природы, и тут уже не Аракчеев просматривается, а некто более значительный – в плане злоупотребления властью.

Все хороши: каков каталог развернувшейся летописи!

Перехват-Залихватский, Грустилов... О-па!

Таких и не бывало – оно, конечно, дано всё сгущенно, слишком сконцентрированно, но ведь из яви сии рожи, и, вечные подданные, позволяющие воцариться таким, едва ли достойны уважения.

...Крадётся по земле оволосатевший, одичавший помещик: имение в запустении, да и кем был – уже не вспомнит...

А то – мужик громоздится на дерево, чтобы нарвать генералам сладких яблок, а себе взять одно – кислое.

Сколько пескарей премудрых вокруг! Не пересчитать...

...А пролитый кисель глупости вылижет тощая коняга.

Много ли поменялось в человеческом общежитии?

Антураж – совсем иной, а нечто, живущее в нас, в наших сердцевинах остаётся прежним.

Не исправляет сатира, не меняет физиологию...

Иудушка, совмещая в себе Иуду и душку, будет лебезить, улыбаться, врать; вырастут панорамы помещичьей жизни, в густой плазме которых вспыхивают разные события, и сатира перерастёт в метафизику, в глобальное исследование человека, как феномена...

И останутся пламенеющие письмена Щедрина: для всех поколений, всем потомкам.

2

Ядрёные сказки, перерастая понятие сказки, становились притчами, и метафизика распускалась отчасти ядовитыми цветами.

А что?

Ведь типажи, данные Салтыковым, не переводятся вообще.

(Ах, кабы литература могла врачевать общество...)

Дикий помещик – превратившийся в животное, оородатевший, на четвереньках скачет по дорожке парка, и вечный мужик, сняв с яблони для генералов несколько спелых плодов, себе взял одно яблоко – кислое. Эй, мужик, очнись, генералы ведь без тебя и нужду справить не сумеют!

Куда спрятался премудрый пескарь? Выковырнуть его, заставить бороться!

Да нет, типаж зафиксирован на века, и веками продлится он, зачем-то обеспеченный генетически.

Хватило бы для бессмертия одних сказок – кратких, убийственных, великолепных, заряженных той энергией смеха, который...

Впрочем, общество, посмеявшись, продолжит жить своим монолитом. И бытом.

Который, кстати, Салтыков-Щедрин – в реалистической своей ипостаси – передавал, как мало кто: менее избыточно, чем Толстой, но более богато, чем Чехов.

...И вот Порфирий Владимирович: Иуда и Душка: тот, кто снаружи, внешне, по нормам привычного телесного восприятия ласков и добр, а внутри – пылает Искариот...

Тартюф вечен, но Смердяков совсем «инакий», в нём больше метафизической амбивалентности, чем в Головлёве, который весь, в сущности, повязан чёртовой «бытовизной».

Какая восстаёт со страниц романа заревом, где каждое волокно хочется пощупать, а всю галерею Головлёвых многие видали в реальности.

...А не хотите административных восторгов?

Не случалось вам путаться в сумме коридоров, когда Иванов посылает к Петрову, Петров к Двадцатову, и будет лабиринт, запутанный похитрее критского, длиться до тех пор, пока не осуществится денежное влияние?

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин верил, что литература есть соль русской жизни, и размышлял мучительно, что будет, если перестанет она быть солёною.

Как бы ошарашен он был, увидев современный социум, где литературный спор не имеет бОльшего значения, чем склока двух лавочников на захудалой окраине провинциальной дыры?

И то, что его наследие по-прежнему живёт и играет красками, думается, не очень бы подсластило пилюлю...

Анастасия СОКОЛОВА
г. Москва
Член МГО Союза писателей России, Союза журналистов Москвы, православный историк и писатель. Публиковалась в московских СМИ, журналах и альманахах. Автор 3 книг прозы и книги стихов. Лауреат и дипломант ряда московских литературных фестивалей и поэтических конкурсов. Лауреат конкурса «Избранники муз» в номинации «Избранник Клио» (история).

«Чтобы была в земле правда»

Из истории Боярской Думы в эпоху правления Ивана Грозного
(Продолжение, начало в №6/82/2020)

Старину я вам скажу стародавнюю
Про царя было про Ивана про Васильевича.
Уж он, наш белой царь, он хитер был, мудёр,
Он хитёр и мудёр, мудрей в свете его нет.

Народная историческая песня

Регентство Елены Глинской

После смерти великого князя внутри Совета между боярами началась борьба за единоличную власть. Польские дипломаты доносили в Краков: «... бояре там едва не режут друг друга ножами; всеми делами заправляют лица, назначенные великим князем...». Ситуацией воспользовалась мать малолетнего великого князя – вдова Василия III, Елена Васильевна Глинская. С помощью своего фаворита Ивана Овчины Телепнева-Оболенского вдове Василия III удалось отстранить от власти бояр-опекунов и других влиятельных представителей княжеско-боярской аристократии, возможных соперников, способных посягать на законность власти её сына.

Родной брат Василия III, князь Юрий Иванович Дмитровский (1480-1536), до рождения Ивана IV Васильевича, считавшийся преемником великокняжеского престола, в 1533 году был схвачен, посажен под стражу и в 1536 году скончался «от умора голодом». Князь Андрей Иванович Старицкий (1490-1537), родной брат Василия III Ивановича и Юрия Ивановича Дмитровского, в 1537 году был обвинён в мятеже и казнён. Михаил Глинский, дядя Елены Глинской, в 1534 году был арестован и в том же году умер под стражей. Князья «главные бояре» Бельские стали терять своё влияние.

Продолжая политику Василия III, направленную на укрепление и совершенствование аппарата управления страной, вдова князя за время своего недолгого регентства (1533-1538) приступила к проведению земской, губной и денежной реформ.

В ходе финансовой и денежной реформы по всей территории Московского государства была введена единая валюта – копейка, серебряная монета весом 0.34 грамма. Деньги печатались на построенном в Москве Монетном дворе. На оборотной стороне этих монет было отчеканено – «Великий князь всея Руси Иван». В результате – удельные княжества, лишившись экономической самостоятельности, стали сильно зависеть от центра.

Из Никоновской летописи 7043 [1535] года:

«О денгах. Тоя же зимы князь великий и мати его великая княгиня, видев неправду в людех, денег умножися подделных и резаных, и восхоте то лукавство из своего государства вывести, и посоветовал о том с боляры, и повелел государь и его мати делати денги новые... а старые денги и подделные и резаные переделывать...»

По приказу Елены Глинской в Москве началось строительство каменных стен Китай-города. Укрепления возводились вокруг многих центральных и пограничных городов и крепостей. На юге и западе Московского государства строились новые города.

Внешняя политика Елены Глинской была направлена на развитие добрососедских отношений с Молдавией, Швецией, Астраханским ханством и Ногайской ордой. Княгине удалось заключить мирный договор с Ливонией, завершить Стародубскую войну (1534-1537), подписав на выгодных для России условиях мирный договор с Польшей.

Реформы Елены Глинской, направленные на укрепление централизованной власти, явились весомым вкладом в процесс государственного строительства, начатого её предшественниками – великими князьями Иваном III и Василием III.

Но осуществить все намеченные планы княгине не удалось. Пережив своего супруга на 5 лет, тридцатилетняя княгиня скончалась в апреле 1538 года. Тайна смерти матери Ивана Грозного осталась неразгаданной.

Иван Овчина Телепнёв-Оболенский вскоре после кончины Елены Глинской был заточён боярами в темницу, где он и скончался от голода.

Боярское царство

После смерти Елены Глинской вся полнота власти оказалась в руках боярских противоборствующих группировок Шуйских (Рюриковичей) и Бельских (Гедиминовичей). До 1540 г. страной фактически управлял И. В. Шуйский. При нём решения Боярской Думы, в которой он безраздельно господствовал, стали законодательно равны царским указам. Правление Шуйских

отличалось хищениями и беспорядками. Наместники временщика в городах и весях вели себя «как лютые звери». Отстранённые от власти Бельские были отправлены в ссылку. Сторонника Бельских, митрополита Даниила заставили добровольно отречься от сана. На митрополичью кафедру был возведён Троицкий игумен Иоасаф. С 1544 по 1547 гг. к власти приходят Глинские, тогда же постепенно реальная власть сосредотачивается у представителей старомосковского боярства – Захарьиных.

Боярское «царство» привело к ослаблению центральной власти и усилению произвола бояр-вотчинников на местах. Московские бояре успешно решали исключительно свои личные и узкогрупповые задачи. В стране процветали воровство и безудержный произвол власть предержащих бояр. Из-за постоянных войн, распрей, заговоров и переворотов внутри боярских группировок страна жила в постоянном напряжении. Начавшееся в народе брожение грозило перерасти в бунт.

В. О. Ключевский писал: «Власть надолго попала в руки бояр. Теперь они могли распорядиться государством по-своему, осуществить свои политические идеалы и согласно с ними перестроить государственный порядок. Но они не пытались строить никакого нового государственного порядка. Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре повели ожесточённые усобицы друг с другом из личных или фамильных счётов, а не за какой-либо государственный порядок. В продолжение десяти лет со смерти правительницы Елены они вели эти усобицы, и это десятилетие прошло не только бесплодно для политического положения боярства, но и уронило его политический авторитет в глазах русского общества. Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой».

***

Оставшиеся без попечения родителей в заложниках у властолюбивых бояр, молодой правитель Московского государства Иван и его младший брат Юрий с детских лет в полной мере испытали на себе горечь предательства «государей прирождённых, извечных» – бояр московских, которые крайне злоупотребляли полученной властью.

У каждого своя правда – гласит народная мудрость. «Своя правда» была и у бояр московских: ни один из наказов великого князя Василия III «государи прирождённые», бояре московские не выполнили. «Извечные бояре» не только не озаботились о том, чтобы сын Василия III «учинился на государстве государем» и уж тем более о том, чтобы «была в земле правда», но и «все сообща заодин» всячески унижали великого князя Ивана IV, ущемляя его законные права. Только во время официальных церемоний, прилюдно, бояре лицемерно выказывали юному государю знаки почтения.

По воспоминаниям Ивана Грозного они с братом росли, как «самая последняя чадь», князья Василий и Иван Шуйские «самовольно навязались в опекуны и таким образом воцарились», а его с братом Юрием «начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков», вплоть до «лишений в одежде и пище».

«Играют они, бывало, с братом Юрием в спальне покойного отца, – пишет В. О. Ключевский, – а первенствующий боярин князь И. В. Шуйский развалится перед ними на лавке, обопрётся локтем о постель покойного государя, их отца, и ногу на неё положит, не обращая на детей никакого внимания, ни отеческого, ни даже властительного. Горечь, с какою Иван вспоминал об этом 25 лет спустя, даёт почувствовать, как часто и сильно его сердили в детстве. Его ласкали как государя и оскорбляли как ребёнка. Но в обстановке, в какой шло его детство, он не всегда мог тотчас и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться в рукав, глотать слёзы питала в нём раздражительность и затаённое, молчаливое озлобление против людей, злость со стиснутыми зубами».

Такие, сформировавшиеся с младенческих лет черты характера царя как подозрительность, мстительность и жестокость, по мнению В. О. Ключевского, явились результатом отношения к нему московских бояр, без малого десятилетие, с 1538 по 1547 гг., фактически правивших страной:

«От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие... Он с детства видел себя среди чужих людей. В душе его рано и глубоко врезалось и всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чём он твердил при всяком случае: «...родственники мои не заботились обо мне». Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Как все люди, выросшие среди чужих, без отцовского призора и материнского привета, Иван рано усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило в нём подозрительность, которая с летами превратилась в глубокое недоверие к людям».

С детских лет живя во враждебном окружении, молодой государь научился умело скрывать свои чувства, затаив против бояр глубокую обиду.

***

В марте 1542 года в Москве начинает служение владыка Макарий (1482-1563), возведённый Собором Русской Митрополии в сан митрополита Московского и всея Руси. С этого времени владыка

Макарий становится духовным наставником и верным другом молодого русского государя. В народе митрополита Макария почитали святым и учительным пастырем.

Сам митрополит говорил: «Не знаю, какими судьбами Божиими избран я смиренный, не только всем Собором Русской Митрополии, но и самым благочестивым и христолюбивым царём и великим князем Иваном Васильевичем, всея Руси самодержцем».

Всея Руси самодержец

Вскоре после достижения совершеннолетия Иван IV объявляет о своём решении венчаться на царство. Решение Великого князя владыка всецело поддержал. Самодержавие для митрополита Макария олицетворяло торжество Православной веры, единение царской и духовной властей.

«Первым помыслом Ивана при выходе из правительственной опеки бояр, – по мнению В. О. Ключевского, – было принять титул царя и венчаться на царство торжественным церковным обрядом. Политические думы царя вырабатывались тайком от окружающих, как тайком складывался его сложный характер, поэтому идея венчания на царство стала полной неожиданностью для боярства».

Русский историк, публицист, писатель и педагог Н. И. Костомаров (1817-1885) предполагал, что инициатива принятия царского титула не могла исходить от шестнадцатилетнего великого князя и, скорее всего, принадлежит митрополиту Макарию, оказавшему влияние на становление религиозных чувств и политических взглядов Ивана IV. Такого же мнения придерживались и советские историки: доктора исторических наук, профессора Р. Г. Скрынников и В. Б. Кобрин.

16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля митрополит Московский и всея Руси Макарий совершает чин венчания на царство великого князя Ивана IV Васильевича. На первого русского самодержца были возложены знаки царского достоинства: крест Животворящего Древа, бармы и шапка Мономаха. После приобщения Святых Тайн над Иоанном IV было совершено церковное Таинство Миропомазания.

Как пишет митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (1927-1995), «помазание царей святым миром имеет своё основание в прямом повелении Божием... Над каждым верующим это таинство совершается лишь единожды – сразу после крещения. Начиная с Грозного, русский царь был единственным человеком на земле, над кем Святая Церковь совершала это таинство дважды, свидетельствуя о благодатном даровании ему способностей, необходимых для нелёгкого царского служения».

Обращаясь к молодому русскому царю, святитель Макарий говорил: «Это место для вас избрал Сам Господь Бог на этой земле и Своей милостью на Свой престол вознёс». Из уст митрополита Московского прозвучали слова о том, что Русское Царство является преемником Рима и Византии.

Впервые таинство венчания на царство было произведено не в Константинополе патриархом Константинопольским, а в Москве митрополитом Московским. Независимость – автокефальность Русской Церкви от Константинопольского патриарха была принята в 1448 году Собором русских епископов после того, как в 1439 году на Ферраро-Флорентийском Соборе Константинопольская и другие православные Церкви заключили Флорентийскую унию с католическим Римом, иными словами, соглашение об объединении православной и католической церквей. Русская Церковь эту унию отвергла.

Венчание на царство Ивана IV Васильевича, внука византийской принцессы Софьи Палеолог, полностью воспроизводило византийский церковный обряд коронования императоров. Грамота, полученная от Константинопольского патриарха, содержала признание царского достоинства за Иваном IV и его потомками, а также признание всем православным миром рождения нового Московского Царства.

Святитель Макарий наставлял молодого государя: «буди приступен и милостив, и приветен по царскому сану и чину; всех же православных христиан блюди и жалуй и попечение о них имей от всего сердца».

По словам В. О. Ключевского: «Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Это было для него политическим откровением, и с той поры его царственное *я* сделалось для него предметом набожного поклонения».

Со вступлением на престол первого в истории Руси царя Московское государство стало именоваться Русским Царством.

Отмечаем юбилей

К 80-летию поэта, прозаика, публициста А. А. Шерстюка – 18.03.1941 г.

Александр ШЕРСТЮК

г. Москва (Зеленоград)
Член Союза писателей России, Международного сообщества писательских союзов и Союза журналистов России. Автор 8 книг стихов и прозы. Заместитель главного редактора журнала «Северо-Муйские огни».

Из книги «Впервой бытность такая»

Стихи 1964-1970

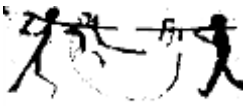
День рождения

Завтра у меня день рождения.
Подарите мне, пожалуйста,
шкуру мамонта.
Будет гениальная вечеринка!

Я поставлю магнитофон
на пламя газовой плиты
и заизвиваюсь
под аккомпанемент
сгорающих звуков.

Затем
я проглочу прекрасное блюдо
мозги жареные фри,
я надену шкуру мамонта
и, проломив стену,
выйду прогуляться.

О, дебри большого города!
Здесь можно всласть наохотиться.
И первые, кто мне попадутся,
будут рыхлые рыла
любителей прессинга.



Дымовой шашкой поэта
я уничтожу их трупный запах.

По брусчатке сердец,
скованных и подогнанных,
я буду кружить до полнолуния,
надеясь, что хоть одна искра
вылетит из-под подошв.

А поздно ночью
я припаду к женщине.
Мы сорвём с себя
фиговые листки условности,
мы будем спать страстно
и первобытно...

Завтра у меня день рождения.
Подарите мне, пожалуйста,
шкуру мамонта.

Если б был я метрополитеном

Если б был я метрополитеном,
я б ржавел от избытка кислорода,
что скопился в моих туннелях
и в горбатые своды въелся,
влез в железное мясо рельсов,
прекратив насыщать женщин,
их медлительные шеи,
их немедленные очи.

Если б был я с бензиновым сердцем,
мои сверкнувшие дверцы
стали б крыльями малолитражной души,
споткнувшейся на том перекрёстке,
что от прочно сведённых счётов,
от разлук – зарос изумрудом.

Если б был я всего конёнком,
я б для расширения кругозора
опрокинул пол-литра штиля.
Обнаружив в нём
неприсутствие призыва,
я б отбросил в него
злом подкованные копыта.

Если б был я непревзойдённым верхолазом
где-нибудь на крутизнах Парнаса,
я б сорвался
с голословной песни,
в лебединой законченности которой
каждым звуком берёг онемелость,
каждой паузой – сотню криков.

Я б ушёл, забыв попрощаться,
на прощанье забыв отвесить
груз без запаха и без цвета,
груз поклона –
моим победам
и цветущим людским невзгодам.

Кобыла желаний

Кобыла желаний
опять что-то выкинула:
табун рыжих непонятных жеребят.

Стегани, обжигая, плеть!
Поцелуи – сочнее жал.
Запретить если гимны петь,
Значит, кровь опрокинет край!

В несмываемой степи
начинается прилив.
Воздвигая головы
и выцокивая междометья,
резвятся мечты.

Допустим, из шёлка гривы.
И некто, большой любитель
туризма и променада,
внезапно немеет от неба.
О, некто, пустышка ветер!
«Тебя б я похитил, небо!
Точнее, в тебя мне влиться б!» –

говорит неожиданно ветер
и на шелка ложится.

Теперь он в своей карете.
Теперь он, пижон кромешный,
гоняясь за журавлями,
работает жерновами
так молодо и прилежно!

...Так будем всегда женаты
на превосходстве желаний,
и пусть не скудеют запасы
копыт, и подков, и ржаний!

Любовь пустоцветов

Расходится тень кругами,
когда улыбнёшься в вечер.
«Авось, моя тень не безлюдна.
Прощайте, я обеспечен!..»

И вот уже полушалки
на улицах – и окурки.
Горят пустоцветы ярко,
плоды их играют в жмурки.

«Я тронут тобой, матрона,
я трону тебя, тычинка,
я тронусь пыльцой к твоим тронам,
а там хоть умом я тронусь!..»

В приманках вся отвечает,
что надо любить сначала.
И талиею качает
двух рук его две обнимки.

Но ветер, подлиза ветер,
на ужин несёт кувшинки.

Отведали только двое
(их жесты – явленье плеска),
отведали двое порознь,
и стали они совместней.

И травы упали в ноги,
шелка так ласковы были.
И горсточки млечной пыли
атаковали подошвы.

А если есть где-то чёрт,
то тёр он свои ладоши.

И кто-то мечтал: «Не надо!»
И кто-то: «Ну что ты делаешь!»
И кто мечтал хорошо,
где ничего не поделаешь.

Растёртые в порошок
тех шёпотов зёрна спали
с живой и поющей осью
меж белыми жерновами.

А эхо катилось в ухо,
гнездилось, крылами било,
и было на привкус горько,
и потакающе было.

И пьяный дурак какой-то,
набравшийся, как свинина,
приветствовал их икотой
приятного аппетита.

Никто не свернул с дороги,
а только петлял для вида.

Отрывок из маленькой вечной драмы

...Чтобы лунная тишина, не свыше трёх децибел.

Чтобы птенчиковое сердце будильника.

Чтобы прокуренные волосы,
уложенные во внимательные глаза.

Чтобы заблудившийся лучик.

Чтобы, как в замедленной киносъёмке,
плавно, невесомо, нескрупулёзно,
сплошная вестибулярность,
палеозойщина.

Чтобы внутри – как полёт шмеля.
Чтобы идеальный беспорядок.
И по октантам паутина.

И голод, и холод, и последствия.
И от бедствий приветствия.

Но поровну чтоб любовь.

Памятка

Если выброшен кит на берег,
значит, море моё овдовело.

Если выброшен крик из клетки,
значит, клетка выходит замуж.

Если выброшен рубль на бочку,
значит, стоит он миллиона.

Если выброшен риск на свете,
значит, выброшен белый флаг.

Тост другу

Старик!
Лысеют наши скальпы,
сияют головы, как Альпы,
в бокал струится глаз сверчком...
Сыграем свадьбу светлячков!

Улыбки бледные, как калька,
предвосхищением оков.
Тю-тю вы, тени катафалка!
Сыграем свадьбу светлячков!

Виктории и пораженья
медаль одна для чудаков.
Мы вечны головокруженьем.
Сыграем свадьбу светлячков!

Когда ж перед костлявой девкой
мы рухнем, рассыпаясь мелко,
останется стекло очков...
Сыграем свадьбу светлячков!

Двадцатилетнему другу
этот пуншевый акростих

Юбилейное

Ради бога, богуй! Юра, Юрка, мотайся.
Кости в юности требуют выдать им крен.
Есть такие налёты: зелёные стаи
Изветвят, изовьют нас в весенней игре.

Волочиться по марту и кожу мусолить
Еженощно негоже – а как отменить?
Наш трепещет Пегас, лишь почувствует лошадь,
Сил зачатья не счесть, не стреножить магнит.

Кошелёк пуст, как космос. Ловите мерцанье!
Одаряем мы искрами – вспышных словес...
Милый Йорик! Как всё это мы понимаем,
Узнавая в себе самых светлых повес.

***

Как вовремя, как хорошо
нас захлестнул наш первый бал.

Наш первый бал!
Баллистический снегопад.
Танец маленьких лебедей с саблями!

Я раньше зиму-чародейку не терпел
и в острогах снега
искал себе маленькое оконце.
Я очень бережно
пеленал крик ребёнка,
ребёнка грации и смеха.

Какая встреча!
Я ловлю себя на том,
что твоя внезапная слезинка
похожа на первую каплю дождя.
Я принимаю срочные меры –
и преждевременный вестник весны
исчезает в толпе поцелуев.

Сегодня с неба падает свадьба.
И ты не плещись, пожалуйста.
Всему своё время.
Не хуже воды снежок.

Мы запомнимся себе

Мы запомнимся себе
одними на белом свете.
На таком белом свете,
на настолько белёсом свете,
что чьи-то великолепные фонари
под победоносными глазами
будто не светят.

Мы запомнимся себе
с копытами в висках,
подкованными азиатским счастьем.
И сердца – не сердца,
а предстартовые ипподромы.
Боже мой,
это же гибель, а не заезд.
Я не хочу упоенья
скачкообразной собственной кровью!

Мы запомнимся себе
не в библейской красе
с оскоминой от плодоовощного рая.
Мы запомнимся где-то
до всего этого,
в современнейшем напряжении,
как запоминает расстрелянный
главным образом движение
спускового крючка.

Времена года

поэма этюдов

1. Лето

Пока
сады любили и качали
пузатых деток на густых руках,
играли рыбы, зрели помидоры,
как жареные луны на зубах,
вникали лошади ноздрями и нутрами
в курчавость дыма и в крылатый лай;

пока
кошачьи язычки хлестали
могучую тягучесть молока,
кастет цеховый, грохот китобойный
лупил полулюдей, полубогов,
давились рельсы каторжным составом,
в проглот летели уханье и свист;

пока
елозилась русалка с чародеем,
дубящим был для чешуи износ,
в пыли галдели непонятные цыгане,
лечила цыпки жаркая моча,
травились смогом горы монументов,
мельчая, сыпался неистовый гранит;

пока
потели масляными пятнами
консервы в цирках оловянных стен,
плыл и дрожал за собственное место
в чужой тарелке бедный холодец,
просили лапками убитые лягушки
обвала неподвижным облакам, –

всё это разукрашенное время,
всё это карнавальнейшее время

висел Он над землёю в центре света,
висел Он невесомо, поднебесно,

замедленно, тихонько, постепенно
всходил загар зарёй на мои веки,

топор пожарный, красный, обагрённый
был занесён над лозунгом «НЕ СМЕТЬ!».

2. Бабье лето

По красной бруснике – ветер,
по загоревшей – ветер,
по ягодке спелой – ветер,
по самому соку – ветер,

с гитарою и с похмелья,
с приветом и с фонарями,
прозрачно, победоносно
скользит нараспашку – ветер.

Вращая хвостами речку,
подводные рыбы тонут.
Тонут, плеща, эскадрильи
в седьмом посиневшем небе.

Прохладные ящерицы
в почве скользят и тонут.
Тонут пожары в рощах,
туманы в прощальных росах.

В медовых ячейках ночи,
воск проглотивши, тонут
яблоки, звёзды, пчёлы,
смородина и опёнки.

Кряквы набрякших листьев
плывут и на землю тонут.

Неся за пазухой август,
тонут шмели в полёте.
Тонут фонтаны в слёзах.
В дымке виденья тонут.

Тонут хрустальные скрипки
в аплодисментах лета...

О, холмогорские груди
неотражённых женщин!
Ваша бутонность с блеском
в платья скользит и тонет.
Скользят ваши белые плечи
белым, пушистым, чистым
и тополиным – снегом,
и ястребиным – смехом,
и паутинкой – в небе –
ваши бездомные груди!

Бегите, бегите, крысы,
летите, летите рысью,
пусть в ливнях еще многотонней
скользит мой корабль – и тонет!

3. Поздняя осень

О, изумрудные панели
пузатых майских поцелуев!

Сквозняк ликует. Жадно смалит
щетину розовых куплетов.
Сквозняк линчует ударенья.
И мы – тиски гусиной кожи.

Панели наголо пустеют.

Песчаный дым дрожит и пепел,
впиваясь в гривы всех солистов.
Висят глаза на нитях баров.
Уходят все. Опустошают.
Не пятятся лишь только раки,
что на тарелках пламенеют.

«О, солнце! Ты воспрянь, как было,
исполни пламенное соло,
поддай парку, плесни-ка пеклом
и заголись – но как рябина!..»

Но солнце чешется, зевает,
протезный рот прикрыт ладонью.
Цветёт пощёчина расцвету,
ромашке детских сновидений.

Лежат в конвертах и в кюветах
мои искусанные губы,
мои запёкшиеся губы,
цветов зарезанные губы...

О, роз распущенность в июле!

4. Зима

Когда приходят конвоиры
с мандатом вечной мерзлоты,
линяет голос канарейки,
худеют губы и цветы.

А недозревшие телята
в тепло и темень тычут темя
и просят: «Мама! Не роди!
Ну, подожди! Ну, погоди!..»

Гортанный мой, прошедший лес!
Ронять – не петь. Не схоронить
покровом белым твои раны,

твои скелеты хороши
нутру дымящихся кремаций,

и будут лоси в свой черёд
глотать гашиш осин и плакать.

А мне вино раздует вены,
я выйду в тундру, выйду пьяным.
Наперерез полярной ночи.
Замрут опоры бубенца.

Четыре тонкие копыта
найдут окно в острогах снега,
большие ссыльные глаза.

Глаза расскажут, как немного
устали или задремали,
как их чуть-чуть запорошило,
и будут медленно молчать.

5. Рождество

Не увядайте, звёзды.

В спиральные мглы галактик,
как пчёлы, вонзайтесь, звёзды.
Только не тратьте, звёзды,
крылышек лепестковых.
Только не жальте, звёзды!

В клумбы всевышних мраков
светом корней врастайте,

чёрную магию пейте,
но лепестков крылатых
вниз не роняйте, звёзды.
Не увядайте, звёзды!

По чёрной дыре дороги,
выбрав куда и чей,
неудержимо шпарит
лучшенький из лучей.

Его лихих иголок
напёрсток неотложен.
Я в череп их запрячу
и на тропе подкожной.

Налью-ка я шампанского,
Медведица, дай ковш!
Хочу коснуться по миру
мозолями подошв.

И возглаголить новое,
заветное, такое,
что сбудется, что приидет
частицей и волною.

И встретить перекрёсток,
обнять, как бы распять...

О, звёзды, звёзды, звёзды,
как просто благо дать!

6. Масленица

Хоронили Снегурочку,
а она хохотала.
Видно, рехнулась девка
или перебрала.

Сороконожки-полозья
ползали по сугробам,
а она хохотала
страшной красой лица.

И срывала обёртки
с непотребного тела,
платья или берёсту,
кожи палящий зуд.

И бросала наотмашь
серьги, браслеты, кольца,
бусы и диадему.
Вновь сумасшедший смех.

Косы её метались –
два ручейка пожарищ –
в свете полупрозрачном
оледеневших звёзд.

И впивались атласно,
и вплетались шелково
в сбруи звенящих песен –
чёрные ленты кос!

И стояли смиренно,
величаво соборы,
и стояли морозы,
кушая эскимо.

Снегири-крохоборы
опаляли поляну,
стая красных бандитов
чистила серебро.

А над всем этим миром
возвышались графины.
Как горящие луны,
проносились блины.

Под подошвами смеха
снег был тих и подавлен,
почерневший, набухший
и осунувшийся.

7. Весна

Надоело рыбам твёрдое небо,
лучше расплатиться кровяным тельцом.
Неужели девица их купель забыла,
не взметнёт стихию плётками вьюнов?

Началось с застоя, с замысла, с настроя.
Утром тлел утробный пробный полузвук.
Постепенно слитно заметались икры,
трамбовать поехало, шугануло вдруг.

Взвыло, заревело, разорвало тело,
лопнули огромно барабаны льда.
Молодость осколков насыщала пену.
О, строфа заплыва катастрофная!

Рушилось, крушилось, пелось, не кручинясь,
сталкивалось, плыло, в хор воды вело.
И мотало чьи-то нити путеводные
на водоворотное, на веретено.

Трубы водосточно рокотали гимны,
выпятив разбухшую нижнюю губу.
Ликовал жабёныш: он теперь бежалыш,
он теперь отчалыш, залило нору.

Вешались портянки на шею верёвкам.
Байковые жесты. Хлопанья, как флаг.
И навоз, подкравшись, щекотался в ноздри,
прячась невидимкой в собственных парах.

Молодуха грудью наливала сына,
а молокосос конечностью был бес.
Ветер бил в светил летающих тарелки
и в башку вселялся мельниц и повес.

Распечатывались бандероли почек,
клея ухажёров нежным язычком.
Им навстречу чинно, чувствуя добычу,
самовары пели в животах жуков.

Извивался мусор в судороге дыма.
Черви, не поверив дождевым глазам,
исходя из праха, прорывали шахты.
Рыхло и нескладно булькала земля.

8. Медовый месяц

Пожар мой клевер раздувает.
Гектар нектаром изнурён.
Кипит шипящими шмелями
мохнатый воздуха узор.

Махрой по уши новобрачно
сирень влипает в синий дым.
И мошкара кутит роями,
рои – как тосты молодым.

И пестики, своих тычинок,
обняв, уводят по суку,
и рассыпаются пыльцою,
войдя в азарт цветочных губ.

Настоян вечер на ромашках,
иван-да-марья да луна.
И впитывает золотую
росу щавеля кислота.

И паутинок микросолнца.
А над окном, приделав нить,
паук, как маятник замерший,
устал заметно мельтешить.

Багряный ветер еле дышит,
любя обильную траву,
в её подолы сыплет, мечет
багряный бисер, как икру.

Корою лапотною млея,
цветенье вскинув на висок,
немеют липы и немеет
их оплодотворённый сок.

И бродит в грушах заваруха,
и плавит губы чувство сот.
И сладкой дрожью по ладоням
стекает с неба чистый мёд.

Ни пуха!
поэма прощания

Мы живём внезапно.
Никто не достигает горизонта настолько, чтобы почувствовать его пройденным. И это не зависит от вашей скоропостижности.
Беру взаймы у времени сегодня, завтра оно мне может не дать.
Отдаляю руки и хватаю гриву горизонта – пока этот скакун пасётся.

. . .

Как рождался – перед дверью
я стоял в одной рубахе
и нисколько не стучался,
но она мне отворилась.

Как хорошая хозяйка,
улыбнулась и кивнула,
лёгким веером взмахнула
застеклённого подола.

Как хорошая хозяйка,
она гостю предложила
нараспашку свои тайны,
бесподобные поныне.

Шла зима, вся в белой шубке,
как хлебцы, хрустели насты,
и в глазах её метельных
вырастали две цыганки.

Эти бабочки цветные
на извилинах ладоней
за мизерную оплату
только судьбы предлагали.

Удивлением безмерным
я был молод и охвачен.
А снега вокруг летали
из бумаги голубями.

Помню лето. Исчисленье
мерой выбрало барокко,
и июльский бальный ветер
не одну клубничку трогал.

Помидоры и черешня
от напора пор и клеток
краснорожей круглой кожей
отбивались, как щитами.

Пчёлы лётные губами
к разным макам примыкали,
а когда их отнимали,
то, ужалясь, умирали.

Гарцевали над лугами
заливные кобылицы.
Развевались, как хоругви,
гривы, осени касаясь.

Осень, осень! На подносе
украшенья в виде снеди.
Кочаны, челны и чаны
потеряли равновесье.

Ёжик осени катался
в чрезвычайной позолоте.
Шелухою на свиданьях
все лучи его звенели.

Осень в золоте купалась...
Не нашлось на свете мочи,
чьи бы зубы молодые
не кромсали её бёдер!..

А ещё на свете были
лебединые озёра.
Рассыпались дней стаккато.
Как сонаты, плыли ночи.

Дни и ночи, дни и ночи!
То потухнут, то погаснут.
Их маяк круглее суток.
Как сонаты – лунны ночи!

Кто их музыкой питался,
тот не раз качнулся пленно
лампой – ампулою света
и сомнамбулою тени.

Я, зажмурясь, озирался
и терял себя в догадках.
Птицы ребусов ныряли,
как под крышу, под ресницы.

Санки разного калибра
по снегам белков скользили.
На летящем блюдце взгляда
не растаять вихрю пыли.

Шли дожди в воде по пояс,
но Земля не уставала
перед зеркалом Селены
мерять бусы винограда.

Ах, Земля не уставала,
морозея и сжимаясь,
мчаться к цели, мчаться к маю,
февралёк оставив лютым.

И, конечно же, бывало,
ей и ноздри щекотали
в шахтах пневмомолотками –
но она в ответ чихала.

Её груди дорожили
самоцелью поцелуев,
что качались над Эльбрусом,
как ковчеги, кучевые.

Когда сроки, словно соки,
кратер снизу поджимали,
её женственная сила
лавой месячных бродила.

Потому что невозможно,
если стёкла запотеют,
не коснуться их платочком,
писк нервёнка утоляя.

Но уж раз коснулись мая,
расскажу о нём, как было.
Гениальность мая в клюве
первой ласточки висела.

Май развесил акварели
по полянам и по клёнам.
Из художников он выбрал
наиболее зелёных.

И лишь выставка открылась,
всякий сброд туда нахлынул.
Вездесущие букашки
объедали чьи-то крылья.

Но всевидяще, как боги,
и в кепчонках, сбитых шало,
мир скворечников дозорных
одноглазо возвышался.

И вот в этом самом месте,
как и все, кто жили сами,
накололся я впервые
на мой личный гвоздь программы.

Одним мигом я, как током,
поражён был пораженьем
той стрелы, что пела в теле
первым в жизни опереньем.

Полюбил иль просто сглазил –
но была она спросонья
не в излишествах нейлонных,
а, смеясь, в моих ладонях.

Ну, а если покрывалом
был туман и замечала –
злилась кожей, будто раной,
и ладони обжигала.

Эта чудная тычинка
овладела лучшей тайной –
тайной обладанья мною
в крахе самообладаний.

Превзошёл тогда себя я.
О, приподнятость на ложе!
О, сегодня только память
на ходули вспрыгнуть может...

Вот иду и вижу снова –
сколько вас, недовоспетых!
Об одной сказать – но этим
вас, пожалуй, не уменьшить.

Я узнал на этом рынке
прейскурант души и тела.
Тело требовало тратить
то, что есть – себя и только.

А душа – иное дело.
Здесь я думаю примерно
так, что чем она дырявей,
тем, конечно, кружевнее.

Хоть сказал поэт однажды
про прекрасные порывы,
что «души»... но всё же вряд ли
призывал он нас душить их.

Я в любви не торговался.
Я признал одну расценку:
где ценнее, там бесценней,
значит, ноль цена всем ценам.

Вот треплюсь по ветру кожей,
той, которой трепет водит...
Что слова? Слова ничтожны
и темны для ослеплённых.

Их толочь легко, как воду.
Юность! То я не забуду,
что ты венчана улыбкой,
а улыбка неподсудна.

Жизнь моя, ведь, правда, похоть
приз не главный отхватила?
Тем, кто думает иначе,
ты не многое вдолбила.

На твоих ногах рессорных
шейк расшатывал законы.
На плечах ручные птицы
вили гнёзда – не погоны.

Это время, это время,
смена лет, белья и крови!
Сколько раз рубаха счастья
была стирана – не знаю.

Обручение ночами
как приходит, так проходит.
Животы в ремнях, как бочки,
держат обручи иные.

Кончен сад. Мои побеги,
изловчась, от пней бежали.
В этом саде, в белом цвете
я своё отпартизанил.

Но клянусь глухой крапивой
и осколками стаканов,
что, цветочков куш срывая,
не обидел даже мухи.

А другие... что другие?
Если живо людоедство,
то я с ним здесь не застряну,
это лифт другой поэмы.

Руки чешутся, не терпят,
по отточенной лопате.
Если б только мне вручили,
я б себя перелопатил.

Потому что зёрна хмеля,
чем пудовей их – замками,
тем бредовее – ростками –
жарко самовозгорают.

Но сегодня не подпрыгнуть...
Снег волос пришёл и выпал.
Лишь вино снабжает вены
ветром юности упругим.

Под конвоем эскулапов
я кочую, я чеканно
снова к двери приближаюсь
и готовлю чаевые.

Здравствуй, выход! Дверь, сим-симка!
Что ты ротик свой раскрыла?
Тебе странно, что твой мальчик
вытряс суточные крылья?

Здесь всё, милая, как надо.
Разве это неприлично,
если я не отказался
перепробовать всё лично?

Ну, пока! Держите лапу.
Вот на чай моя поэма.
Зря не поминайте лихом.
Будет трудно – напишите.

Хотя, стоп. Насчёт писанья
я мал-мал давал осечку.
Вы пишите в том бессилье,
когда лёгкость вас осилит.

Что вы там пролепетали,
голова моя два уха?
Пусть земля мне пухом будет?
Ни тебе пера – ни пуха!

Ни пуха!..

1965

Абсурдизмы – 2020

Жгут короедов

бывают моменты uno
сжигают сначала Бруно
и Жанну и прочих вредин
теперь жгут жуков-короедов
типографов
к кострам воспылав восторгом
суют в них сучки задоринки
в которых личинки съестные
засели как братья лесные
сжирает их пламя неистовое
жучки норками норовистые
чем же так они провинились
они тихо в хатынях трудились
казнью их за то наказали
что всевышний наказ исполняли
было спущено им высочайше
плодитеся размножайтеся
не забывайте с дятлами делиться
урожайность им ваша сгодится
они и обрадовались дурачки
весь вложили талант в закоулочки
так на радостях и погорели
горят расписанные короедами ели
ах какие невиданные гравюры
изваяли жучки – у них Дюрер
научился зрением зорким
потрясающему узорочью
но нашлись и такие людишки
костерят почём зря жучишек
жгут кострами точёное творчество
в ихнем творчестве видят порчество
матерят: мол леса угрохали
слишком жуткие вы типографы
как вы смели печатать такое
тьфу на вас

Бактерии в нас

У каждого из нас
богатый внутренний мир
учёные насчитали в человеке
1 кг 400 г бактерий
почти все они полезные
у меня с ними симбиоз
и скажу вам по секрету
тет-а-тет

на них зиждутся наши:
авторитет
иммунитет
суверенитет
промискуитет
где они размещаются?
ну это у кого как
у кого-то в прямой кишке
это золотари везучие
у кого-то прямо в башке
заседают как в думе ссучились
у других сидят в печёнках
валяются там на шконках
а у хирурга Лео Бокерии
не нашли ни одной бактерии
такая уж у него чистая биография
такой медицинский факт
и это большое несчастье
уж лучше б иметь инфаркт

***
шёл я лесом камышом
встретил девушку голышом
но в маске
здравствуй девушка добрый день
сказал
и от неё шарахнулся
а потом пожалел
пожалел её бедную
подошёл
и насколько я ей подошёл
можно судить хотя бы по тому
что у меня тоже появился ковид
ну а вас я прошу
нас судить не очень
жизнь она сложная очень
просто поставьте на вид
на виду всей вселенной
поставьте голыми нас
к позорному столбу
напишите дёгтем
любую гадость
на лбу
но потом за это ответите

Тыр-тыр-тыр

На столетие я отстал
а ведь там был другой устав
но скажу – я сегодня не пил
на хрена нам вычурный *дыр бул щыл*
никаких нам не надобно дыр
на тыр-тыр-тыр я хочу быть щир
тыр-тыр-тыр тыр-тыр-тыр тыр-тыр
в руках лузеров это трррemор-тыр
если музыка значит трррemоло-тыр
инструментно – это трррembита
тренд такой – торопитесь трындеть
а у древних-то карта бита
а ещё там у древних – мор
а когда-то у них был – ром
а теперь вот за мором – морг
как когда-то за ромом – гром
гром гремел был он грум-гржимайло
гром победы гремел раздавался
ром не ром – а шнапс разливался
с Тарапунькой Штепсель братался
как бы депрессия?
как бы не так
80 – это 65+ если есть чердак

Моя луговщина

Сказы детства

Весной и солнцем на лугу обвита жёлтая дорога, сказал поэт, это значит, обвита светом, а весна началась в том, 1941 году, 18 марта, и длилась она всё детство, обвитая светом. А что такое свет? Физика считает, что свет это сразу волна и частица, какой-то шмат, в переводе на учёный язык – квант. Точно, так оно и было, хотя напрямую это двуличие понять невозможно, а вот опосредованно, через жизнь – пожалуйста.

1. Искусство или порча материала?

Детство Шуры было протяжённо-луговым. На лугу он пас гусей. Луг начинался сразу за огородами, спускавшимися от хат в сторону деревни Яньково, через него в вечном круговороте воды в природе тихонечко, будто глухонемая, струилась речка Барлычка с пиявками и возможностью при большом усердии, пройдясь по всей длине, взмучивая илом воду, нахватать из неё хищной корзиной растерявшихся от внезапного разбойного нападения плотичек, пескариков и прочих сонных леженьков величиной с мизинец, а при удаче и со средний палец в таком количестве, что хватить могло на шикарное сытное угощение-добавку к незаменимой картошке не только рыбаку, но и нервно возбудившемуся коту. Но это было раз-два за лето.

Возможно, кто-то ляпнет, а что, мол, их пасти, гусей – гуси сами пасутся, была бы трава зеленАя (не зелёная, а именно зеленАя, ибо так поют в песнях по луг-лужок). На лугу траву искать не надо, это ладно, но из-за этой зело зеленОй травы-муравы могут быть неприятные последствия. Трава эта имеет свойство временами, проделав путешествие внутри птиц, вываливаться из них, словно из тюбиков художника, и, не дай бог, если попадёт на домотканое, мамой тканное полотно, раскатанное на лугу для выбеливания под солнцем. На полотно ни один гусь-гусыня-гусёнок не имел права ступить, и чтобы этого по гусиному недомыслию не случилось, и нужен был пастырь Шура с коромыслом.

Гуси могли быть управляемы и без такого устрашающего снаряда, но тут сталкивались два противоречия – с одной стороны, долг человека не допустить на полотне жутко абстрактного искусства, эстетического безобразия, а с другой – слепой инстинкт предводителя гусиного стада защищать своих подопечных. Он же, начальник гусиного гарема, не понимал, что если на его любимую жену замахиваются, пытаясь отогнать её от холста, то делается это не потому, что художнику запрещают свободу творчества, а просто не пришло ещё для холстов время модернистского какающего эксперимента.

В общем, завидев, что обижают его близких, предводитель вытягивал свою змеиную шею, шипел, аки змей Горыныч, и бросался на Шуру. Коромыслом, однако, отбиться удавалось не всегда, успевал-таки вожак ущипнуть пастыря в районе колена или чуть пониже, да ещё так ударить лопатами своих крыльев, что синякам потом, чтоб погаситься, не хватало порой и месяца.

2. С неба падали гайки

Помимо гусей бывало на луге-лужку всякое. Как там у классика – игрища и забавы? Вот-вот. Это тоже рвало монотонную луговую протяжённость, вносило квантовую эпизодичность, порой весёлую, порой драматическую.

На лугу стояла колхозная баня, любимое место пацанов, потому как порой здесь можно было исподтишка наглядеться голых баб, которые, распарившись, запросто выходили одеваться на травке да на свежем воздушке, не обращая на юную человеческую поросль даже ноля внимания.

Собирались здесь пастыри и непастыри, пацаны разномастные, кто коня приводил, завязывал на передних копытах путы, как у каторжника кандалы, чтоб не мог далеко ускакать; кто просто приходил развлечься, в дурачка поиграть, в ножичка (о, это интересная игра: надо резким движением ладони втыкать ножичек в землю с пяти пальцев, потом с четырёх, дойти до одного, потом с разных позиций: с плеча, с головы, с носа, с подбородка, с кулака. На кону была спичка, которую при каждом проигрыше вбивали тем же ножом глубже и глубже в землю, пока она не пряталась полностью в дёрне. Проигравший должен был потом выгрызть эту спичку из земли, пусть даже и с дождевыми червями). Прыгали с разбегу через голову сидящего товарища так, чтобы шапку не сбить. Привязывали на нитку гайку и, раскрутив, запускали в небо, следили, кто выше. Можно было бы сравнить с запуском спутника в космос, но тогда о спутниках даже Лаврентий Павлович, тиснёный на глянцевом листе мелованной бумаги, висевший в хате над моей головой над диваном, не мечтал.

И вот возвращавшаяся на родимую землю гайка ударила прямо Шуре в голову. Кровь мгновенно залила лицо мальчика. Все перепугались. И, надо же, как раз в этот момент мимо ребят проходил отец Шуры, кузнец. Окончив свой ударный труд, его горбатая фигура приземистой походкой в ежедневной челночной традиции двигалась домой. Увидев на подходе залитое кровью лицо сына, он ринулся в кучу пацанов, и виновник неудачного запуска гайки, Толя Жилин, сам в ужасе, бросился наутёк, через надлуговую яньковскую дорогу, потом через колхозный двор и в поле колосившегося жита. Коваль, горбатый труженик, хоть и не был замечен успехами в скоростных забегах, но всё ж, задыхаясь от недостатка лёгких, через километр догнал бедного убийцу сына и в ярости измолотил его в золотой ржи, можно сказать, измолотил кулаками, как молотят цепами рожь, но это уже неуместная красивость.

Вернувшись, он увидел, что с Шурой всё в порядке, хлопцы голову успели рубашками протереть, зелёным соком подбела-тысячелистника наквачить, замотать, лицо промыли водой, баня с кадкой как раз была рядом.

Выжил и Толя Жилин.

3. Схватка с Борькой-москвичом

Однажды на лужке появился приезжий пацан – москвич, Боря Хомутов. Сын той самой Шуры Хомутовой, что была дочерью первого председателя колхоза, той самой, что в сельсовете выкрала паспорт для своей подруги, чтобы та смогла дать дёру с истощавшими дочками из местного голодомора, об этом у меня написано в «Молотобойце с Полтавщины». Сама Шура уже работала в Москве, и сын её Борька драгоценным грузом был привезён на лето к бабушке Хомутихе оттуда же.

Конечно, хлопец-москвич – это нам, деревенским, было и что-то глубоко чуждое, и загадочное. Лето предстояло длинное, он появился, он сосед, надо было знакомиться. А он сразу предложил мне: давай поборемся! Это я сейчас, может быть, сказал бы: «Борис, ну-ка брысь, иди с курами борись!» А тогда надо было принять вызов – иначе сдача без боя, позор, и что за знакомство! И мы сошлись в поединке.

А поединок наш на что был похож? По сегодняшним представлениям, на японскую борьбу сумо, только там противники весят по 500 кило, а... сколько весят десятилетние пацаны, подскажите, я уже не помню, да и не знал никогда – лишне. Так вот, вцепились мы друг в друга. Некоторые новаторы, мне встречалось, пишут: вцепились в друг друга, но это вывих на показ. Хотя писать правильно, что вцепились друг в друга – тоже чушь, не были мы друзьями, а были бы, так не вцепились.

В общем, вцепились мы, недруг в недруга, хватаем недруг недруга за рукава рубашек, за штанины, за шкирку (кожу), ходим по кругу, топчем траву, главное, не ошибиться, главное, как это называется, улучить момент, то есть надо как-то улучшить момент, непонятно как, а публика смотрит, все местные, все болеют за меня, да я заради них готов на... подножка – и мой Борька элементарно рушится! Шурка тоже падает, но только падает сверху, а не снизу, и это две большие разницы, кто на кого падает... Шурка падает сверху – Шурка победил. Победил москвича! Победил столицу! Победил за всех за нас, деревенских лапотных! Не посрамил! Пусть знают!!

Теперь вы поняли двойственную природу света?

4. Самолёты прилетели, сели, улетели

Ещё одна луговая картинка ожидает показа. Не просто ожидает, а заждалась даже. Ибо в порядке квантования времени-пространства счастливого детства, перекантовывания в памяти, она, пожалуй, самая первая и самая сказочная.

Ещё шла война. Немцы уже бежали, пятки сверкали, наши краснозвёздные удальцы посидели-посидели в хате, почистили винтовки, подымили махоркой, да и погнали дальше гансов в даль их поганую. Мы, пацаны, ищем рассыпанный порох, собираем по крупицам, потом мечем, как шипучую пыль, в огонь, это завораживающе красиво, но редко. И тут на луг, прямо под нашим огородом, садятся самолёты. Два! Из них вылезают лётчики. Вся деревня, и стар и млад, вся немощь внефронтовая, сбежалась и сползлась на чудо невиданное. Ни до, ни после такого не бывало.

А лётчики забрали своих товарищей, которые после лёгких ранений, ранее, были оставлены наступающими частями Красной Армии как раз в нашем доме для отдыха и поправки, нынче сказали бы – для реабилитации, забрали и упорхнули. Подробней рассказать не могу – мне не было на тот момент и трёх лет.

Самолёты, понятное дело, были «стрекозы». Они летали после войны над колхозными полями, пылили ядохимикатами, дустом, пылили вроде бы и удобрениями. Никогда их не звали у нас ни «бипланами», ни «кукурузниками», ни, тем более, ПО-2. «Стрекозы», и только.

Оказывается, был и такой способ помощи Красной Армии.

А лужок вот, на котором мы успели и в гилку поиграть, и в футбольный, скрученный из тряпок мяч, – лужок наш, случись война сегодня, не смог бы помочь сесть самолётам, даже «стрекозам». Перекопали его сажалками, когда топили замашки конопли, готовя пеньку, чтобы соткать не приемлющие гусиного любопытства полотна. Потом коноплю отменили, но сажалки не заровняли, ветры нанесли семян лозиных, кленовых, крапивных, всё закустело, затравело, одичало, красавцев коней не стало, пацанов тоже. Японец какой-нибудь Хатояма Токанава ещё может приехать туристом на тойоте, чтобы научиться русскому мату, – а «стрекоза», нет, не сядет, споткнётся и развалится. Да они от времени уже все развалились и сданы в утиль.

К свойствам светового луча это если и имеет отношение, то, может, лишь по аналогии с концом света.

5. И видел великий день наш лужок

Самый памятный, самый великий день на нашем лужку был осенью 45-го года. Отец Шуры и ещё семерых детей, пятерых живых, горбатый пятовский коваль Петрович, дошёл-таки до Берлина, а потом дошёл и до своей хаты. И шагал он как раз через этот лужок. Сошёл с пыхтящей паровозным паром «стародубки» на остановке Осколково, зашёл в приросший тут к путям небольшой посёлок Зелёный Гай, оставил в нём куму своему, крёстному нашему отцу Ивану Ореховичу (Арефьевичу), скорняку-шубнику по фамилии Коваленко (больше подходившей гостю), одноногому инвалиду войны, тяжёлый ящик с железом – немецким кузнечным инструментом, трофей из имения бежавшего барона, чтобы вернуться потом за ним на коне с повозкой, выпили наскоро по чарке, закусили медком и отправился солдат налегке с малым чемоданчиком с гостинцами в пятикилометровый оставшийся путь.

Первой заметила мать. «Дети! Бягите сюда! Батька с войны вернулся. Вон по лугу йдеть!»

Шурке поднимавшийся с луга солдат был незнаком. От страха Шурка не побежал к отцу, а побежал в дом и забился под кровать...

***

Разве возможно – забыть этот впечатанный в каждую клеточку, с каждым сделанным шагом из миллионов шагов и отца, и матери, и всех братьев и сестёр, и всех пацанов, этот Луг между моим селом и соседней деревней Яньково, забыть и не приехать, хотя бы раз в три года, хотя бы дня на три… Чтобы обуть резиновые сапоги, дабы не уколоться и не порезаться, хотя ощутимее босиком, а можно выборочно, и шагать и шагать, с утра до вечера, и завтра тоже, и послезавтра опять, всеми фибрами ощущая... Нет! нету никаких фибров в душе... душа, как и свет, состоит из квантов и волн, из накатов неумирающего волнения.

Из цикла «Сказы-коротышки»

Хлебушек доставался...

Хлеб, как известно, имя существительное. Причём существительное существенное. И желательно, чтобы было ещё и жевательно – существительным существующим – не вообще, а в данное конкретное время. Например, сегодня, когда вечером вернётся с колхозного подряда батька-коваль и ему будет подана тарелка наваристого борща.

Борщ – это забота мамы, а вот хлеб – забота двенадцатилетнего Шурки. Шурка добытчик что надо. Солнце ещё едва прокатило полпути под горку, а он уже на станции, ждёт местный поезд, который должен прийти строго по расписанию. Поезд рабочий, ухает он старинными вагончиками из узловой Унечи, выползая из депо, развозит рабочих по их посёлкам. Рабочие перемазаны мазутом, спешат в семьи. Им было не до продуктов питания, хлебом для них занимался ОРС – отдел рабочего снабжения, имевший свои магазинчики по железнодорожной округе. Магазинчик ОРСа стоял и на станции Рассуха, рядом с путями. Хлеб поступал в магазинчик с этим предвечерним поездом.

Ехал хлеб, наглухо упакованный в деревянные ящики, имевшие по сторонам бруски-ручки. Вмещалось в один ящик буханок двадцать. Когда поезд останавливался, изнутри дверь вагона распахивалась, точнее, уходила вбок, и служащий начинал сбрасывать ящики вниз. Задача мальчишек, а их тут собиралось до дюжины, – подхватывать ящики и отволакивать пока в сторону. Поезд стоял всего минуты три-четыре, за это время он должен был освободиться от бремени. Поэтому мальчишки набрасывались на ящики с хлебом, как стая голодных ворон, тесня и отталкивая друг друга. Между тем, ящики были не такие уж лёгкие. Пока их тащили, в смысле несли, дальше к магазину, каждый ящик вдвоём, семенившие ноги подламывались, но делать надо было всё не мешкая, очередь к магазину уже выстроилась и гудела.

Конечно, доставкой хлеба от вагона до магазина должен был заниматься кто-то из взрослых, но зачем, если есть бесплатная пацанская сила. Ведь каждый из мальчишек был из семей нежелезнодорожных и яростным усердием зарабатывал себе право приобрести ведомственную буханку. Если достанется, конечно.

Хлеб никогда не оставался, сегодня бы сказали, разлетался как пирожки, но нет, хлеб разлетался как хлеб. И хотя железнодорожники раскупали почти всё, ведь лимит выделен по их числу, буханка в руки, не больше, но всё же оставался какой-то резерв для страждущих. Кто-то ведь из рабочих семей успевал добыть хлеб в городе, запастись, не все шли к этому орсовскому магазинчику. Но мальчишкам, заработавшим *своё право,* всё равно надо было становиться в очередь и выдерживать такой напор, что кости трещали, и плач порой вырывался из раздавливаемых грудных клеток.

Это было году в 53-54-м. После войны.

Что нам стоит дом построить

Шуре было 12 лет, когда он узнал о прекрасном методе жилищного строительства.

Возвращался Шура из дальнего похода в лес, вёз собственноручно изготовленную тачку свою одноколёсную с увязанными дровишками – частично хворостом, частично счастливо найденным, потом порубленным сухостоем. Лес был чем-то недоволен, начал шуметь, ветер его раскачивал туда-сюда, точно как у Николая Алексеевича – «Идёт-гудёт Зелёный Шум». До дома оставалось совсем немного, какая-то сотня-другая метров, вот закончится лес и сразу предстанет родная хата, рыжие белки прыгают, желтоухая ужиха, подкравшись, в сенцах пьёт из кувшина молоко.

И вдруг пришлось замереть. Мальчик заметил каких-то людей и возню. Спрятавшись за кустами орешника, стал наблюдать. Людей он узнал сразу – это были соседи, супружеская пара, люди в общем-то не лесные – учителя. Он преподавал математику, она тоже что-то, но в других классах. Детей у них не было, точнее ещё не было, всё ж таки по возрасту потом могли появиться. А потому Шура их знал мало, люди они были угрюмоватые, сосредоточенные на чём-то своём, с соседями не общались. Известно было, что он, фамилия Семенихин, мужик здоровый, чёрнокурчавый, хорошо играл в шахматы, участвовал в областных турнирах, газета писала, какое он занял там место.

Чем они занимались? Вы не угадали – супруги валили ёлку. Хорошую молодую ёлку, толщиной с ведро, вечнозелёную, но, видать, пришёл её срок. Зацепили верёвку повыше за ветку, как-то уж ухитрились, и тянули в нужную сторону, чтобы легла между других дерев, не зацепилась. Выбранная из множества других, обречённая призёрша не была подпилена, нет. Чтоб ей легче было проститься со вскормившей землёй, ей подрубили корни, благо они, как щупальцы у осьминога, раскинулись во все стороны поверх насорившейся хвои. В унисон зелёному гудящему шуму ёлка бухнулась глухо, мягко, незаметно, мальчик наблюдал. Потом педагоги взяли инструмент и приступили к телу – стволу. Топор, пуская блики, очистил ветки, двуручная пила расчленила труп на отмеренные верёвкой части. Потом части, поднятые теми же верёвками с двух концов, были отнесены в сторону огорода, граничившего с лесом. Там брёвнышки, добавив к заготовленным ранее,

уложили меж бульбяных рядов, сначала на всё оставшееся лето, а по осени, выкопав картошку и прикрыв заготовки тем же бульбяником, только иссохшим, оставив до лета следующего. Но это Шура выяснил уже потом, когда исследовал всю технологию сотворения нового дома, а пока, уже не опасаясь, что его заметят, поспешил доставить свою дневную дровяную добычу в родной двор.

На следующий день мальчик решил осмотреть место вчерашнего приключения. Быстро нашёл, но едва узнал. Где было дерево – ни одной обрубленной еловой лапы – улики разнесены за десятки метров, покиданы в заросли орешника. На месте убывшей ёлки, присмотревшись, можно было заметить заплаты из дёрна, припорошенные ветхими листьями. Да, всё было сделано чин-чинарём, комар носа не подточит. Впрочем, нечего здесь, близ человеческого жилья, в продуваемом живородящем лесу, делать комарам. Как и леснику, сигнал которому не поступил из-за всепобеждающего зелёного океанического шума.

Звериное чутьё

Остановился я пожить малость в деревенском доме. «Будьте хозяином, – сказала мне хозяйка, уезжая надолго на городские заработки. – Только учтите, на чердаке кошка окотилась, днём будет спускаться. Она приблудная. Чтобы больше привыкала к дому, кормите. Без неё мыши разведутся…»

Я остался один. Приводил в порядок родительские могилы, бродил по окрестностям детства, кружил вокруг заброшенных усадеб. Кошка по утрам спускалась с чердака через дыру в фронтоне, далее цеплялась за угловые концы брёвен, а с двухметровой высоты спрыгивала. Я ей наливал в тарелочку, поставленную на траву во дворе, купленного молока, клал и куски «быстрой» каши, которую себе варил. Кашу есть брезговала, молоко же хлептала уверенно, но с оглядкой, надо было блюсти дистанцию. Я ей оставался чужим, разговаривать с ней издалека можно было, но не приближаться, не говоря уже о погладить. Так продолжалось с неделю.

Котят у неё было трое. Я их увидел не сразу, на чердак нельзя было залезть, не было лестницы. Но кошка сама их «вывела в люди». Как она определила, что пора своих деток знакомить с миром, не знаю, только настал час, когда их, уже прозревших, она стала спускать. Держа деток в зубах, по отдельности каждого за шиворот, она пробиралась наружу чердака через дыру, дальше шла по карнизу и высматривала место, откуда сбросить вниз своё чадо. Видать, выбор точки сброса сделать ей было нелегко, внизу всё было усажено цветами, и надо было решить, где же разжать зубы, чтобы котёнок шлёпнулся помягче. Походив по карнизу туда-сюда, повглядывавшись, поволновавшись, она наконец решалась, и котёнок приземлялся куда надо – не на растыканные возле цветов колышки и не на ветки цветов, а на какой-то крохотный пятачок взрыхленной земли. Каждый ребёнок, шлёпнувшись о новую реальность, конечно, плакал, мяукал, жалобился и начинал крутить головой с бессмысленными глазами. Выбросив всех на берег большой жизни, кошка сама спустилась вниз и, снова беря потомство за шкирку, собрала свою тройню в одно место, поближе к тарелочке с молоком.

Я завёл тииду-ниссан и снова уехал на кладбище, надо было на памятниках закончить установку мемориальных досок. И здесь я допустил промашку. Закончив работу, выезжать стал не как обычно, для разворота на узком месте шмыгая рулём то влево, то вправо, колёсами то вперёд, то назад, а решил сэкономить движения, дать задний ход в крапиву, на полкузова, из неё вперёд вырулить на дорогу. В крапиве я, однако, застрял. Предварительно не исследовал, а теперь увидел пенёк от спиленного клёна, который там торчал, и на нём, уткнувшись правым крылом, машина забуксовала. Встала – ни вперёд, ни назад. Чёрт! Пришлось идти к домам, к людям, просить топор. Кое-как, выколупывая по щепочке, пенёк изничтожил, со слегка помятым бортом выкарабкался-таки.

Грустно думалось. У кошки вот было чутьё, куда можно безопасно бросать котят, у меня же безопасно выехать звериного чутья не хватило.

На следующее утро я уже не обнаружил кошку во дворе. Самостоятельная, унесла она своих зверят в непроходимые заросли бузины. Даже молока попить не пришла.

Однажды на плацу

Был в русской истории случай. Один полковник, современник Пушкина (правда, современником был всего один год – родился в 1835-м), учил солдат не только искусству боя, но и просто искусству. Учил грамоте, рассказывал им про писателей – Александра Сергеевича, Николая Васильевича, Николая Алексеевича, читал стихи. Не только классиков, но и свои. Например:

Человек посеял счастье,
Счастье выросло, живёт,
Ветер, буря и ненастье
Счастье с поля с корнем рвёт.

Человек посеял горе,
Горе это дало цвет,
Разлетелось семя вскоре,
Разнеслось на целый свет.

И вот приезжает в часть проверка – генерал. Слух про стихи до него дошёл. Построили солдат на плацу, спрашивает генерал одного юного ратника: «Знаешь грамоту? Читать умеешь?» – «Так точно, Ваше Высокопревосходительство. Вчера «Шинель» читал! У нас её до дыр зачитали!»

Конечно, такой ответ был неслыханной дерзостью. «Шинель? До дыр?..» – возмутился генерал и – бац! – рядовому по роже. Потом стал избивать унтер-офицера.

Полковник не выдержал, стал между избиваемым и избивателем и прокричал барабанщику: «Бить сбор!» Через полминуты он был окружён своим войском. «Слушать мою команду! Ружья вольно! Марш в казармы! Прощайте, братцы, я битыми командовать не буду!»

Все разошлись. Генералу подали коляску, укатил. Полковник написал рапорт об отставке.

И вот я думаю: хорошо ли, коли офицерство, уставу параллельно, занимается сочинительством? Сдаётся мне, не писал бы полковник стихов, вряд ли написал и рапорт.

Имя полковника вполне поэтическое – Иван Андреевич, только не Крылов, а Лишин. Была такая тема в русской литературе – тема «лишнего человека».

А между тем, этот Иван Андреевич Лишин изобрёл военно-полевую кухню. И был моим земляком. От Стародуба до Суража всего ничего.

Утонувший в пожарной пыли

Марк Григорьев – поздний журналистский псевдоним Марка Григорьевича Шпильберга. Я с ним познакомился в 1961 г., мы оба учились в МВТУ им. Баумана, оба сотрудничали в институтской многотиражке «Бауманец», которой я, по тогдашней актуальности, придумал псевдоним «Женьминжибауманец». Голос у Марка был густой, иерихонский, а сам он был щупл, светел, по типажу походил на другого Марка – Бернеса. Ещё заметен был он тем, что евреев в Бауманку не принимали, а тут на тебе, да ещё с такой «высокогорной» фамилией. Я знал, что он из подмосковного города с ужасным названием Электросталь. Расхваливал он вышедший тогда лихой американский фильм «Великолепная семёрка». Когда его в чём-нибудь упрекали, отвечал: «Но я же хороший!»

Помню, он опубликовал стихи, где были такие строки:

Алибекский ледник –
он легенду хранит
про абрека Али,
конокрада Али,
утонувшего в снежной пыли.

На Кавказе, в Домбае, у бауманцев была база отдыха. Ледник – неподалёку.

Учились мы на разных факультетах и курсах, Марк шёл года на два раньше меня. О нём рассказывали, будто бы в общежитии в Измайлове он, находясь у друзей, учинил хохму: изготовил чучело человека, привязал к нему бутылку с красной краской и посреди ночи выбросил из окна высокого этажа, с диким воплем. Была весенняя сессия, студенты не спали, многие окна общаги горели светом и были распахнуты в звёздное мироздание. И вдруг душераздирающий крик и падающий вниз человек, глухой стук об асфальт, кровь... В общем, любил Марк яркие моменты жизни.

Однажды я ехал к приятелю – тоже студенту-бауманцу, тоже, как и я, из Донбасса, но жившему с женой на частной квартире. Собирались что-то отметить, у меня была бутылка коньяка. И вдруг вижу в трамвае Марка, приглашаю присоединиться. Приехали на Библиотечную улицу, стали смаковать коньячок и трепаться. Мы вспоминали шахты, Марк рассказывал про Казахстан, где он раньше бывал, про бешбармак, как его едят – «пятью пальцами»...

Как-то он меня наделил мохеровым шарфом – в то время очень модным, редким. Шарф мы располовинили, но вскоре мою коротышку украли в раздевалке студенческой столовой.

Потом жизнь закрутила нас в совершенно разных вихрях, мы не «пересекались». Когда в Бауманке появился Эдмунд Иодковский, который вёл литобъединение и приводил на наши собрания разных уникумов, от Дира Туманного до смогистов, Марка уже не было.

Через много лет я увидел публикации Марка в журнале «Юность», он писал большие, с продолжением, очерки про стройку века – БАМ; видел что-то его я и в журнале «Рационализатор и изобретатель». Перо его уже имело псевдоним, но «идентифицировать» было легко – в «Юности» печатали его пусть маленькое, но хорошо узнаваемое фото.

О трагедии 23 февраля 1991 года в Ленинграде я узнал из знаменитой в то переломное время телепередачи «600 секунд» Александра Невзорова. Было названо имя погибшего в огне, профессия, даже мельком показаны останки – что-то вроде груды пепла.

Потом разными путями я выведал, что Марк находился в Питере по заданию коротичского «Огонька», готовил статью по рыбной мафии, уже собрал материалы. Не было сомнений, что его убили и, дабы замести следы, устроили «большой костёр».

Пожар произвёл сенсацию также тем, что в нём сгорела целая группа тушителей, называют число 9. Писали и о том, что во время этого пожара спасли – спустили по пожарной лестнице Марину Влади, жившую в гостинице этажом выше.

Окурок Высоцкого

Моего приятеля Неклюдова Александра Николаевича, сейчас на пенсии известного археолога, открывшего в окрестностях Зеленограда палеолитические мастерские Льяловской археологической культуры, а в молодости работавшего в «органах», направили в те времена в новый, недавно родившийся, пламенеющий красным квадратом эмблемы театр на Таганке, чтобы оформить на должность следящего за пожарной безопасностью. Ясное дело, следить надо было не только за вероятными источниками возгорания, но и за опасностью возгорания идеологического.

Прибыл молодой агент со своим наставником в театр, осмотрели закоулки здания, добрались до сцены. Там была группа актёров и среди них Высоцкий, начинающая восходить звезда. Поздоровались, представились. Тут Высоцкий, кончив курить сигарету, бросил окурок на сцену. Новый пожарник, ещё даже не вступивший в должность, не выдержал и сделал артисту замечание. «Да пошёл ты!..» – раздражённо буркнул Высоцкий, и послал незваного режиссёра в нецензурную даль.

В тот же час юниор Команды Глубокого Бурения сказал своему наставнику: «Не хочу я здесь работать!..» И навсегда ушёл из органов.

Выслушав археолога, я копнул свою память, вспомнил одну забавную историю. На автобусной остановке девушка, выкурив сигарету, бросила окурок под ноги, на асфальт, хотя урна находилась в метре-полутора. Я был близко, сделал шаг к окурку и опустил в разверстый зев по назначению. Проделал это молча, на девушку и людей не смотрел. Но она видела, и все всё видели. И хорошо, что видели. Девушка не смогла послать меня на три заветные буквы.

P.S. Предполагаю, что многим читателям, беззаветно любящим гений Высоцкого, эта история может показаться едва ли не клеветнической. Но это, думается мне, от непонимания того колоссального напряжения, в котором пребывают любимые наши герои, творческие люди. Приведу слова из книги воспоминаний Валерия Золотухина «Таганский домовой» (Москва, Зебра Е, 2013). В дневниковой записи от 1 февраля 1973 г. автор (кстати, друг Высоцкого) сообщает:

Володя: «Я ужасно устаю на этих репетициях. Я нахожусь постоянно в жутком раздражении ко всему… Я всё время в антагонизме ко всему, что происходит... Меня раздражает шеф, меня раздражают артисты, мне их всех безумно жалко, я раздражаюсь на себя – ну, на всё».

(Ясен пень, такое напряжение чревато взрывами.)

А недавно телевидение, рассказывая о главном режиссёре театра на Таганке Ю. П. Любимове, остановилось на личности последней жены Юрия Петровича – Каталин. Она, административно помогая мужу, имея сильный характер, многое изменила в стиле работы театра, «ненавидела бардак, грязь физическую, *просила не бросать окурки*».

Облако смыслов

Читательница прислала письмо. Прочитав одну мою поэму (см. СМОг, №1/53/2016, «Золотая свадьба», поэма благодаренья), она не всё поняла и привела пример загадочных строк.

> И шарик мой, каким качу,
> грунтуя холст исповедальный,
> обрёл брюшка величину
> меж молотом и наковальней.

Отвечаю: здесь всё просто.

Шариком, шариковой ручкой – поэт пишет стихи.

Холст исповедальный для художника слова – белый лист бумаги.

Грунт – основа исповедальности, опора её дальности, на планетном шарике – основа жизни.

Брюшко шарика – его округлость, мощь. Мощь художника слова.

Дальше начинается второй план.

Катить шариком – жить. Мы все живём на шарике – земном, катим вместе с ним по просторам вселенной. Брюшко, оно же живот, это ещё, по-старинному, и жизнь. Смыслы накладываются на смыслы, происходит умножение.

Меж молотом и наковальней – пространство ковки этой мощи, а в биографии автора поэмы – пространство ковки его характера, характера сына кузнеца, о наследственной принадлежности к роду которого сказано в других местах.

– Теперь я понимаю, – ответила моя корреспондентка. – Но почему не изложено так, как вы мне объяснили, так же последовательно, ясно?

– Да потому, что поэт, напиши так же разжёванно, как я написал вам, оформи это же содержание в пять-десять строф, получил бы прозу, а не стихи. Разве вам нравятся жвачки? Поэзия – это облако смыслов – зреющих, переливающихся, уплотняющихся, электризующихся, ослепляющих разрядом, обрушивающихся, призывающих читателя: извольте соответствовать стихиям. Стихиям, где поэт – всего лишь демиург. Демиург облака смыслов.

Демиург облака смыслов

Автоинтервью юбиляра

Уходя от принятого сейчас метода приобретения заказных хвалебных материалов, я решил упростить путь и сам себя поспрошать на тему своей литературной работы. Первый вопрос, который я как бы сам задаю себе:

– С чего начался в тебе поэт?

– Вообще, наверное, с молекулы ДНК. Но это где-то в подвалах сознания. А на памяти, это, пожалуй, произошло в те 10 лет, когда мне подарили книжку «Родные поэты», издания 1947 года, Детгиз. С этой книжкой я не расставался, читал её и при дневном свете, и ночами при каганце, знал наизусть. Был влюблён во всех русских поэтов. Там и составитель фамильно созвучен был мне – Шер Н.С., и близки с младых ногтей знакомые мне картины природы на изумительных гравюрах Пискарёва Н.И., как потом оказалось, моего земляка, выходца из земли Брянской. На одной из них изображён некрасовский «Идёт-гудёт Зелёный Шум» – это так необычно и так свежо сказано, этим Шумом была наполнена моя детская планета.

– А первые стихи когда сам написал?

– О, это произошло поздно, я уже учился в горном техникуме. Осваивал гитару, слова подбирались сами, помню: *«Осень пришла, мне так скучно, Молча брожу по угрюмой тропе, Золото умерших листьев и тучи, Тучи вверху, надо мной, во мне...»* – мировая скорбь в 15 лет. Очень скоро я понял, что стою на пошлом банально-гибельном пути, и надолго, что называется, «завязал». Хотя первые книжки, неведомо как залетевшие в магазинчик шахтёрского края, которые я жадно схватил, вошёл в них и не выходил, были исследование «Гомер и Гесиод» венгра Тренчени-Вальдапфеля и впервые, после долгого молчания, изданный Есенин. Есенин впитался весь, он был близок моей юной вольнице, кроме всяких ложнопафосных и чуждых мне «Иноний» и «Пантократоров»...

– До сих пор чуждых?

– До сих пор... Но я очень удивляюсь, когда говоришь собеседнику: *«Скоро, скоро часы деревянные Прохрипят мой двенадцатый час...»* – а он не понимает, откуда это, что это за строки, и тогда, к сожалению, я чувствую уменьшение гравитации к этому человеку...

Добираясь в колхозы Луганщины на уборку кукурузы и бахчи, мы, студенты, год 1955 и 56-й, сидя на скамейках в кузовах грузовых автомобилей, пока летели эти две сотни километров, орали *«Едем мы, друзья, в дальние края, станем новосёлами и ты, и я»*, – это пела тогда вся страна, и мог ли знать я, что когда-нибудь автор этой целинной песни станет моим приятелем и самым симпатичным человеком из всей своры известных мне помешанных на поэзии людей...

– Когда это произошло?

– Когда я встрепенулся. А встрепенулся я уже будучи студентом Бауманки, первая половина 60-х. В Бауманке литобъединение вёл поэт Эдмунд Иодковский, он и поджёг мой фитиль. Это был очень харизматичный человек, абсолютно преданный поэзии. Вначале очень даже советский. Но именно преданность поэзии не могла не увести его из халтуры романтических трафаретных правильностей в вольнодумные дали. Поэтому он, выпускник журфака МГУ, вернувшись с целины в Москву, побомжевав, быстро стал близок всем неформальным андеграундным течениям – СМОГу, лианозовцам и др. А через него и мы, молодёжь.

– Он был хороший учитель?

– Гений. Культуру тянул к нам. Знакомил то с творчеством Велимира Хлебникова (это имя тогда не произносилось), то с эпатажным Уриным, ходившим по Москве с орлом на плече, позже изгнанным из Союза писателей СССР за невинную попытку создания Всемирного Союза писателей, то с профессором Турбиным, которого громили идеологи, то с вернувшимся из ссылки Бахтиным, его теорией мениппеи и карнавала, автором покорившей меня книги «Творчество Франсуа Рабле и смеховая культура Средневековья». Приводил разных уникумов, например – Дира Туманного. Учитель он был отличный, но не педант. Например, он рассказал нам, что такое сонет, какие его разновидности, дал задание написать. А я был всегда против устоявшихся форм, тем более завитушечных, самодовлеющих. И написал антисонет, взорвав изнутри эту форму. Ведь в это время меня уже потряс Уолт Уитмен, пронзили «Александрийские стихи» Михаила Кузмина – *«А она полюбила, потому что она полюбила»,* два верлибра Блока – *«Она пришла с мороза, Раскрасневшаяся...»* и *«Когда вы стоите на моём пути...»* А Владимир Бурич какую задал высоту:

Теорема печали

В треугольник локтя
вписана окружность головы
не надо
ничего
доказывать.

Как же можно было дальше плести кружева всех этих триолетов, венков сонетов – эту мертвечину – по Мандельштаму, красть цветы с чужих могил. И Эдмунд приветствовал мой подход, написал обо мне положительный отзыв в многотиражке.

– И как звучит этот «антисонет»?

– Он называется менее вызывающе –

Эскиз сонета

Трепещут, любя, сердца
не только юнцов безголовых.
Я тоже сумел чуть-чуть
покориться двум этим глаголам.

Ты явилась без опоздания, без меры.
Твоя подкравшаяся внезапность
ещё не сняла ослепивших меня ладошек,
а я уже боюсь их потери.

Та боязнь, как выращенная мной собака,
сторожит моё богатство
и не сводит с него цепных глаз.

Но как ни холь её, как ни подкармливай,
она с моё не протянет.
И несчастен я буду тогда.

– А тебе не кажется, что это похоже на подстрочник?

– Этого я и добивался. Главное, чтобы не было похоже на аккуратно упакованные конфетки. Не только я противился замшелым формам. Верлибрами написал увесистую книгу сонетов чилиец Пабло Неруда. Сонетов – но верлибрами!

– М-да... А смогисты – с ними как было?

– Со смогистами было сложнее. Я с ними участвовал в выступлениях, но родства не чувствовал. Когда прочитал им «Лето» – первый этюд из поэмы «Времена года», Володя Батшев, их организационный лидер, этакий пунцовощёкий петушок, вскочил и закричал: «Гениально!» Но следующим стихотворением я прочёл «Перелётные птицы» – о непреодолимой тяге и природной необходимости возврата птиц на свою родину, быть может, даже в её гибельную мглу, – конечно, это ассоциировалось с нашим отечественным диссидентством, – вот тут Батшев скривился... Ведь уже близилось время, когда он, отбыв сибирскую ссылку, уедет в Мюнхен, это антисоветское логово, осядет там и ненадолго, после развала СССР, вернётся в Россию. Я в это время «пересёкся» с ним, поздно вечером мы шли к метро от Иодковского из редакции его «Литературных новостей», и Батшев, теперь уже совсем не пунцовый, а с седой головой, оценивая перемены в России, вдруг сказал: «Здесь всё нужно разрушить, всё, до основания!..» – и, казалось, пена вылезла на его губы...

Соприкасаясь со смогистами, я чувствовал огромную разницу между мной и ними. Они – мальчики асфальта, их смог – выхлопные газы мегаполиса, их школа жизни – литературные кружки во дворцах пионеров. А моя жизнь – навоз, который я пацаном вытаскивал из пуньки на ралля (пашню). А ещё был колхозным свинопасом – летом в начальной школе. А ещё был дровосеком, заготовлявшим и поленницу на зиму, и брёвнышки на пуньку, пунька простояла потом полвека. А ещё я – шахтёр луганский, горный мастер, выполнявший план по добыче угля на шахтах «Сталинский забой» и 17-17бис... Был и целинником – в Кургальджинском районе. Разгружал баржи на Волге. К тому же я был старше их, попрыгунчиков, на 5-7 лет – что у нас могло быть общего?..

– Почему ты их назвал попрыгунчиками?

– Ну, это у Тынянова так сказано о декабристах: «люди с прыгающей походкой...».

– Но был же у тебя и дружок-смогист, вон акростих «пуншевый» ты ему, 20-летнему, посвятил...

– Юра Ивенский, да, был моим другом. Смогист, со своей стихией, но не обраставший легендами. Потом полностью ушёл в медицину. Летом 1967 ездил ко мне на свадьбу в город Рославль на Смоленщину, без билета, я провёз его в багажном отсеке под сидением. А он был мастер безбилетно проходить и в Дом писателей, и в театр на Таганке, и благодаря ему я посмотрел первые спектакли Любимова, очень запомнилась сцена с цепями и Высоцким: *«Прррро-ве-ди-те! Прррро-ве-ди-те меня к нему! Я хочу ви-деть э-того человека!»* Высоцкий как бард тогда ещё не был известен, да и артистом был начинающим. Позднее стала доступна кинохроника о Есенине с этим же проникновенным монологом Хлопуши... очень похоже у обоих звучало, наверно Высоцкий знал эту ленту.

– А дружба с Иодковским – что с ней?

– С окончанием Бауманки меня понесло по кочкам. Условно говоря, познал «суму и тюрьму». Бомжевал. Служил офицером в ракетном бункере. Сидел на гауптвахте. Работал в закрытом НИИ. И так – до новых гдляновско-ельцинских потрясений в Зеленограде и в стране. С Иодковским снова встретился уже в 91-м, когда он стал издавать «Литературные новости» – газету вровень с ЛГ, такого же формата и объёма, только андеграундную, с эпиграфом из Пастернака *«Талант – единственная новость, которая всегда нова».* А я в зеленоградской газете «41» выпускал литературные страницы Dixi («Я сказал»), один выпуск полностью посвятил газете Иодковского, поместив, в частности, знаменитую балладу Алексея Охрименко, которую пела по вагонам вся послевоенная искалеченная, «самоварная» Россия («самоварами» называли инвалидов,

потерявших на войне руки и ноги): *«Я был батальонный разведчик, а он писаришка штабной, Я был за Расею ответчик, А он спал с моею женой».* Эдик напечатал у себя мои стихи, мой «Тетраптих Марии». Три года выходила его газета. А потом Эдмунда убили, и «Литературные новости» прекратили существование.

– Как убили?

– Когда Иодковский стал издавать газету, на его вольнодумие обрушилась пресса прокоммунистического пошиба – газета ультра-патриотов «День». В фельетоне высмеивался некий Эдмонд Иудовский (тонкий юмор, видите ли), автор песни целинников, – якобы он и на целине-то не был, а кутил в московских ресторанах. Это была грязной воды клевета! Окончив журфак МГУ, Иодковский, выписавшись в 1953 году из Москвы, потеряв столичную прописку, поехал на целину, три года работал по трудовой книжке в краевой газете «Алтайская правда», жил в Барнауле с женой. Автор фельетона, не буду называть фамилию этого поганца, припёртый документальными свидетельствами, вертелся на суде, как уж, – присутствуя в зале, я видел это своими глазами. Суд газета «День» проиграла. И потом сменила вывеску – стала называться «Завтра».

13 мая 1994 года Эдмунд возвращался поздно ночью к себе в Перово, и недалеко от дома его сбила нёсшаяся на бешеной скорости машина. Причём проведённая потом экспертиза не обнаружила алкоголя в организме погибшего... Лежит он теперь на сельском кладбище с христианским крестом на плите и надписью: ПОЭТ. А ниже – фамилия. Ирония судьбы: призывал он по-вольтеровски «Раздавите гадину!» в числе 42 авторов (В. Астафьев, Д. Гранин, Д. Лихачёв, Р. Рождественский, Б. Окуджава, В. Быков, Б. Ахмадулина и др.), подписавших знаменитое письмо-обращение деятелей культуры, опережающе напечатал его в своей газете, а раздавили в буквальном смысле его самого.

Остались у меня от Эдмунда полная подшивка его газеты, а ещё и книжки с дарственными шуточными надписями, вот они передо мной: *«Рыло Рыльского – великому Шерстюку»* (1965), а на книжке «Капля росы»: *«Обретшему свой голос – молодой и чистый – великому Шерстюку от автора. Э. Иодковский 24.III.93».*

– Вернёмся к твоим стихам. Какую оценку ты бы им дал?

– Оценки – скажу как кибернетик по образованию – это как плавающая запятая в компьютерных вычислениях, ставить можно в разных местах, от места будет зависеть и смысл. Любителю метафор и гипербол, поэту, существу субъективному по определению, особенно сложно быть объективным. Поэтому воспользуюсь «подсказкой из зала». Оценку Батшева вы видели, она шизофренически двойственна. Оценку щедрого Иодковского тоже видели. Были и иные.

Павел Григорьевич Антокольский, сам мэтр, выпестовавший многих в Литинституте, прочитав мою папку, сказал мне: «Мне многих приходится читать авторов. Обычно, после одного-двух стихотворений ясно: дальше не стоит тратить время. Но вашу папку я прочитал до конца, не мог остановиться. Однако печататься у нас в стране вам не дадут». (И налил мне стакан «Столичной».) Было советское время, и я сам знал, что время моё не пришло. Как и многих других – тех же смогистов, писавших в стол, а славу обретших за счёт скандальных публичных акций. Чего стоит только один их программный лозунг «Лишим девственности соцреализм!». Он, конечно, не менее эпатажный, чем «Сбросим с корабля современности Пушкина, Достоевского!» Алексея Кручёных сотоварищи с их футуристическими завихрениями – заумью «дыр бул щыл убещур», но: а) это вторично, б) грамматически коряво – всё-таки «соцреализм» мужского рода-племени, а «девственность» – женского.

Когда вступал в Союз писателей, получил 5 рекомендаций. Татьяна Бек главным словом-определением меня наделила «неангажированный». А Леонид Завальнюк, «апрелевец», мною любимый, поступил довольно круто: в 3 часа ночи в моей квартире раздался звонок: «Это звонит Наташа, жена Завальнюка. Лёня только что прочитал вашу книгу и сказал: звони немедленно, надо спешить делать добро!» Священник Дмитрий Дудко, отсидевший за нестандарт социального поведения два срока при советской власти, мой близкий земляк, сказал: «Я тебя знаю, как облупленного. Могу расписаться на чистом листе, а ты сам напиши, что хочешь».

В общем, если вернуться к заданному мне вопросу, то о себе могу сказать: главное для меня – САМОСТОЯНИЕ. Зависеть надо от всех, кого любишь, и иначе просто невозможно. А моих «любовей» у меня на полках стоит 25 тысяч книг. Начав с избранных «Родных поэтов» XIX века, я постоянно расширял круг моего общения, уже в студенческие годы выйдя на всемирные просторы – Лорка, Рембо, Верхарн, Вийон… имя им легион. Через «импортных» поэтов порой выходил на своих – так, через Рильке, активно интересовавшегося тверитянином Спиридоном Дрожжиным, я даже поехал в музей этого мужика в Завидово...

– А наизусть – как?

– Плохо. Раньше мог часами читать, но память-то простаивает. А здесь должно, как у музыканта – каждый день тренировка, иначе забывается. Когда-то Вознесенского знал «Треугольную грушу» до последней точки, а теперь – только кусочно и если выскочит вдруг, само по себе.

– Если бы надо было себе выбрать девиз, какие слова ты бы взял?

– Уже взял. Вот-вот должна выйти книга избранного с эпиграфом, извините, из меня же: *«Здесь на цепь посадили скорость, но забыли убавить».*

Привал на поэтической тропе.....

Борис ЗОРЬКИН
г. Сочи, Краснодарский край
Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (номинация «Критика», 2018).

Поэзия Михаила Анищенко

В 2020 году литературная общественность отмечала 70-летие выдающегося русского поэта Михаила Всеволодовича Анищенко (1950-2012), творчество которого наконец-то начинает получать достойную оценку.

Эпитет «выдающийся» в данном случае уместен, ибо так талантливо отобразить российскую действительность конца 20-го начала 21 веков никто из его современников-поэтов не смог. Литературным критикам и литературоведам ещё предстоит открыть тайну творческого метода Михаила Анищенко.

Больше всего душа поэта болела за судьбу России. В своей статье «Ускорение как будущее русской поэзии» Михаил Анищенко пишет: «За последние двадцать лет нынешней олигархической властью России нанесён ущерб, превышающий все батыевские, польско-шведские, наполеоновские и гитлеровские погромы вместе взятые. Таких темпов истребления коренного населения не ведали даже американцы, уничтожая индейцев... Нацистским преступникам и не снились такие темпы решения «славянского вопроса»».

А поэтическим языком об этом же поэт говорит так:

Наследство делят. Всюду давка...
Там – нефть и газ, и антрацит...
Русь умерла. И только травка
Растёт среди могильных плит.

В крови последнего заката,
Где вечность стынет на краю,
Куда теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Как было просто – или-или!
Иди, стреляй без лишних слов...
А здесь свои своих купили
И превратили их в рабов.

Всё это с помпой, с фейерверком,
Во тьме, ликующей, как чёрт...
Русь умерла. Осталась церковь,
Но и она теперь умрёт.

В другом стихотворении читаем такие строки:

Всё обгадили, всё оболгали,
Добрались до святынь и могил.
Штопать наши надежды и дали
Мне не хватит, наверное, сил.

Вот он мир – безнадёжный и узкий,
Вот на выбор – тюрьма и сума...
С беспросветной тоскою:
«Я русский...» –
Умирают и сходят с ума.

Когда Михаил Анищенко пишет о России после реставрации капитализма, то нередко вспоминает своих предков. В стихотворении «Стоять, стоять на утреннем морозе...» есть строфа:

Стоять, когда бессмертия не надо,
Когда сожжён последний мой редут,
Когда мой дед в окопах Сталинграда
Ещё не знает, как нас предадут.

Будущее России видится поэтом по-разному, но чаще взгляд отягощён пеленой пессимизма:

Мельчают даты и годины,
Дурманом полнится экран.
И Русь, как девочка на льдине,
Согреть не может океан.

Порой покажется – светает
Над полем, речкой и цветком...
Но всё быстрее льдина тает
Под каждым русским городком.

Страна берёзового ситца
Ещё как будто бы жива...
Но на престол уже садится
Иван, не помнящий родства.

Все мы, кто родился после Великой Отечественной войны, в той или иной степени своими глазами увидели её страшные последствия. Только на фронтах погибло 7,5 миллиона человек, получили ранения 46 миллионов, вернулись инвалидами 11,5 миллионов солдат и офицеров. Хорошо помню, как в 1957-58 годах родители иногда возили нас, своих детей, на поезде (ещё были деревянные вагоны) в Куйбышев и как по вагонам вереницей проходили инвалиды и просили милостыню, при этом кто-то играл на каком-либо музыкальном инструменте и пел, а кто-то декламировал стихи... Безусловно, всю жизнь помнил об этом и о многом другом, что касалось войны, и Михаил Анищенко. Ужасы войны просматривались у него на протяжении всего творчества.

С особой пронзительностью эта тема звучит, когда героем повествования выступает женщина. И не важно, воюет она на фронте или переносит испытания в тылу. У Михаила Анищенко есть стихотворение «Тётя Поля». Казалось бы, почтальон в тылу, но... как написано!

Наша встреча долго длится.
Тётя Поля говорит:
– Ничему уж не забыться...
Видно, память не велит...

И пронзают вновь до боли
Дни израненной страны.
Ты не тётя,
Просто – Поля,
Почтальон большой войны.

Поля. Школьница. Девчонка.
Как могла ты столько дней
В сумку прятать похоронки
И смотреть в глаза людей?

Как, скажи, в свои семнадцать
Ты могла идти селом,
Зная, что тебя боятся,
И что крестятся кругом?

Не вина ли это, Поля,
Что оттягивала ты
Завещанья вечной боли –
Похоронные листы?

К сёлам с почтой доберёшься –
Изведёшься от тоски:
В мелколесье наревёшься,
Наревёшься у реки.

В двадцать лет ты поседела.
Почтальон на три села,
Как ты вынести сумела
Всё, что в сумке той несла?

В лирике поэта нашли отражение все этапы его жизни. В вышеупомянутой статье, давая советы молодым поэтам, Михаил Анищенко отмечал: «Хорошо бы научиться говорить правду, будучи безразличным к ней. Ведь любая эмоциональная окраска делает правду по меньшей мере подозрительной. Тогда она выглядит словно президент с накрашенными губами».

У реки жизни два берега: правда и ложь. Сам поэт не только призывал держаться берега правды, но и всегда оставался на нём.

За последние пятьдесят лет ни у одного из поэтов я не читал таких стихотворений о службе в армии, как у Михаила Анищенко.

В тот день под сводами вокзала
Приказ майора резок был.
Что мне любимая сказала,
Не помню я.
Всё позабыл.

Но я запомнил в то прощанье
Одно мгновенье тишины
И материнское дыханье:
– Не дай вам, господи, войны...

Были годы, когда Михаил Анищенко искал душевного покоя в православии, но из этого ничего путного не вышло. И он отверг Бога. Видимо, поэт обратил внимание на то, что церкви растут как грибы, но урожай духовности в обществе с каждым годом падает.

Вместе с тем религиозные мотивы нашли существенное отражение в его творчестве. Стихотворение «Предтеча» с большим интересом прочитает даже атеист:

В небе облако качалось.
Пёс обиженный скулил.
Снег кружился.
Власть кончалась.

Ирод голову клонил.
Он шептал: «Ещё не вечер...» –
И понять не мог никак,
Что вся жизнь теперь – предтеча.
Деньги – мусор. Власть – пустяк.

Ирод мёрз, не мог согреться,
Меч хватал. Шептал: «Пора!»
В Вифлееме все младенцы
Поседели до утра.

Кровь детей. Резня и сеча.
Тихий ропот, пересуд...
Так закончилась предтеча,
Начинался Страшный Суд.

Сегодня трудящиеся, сравнивая деятельность И. В. Сталина с «успехами» лидеров России после реставрации капитализма, начинают понимать величие его личности. Из секретных архивов медленно, но всё-таки просачивается правда о так называемых «сталинских репрессиях» 1937 года; теперь понятно, что эти репрессии осуществили враги советской власти. Поэтому всё чаще можно увидеть портреты Иосифа Виссарионовича, а кое-где ему уже начали ставить бюсты и памятники.

А как же относился к личности Сталина поэт Михаил Анищенко?

В стихотворении «Совсем догорают мои старики...» есть строфа, дающая ответ на этот вопрос:

Но с бабушкой, с бабушкой я помолюсь
И с дедушкой выпью в чулане
За веру, за Сталина, словом – за Русь,
Пропавшую в божьем тумане.

Завершающую часть своего пребывания на этом свете Михаил Анищенко провёл в деревне. Рискну предположить, что именно эта страница биографии позволила ему по-новому посмотреть на российскую действительность и создать яркие образы, обогатив свой поэтический язык оригинальными художественно-изобразительными средствами и народной лексикой. Анищенко пишет только о том, что стало для него болью, страданием, счастьем. Именно поэтому у него так много пронзительных строк, читать которые без волнения просто невозможно. Всё чаще его лирический герой находится в окружении природы и в гуще сельской жизни:

И снег, и дождь... Растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольчик...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.

Я жду тебя. Я жду тебя и жду
Из всех твоих немыслимых америк.
Лишь ты одна по тоненькому льду
Ходить умела с берега на берег.

Лишь ты одна – летящая душа! –
Бежала мне навстречу и кричала...
А в этот год ты так и не дошла
До нашего последнего причала.

Я жду тебя. Я жду тебя и жду,
Тревожа заживающую рану...
Я сам пойду по тоненькому льду,
Как только ждать и верить перестану.

Ну а пока – растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольчик...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.

Вадим Карасёв, характеризуя лирику Михаила Анищенко, очень точно подметил: «Во многих его стихах – трогательная, почти безнадёжная попытка достучаться до сердца человека, оказавшегося в кабале цивилизации, чтобы освободился он от шелухи буден и оказался один на один с огромным, бесприютным, но свободным миром природы». Не секрет, что потребительство сегодня зашкаливает. По сути, оно превратилось в одну из модных форм саморазрушения личности.

В лирике Михаила Анищенко постоянно с разной степенью накала звучит вопрос о поиске смысла жизни:

То ли ночь, то ли жизнь на исходе...
Для чего же мне рваться туда?
Я ведь знаю, что тот, кто уходит,
Всё равно не придёт никуда.
Надо жить, как цветы и деревья,
Надо падать в свою борозду...

Эти стихи способен воспринять лишь тот читатель, кто понимает, что, отправляясь на поиски смысла жизни, попадаешь в лабиринт.

Нельзя не отметить чрезвычайно яркий художественный язык поэзии Михаила Анищенко, который позволяет получать нам громадное эстетическое удовольствие. Ну как можно не восторгаться такими строками:

«Под берёзой родник волновался как сердце, журавли пролетали, глотая печаль», «Хорошо на земле – до того, что мурашки гуляют по коже!», «Замолчит телефон, загрустит, как собака на холоде», «Я вас любил, как любят жизнь, когда уже стоят на плахе» и т. д.

С помощью всё новых и новых метафор и других художественно-изобразительных средств поэт создаёт удивительные образы: в его лирике мечутся жизнь и смерть, библейские персонажи соседствуют с современниками, мистика переплетается с реальностью и в каждой строфе чувствуется, что автор – русский поэт. Мне представляется, что Анищенко поставил перед собой цель создать произведения на уровне классиков и настойчиво шёл к этой цели. Да, на этом пути у него было много трудностей: вместе с целью мы выбираем и препятствия. И у Михаила Всеволодовича хватило терпения преодолеть их. И тут мы лишний раз убеждаемся, что терпение – оружие умных.

Нередко, рассуждая о творчестве современных поэтов средненького уровня, литературные критики увлекаются хвалебными эпитетами. Дескать, у поэта Х. и сильные символические образы, и художественная условность, и сюрреалистичность происходящего в смешении с обытовляющими подробностями, и композиционные повторы, и динамика действия, и острота конфликта, и индивидуальность стиля, и ещё много чего.

Однако это, увы, крайне редко соответствует действительности. А вот в лирике Михаила Анищенко всё это действительно присутствует в полной мере. Любой поэт – человек впечатлительный и страстный. Таким был и Анищенко. У него немало стихотворений о ярких душевных порывах, которые он пережил в молодости и о которых написал в зрелом возрасте. Когда догорит костёр страстей, ещё долго тлеют угли воспоминаний.

Немало тех, кто утверждает, что поэзия Михаила Анищенко пессимистична. Оптимизм и пессимизм – это образ мышления. Оптимизм порождает энтузиазм, пессимизм губит его. Безусловно, были и такие моменты, когда поэт проваливался в яму пессимизма. Однако, судя по всему, Анищенко занимался творчеством с энтузиазмом. Значит, по натуре он всё-таки был оптимистом.

Особенно неприятно читать или слышать, когда невысокую оценку творчества Михаила Анищенко дают более-менее известные поэты. Этим литераторам так и хочется сказать: «Не надо кудахтать! Ваше творчество не стоит и выеденного яйца...».

Есть и те, кто резко осуждает поэта за его периодическую дружбу с Бахусом. Пусть эти «мудрецы» вспомнят строки Сергея Есенина: «Ну кто из нас на палубе большой не падал, не блевал и не ругался. Их мало с опытной душой, кто крепким в качке оставался...». А какая «качка» в нашей стране в последние тридцать лет – всем известно.

После того, как Михаил Анищенко ушёл в вечность, его поэзия начала уверенно шагать по России. В литературных изданиях чаще стали появляться стихи Анищенко. В Интернете оживлённо обсуждается его творчество. Некоторые литературные критики обратили свой взор на творчество талантливого поэта. На родине Михаила Анищенко в Самаре проводится ежегодный фестиваль его имени. Там же в этом году вышло собрание его сочинений в двух томах.

Будем надеяться, что это только начало...

Ангел, спустившийся в современность

О книге Эда Побужанского «Агент неба»

...Итак – ангел, оказавшийся в нашей современности, гудящей и раздражающей многим; ангел такой, каким сумеет стать, соприкоснувшись с предложенной явью:

Слушай, я не знаю,
что они там курили,
но меня назначили
ангелом твоим.
У меня мало налёта
и слабые крылья,
и я не уверен,
что мы даже взлетим.

Так начинается новая книга поэта и издателя Эда Побужанского «Агент неба» (Москва, «Образ», 2020) – книга, раскрывающая вечные темы в том звуковом и смысловом регистрах, которые свидетельствуют о собственном взгляде на реальность и немалых поэтических возможностях.

Мне вспоминаются и другие стихи Побужанского из его предыдущей книги «Между слов» (2018) – особенно те, где исследуется феномен веры... Сила веры – оборачивается жаждой этой силы, растворяющейся, увы, в обыденности бытия:

Знаю, воздастся и мне сторицей
За то, что вера моя слаба.
Я снова пытаюсь перекреститься –
Но только пот вытираю со лба.

Крепко сделанные стихи подтверждаются теми эмоциями, что знакомы людям, чья внутренняя энергия заставляет вновь и вновь прорываться в неведомое, и работа души тяжела, как несение креста.

Стихи Эда Побужанского серьёзны: ибо жизнь, предложенная нам, всего лишь одна; что, разумеется, не исключает иронических лент, или сарказма...

Двойственность жизни, постоянная её амбивалентность легко ложатся в ячейки стихов зыбкими мерцаниями:

И тут пробел, и там изъян,
И память – решето.
И столько мне сейчас нельзя,
Что всё разрешено.

Всё разрешено... вдруг, как светлое ощущение расходится в недрах сознанья, и, значит, мир становится ближе, раскрывается такими гранями и областями, о которых и не мечталось.

Поэт Эд Побужанский интересно оценивает все процессы реальности: парадоксальность, присущая его стихам, своеобразно оттеняющим действительность, играет на руку читательскому восприятию:

Два литра сока в тетрапаке
И «Русской» ровно по чуть-чуть...
Мы под орехом в дендропарке
Пытались жизнь в себя вдохнуть.

Точнее, влить. На три стакана
Делили тосты (чай, не квас),
Но жизнь упорно вытекала
Струёй нетрезвою из нас.

Жизнь вытекает, прерывается, вспыхивает, затихает: процесс беспрерывен; поэзия вариант исследования оной – теми средствами, которых не дано другим искусствам; роль поэта в недрах вращения юлы юдоли в наши дни минимальна, и Побужанский, осмысливая её, всё-таки ещё не совсем сведённую на нет, находит интересные краски:

Не крестиком вышивание
И не вязанье крючком,
Стихи – это как выживание:
По хрусткому снегу ползком.
Не чуя ни места, ни времени,
Не чувствуя страха и ног –
Туда, где мелькнул за деревьями
Неясной судьбы огонёк.

...Судьбы ли это огонёк – или всё того же агента небес, призывающего поэта не сворачивать с пути – не столь важно: важна пронзительная свеча стихотворения, зажжённая Побужанским.

Струя иронии коснётся крайней области яви, и стихотворение «Капели» представит больничную вселенную: густо затканную подробностями жизни, с играющей метафизическим оттенком первой строкой, с которой так не хочется соглашаться:

Поэт в больнице больше не поэт,
А пациент, сердечник – да и только.
Старик сосед, зелёный табурет
И утка, как метафора, под койкой.

Очевидно «Агент неба» спустился не зря, тесно соприкоснувшись со всеми, часто принимающими абсурдное искажение, формами нашей яви; и Эд Побужанский, внимательно вслушиваясь в высоты речи, перевёл их на земной: ярко, по-своему, выпукло, красиво...

Александр Балтин, член Союза писателей Москвы (автор 84 книг и свыше 2000 литературоведческих публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США).

.....

Эд ПОБУЖАНСКИЙ

г. Москва

Эдуард Георгиевич Побужанский родился 19 апреля 1968 года в г. Черновцы (Украина). Детство и юность прошли в г. Единец на севере Молдавии. Окончил школу с золотой медалью. Служил в армии. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета по специализации «издательское дело» и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Работал на радио, в газетах и журналах. Член Союза писателей России. Стихи публиковались в «Литературной газете», в журналах и альманахах: «Москва», «Крещатик», «Плавучий мост», «Алтай», «Дальний Восток», «Север», «Невский альманах» и др., были переведены на английский, румынский, украинский и армянский языки. Автор 5 книг стихов. Основатель и главный редактор издательства «Образ» и одноимённого альманаха современной поэзии.
Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Из книги «Агент неба»

Хомо поетикус

Хомо поетикус выйдет из дома –
Так, как выходят наружу из комы:
Морщась от шума и щурясь от света,
Не узнавая ни лиц, ни предметов.

Хомо поетикус выйдет за небом –
Так, как выходят за водкой и хлебом.
Выйдет вдохнуть этой выси и сини...
Впрочем, и водки купить в магазине.

Сколько в поэте подённого флуда?
Если брать брутто – немало как будто,
Но остаётся же главное – нетто,
Что нашептал ему призрачный Некто.

Книга

Жил поэт – вся душа нараспашку!
Не унять молодецкий запал!
Он и бражку любил, и Палашку
И стишки между делом кропал.

А однажды он выкинул номер:
Вдруг лицо обратив к небесам,
Прошептал что-то, замер – и помер.
Был – и нет. Книжку вот написал.

Ничего не оставил он, кроме
Книжки этой – в две скрепки тетрадь.
Где-то есть и с надгробием холмик —
Даже имени не разобрать.

Этот холмик зарос медуницей
В окружении мраморных плит.
И к нему, словно дикая птица,
Одинокая книга летит.

Капели

Поэт в больнице больше не поэт,
А пациент, сердечник – да и только.
Старик сосед, зелёный табурет
И утка, как метафора, под койкой.

Инфузия с двенадцати до двух,
Под капельницей мир как будто уже,
И тело тут ещё, а вечный дух
Уже готов, неистовый, наружу.

Но жизнь ещё сестра, и медсестра,
И дочь (она приедет на неделе),
И с капельницей –
чёрт возьми! – с утра
Отчаянно рифмуются капели!

Гёте

Мы все под Богом, да бес под боком:
Следит за мною лукавым оком.
К столу подходит, стучит копытом:
«Сгоняй за водкой, пока открыто!»
А то, бывает, нашепчет в ухо:
«Твоя-то краля совсем старуха!»
А я: «Ну, черти, ну вы даёте!» –
И в харю томом
Иоганна Гёте!

Студенческое

Тихие наперсницы с филфака
Вовсе не наложницы гарема:
Спутаешь Кручёных с Пастернаком –
Разорвут на мелкие морфемы.

Я не помнил в «Снегиной» финала
И назвал Есенина кутилой –
Обошлось, конечно, без фингала,
Лишь холодным взглядом окатило.

Потому за лаской и за брагой
Я ходил к заочницам-шалавам,
И меня, хмельного, чуть живаго,
Лара ублажала или Лала.

Всё прошло – и даже как-то странно,
Что прыщавый хлыщ был тоже мною.
Всё же жаль, что шаль из Хороссана
Выцвела, изъеденная молью...

Старуха

А кошки эти – семья старушья:
Семь во дворе да в квартире три.
Но даже те, кто живут снаружи,
У неё, у старой, тоже внутри.

Утром выйдет во двор и в плошки
То супу нальёт, то молока.
Известно всякой бродячей кошке,
Что пахнет лаской её рука.

Старуха стала почти неходячей
(Ах, ножки! – будто на каждой пуд),
А всё выходила к родне кошачьей –
Кормила, жалела...

Может, врут,
Но говорят, когда гроб выносили,
Кошки в округе всей
Голосили.

Простор

Чем дальше в лес, тем ниже солнце,
А на краю вселенской тьмы
Стоят вплотную мачты-сосны
И ловят космоса шумы.

В НИИ сидит учёный мрачный,
Пред ним приборов арсенал,
Но не они, а эти мачты
Из бездны выловят сигнал.

А на другом краю Вселенной
Мальчишка руки распростёр –
Так тонким телом, как антенной,
Он ловит вечности простор!

Грипп

Я хожу по кромке гриппа –
Оступлюсь и упаду,
И тогда
Дней семь небритым
Мне на дне лежать в поту.

Тридцать восемь,
Тридцать девять...
Чай имбирный, терафлю,
И наверх –
Сквозь бред недельный:
«Я люблю тебя, люблю...»

Божество

Я не виновник торжества,
Моя вина лишь в том,
Что я любовник божества
И с ним делю свой дом.

Мой дом похож был на кабак
И даже на вертеп.
Но божество сказало: «Ах!
Ты столько претерпел!»

Оно сказало мне: «Пора!
Забудь, что было до,
Мне по душе твоя нора,
Но время вить гнездо!»

Теперь повсюду волшебство:
Сияет дом, как храм!
И мне прощает божество
Нытьё, питьё и храп.

Дудка

Когда казалось, что хана
И бездна впереди,
Мне кто-то сунул дудку: «На!
Попробуй подуди!»

Дуда-тростинка не труба,
Не флейта, не гобой,
Но вдруг она,
Взлетев к губам,
Шепнула: «Будь собой!»

Авось и я стране сгожусь,
А если нет – свалю.
Как за соломинку держусь
За дудочку свою.

Нехитрой музычкой, поди,
Не вывести всю дурь,
Но что есть воздуха в груди
Я буду в дудку дуть!

Олег СЛОБОДЧИКОВ

г. Иркутск

Филолог. Историк. Член Союза писателей России.

Лауреат премии журнала «Москва» (2000). Трижды лауреат премии губернатора Иркутской области.

Русский рай

Роман (вторая часть романа «Заморская Русь», публикуется впервые)

Глава 2 (продолжение, начало в №№5,6-2020)

Едва повеяло весной, в сыром Ситхинском воздухе замельтешили мелкие пташки с яркой грудкой и стал успокаиваться океан. К этому времени американский бриг «Океин» под началом братьев Виншипов был подготовлен к выходу. Работы передовщикам даже прибавилось, но радуга, встретившая Сысоя с Василием в Ситхинской бухте, не обманула их смутных надежд. Едва правитель обнадёжил их Калифорнией, рассеялась душевная муть, как в юности запели в ней ангелы, маня в чудесное и радостное будущее, а ночами стали сниться счастливые сны. Блестели глаза у Сысоя, повеселел Василий, угрюмый и хмурый после плена жены, Прошка дурачился и хохотал как в давешние годы. А ясные дни случались всё чаще, птичек – колибри – становилось всё больше, они висели в воздухе, как роящаяся мошка, и посылали свыше всякие знаки, которые толковались дружками к удачам и счастью.

Бриг стоял на якоре, байдары и байдарки были уложены в трюм, партовщики обживали кубрик, передовщики – каюту, и снова был знак, истолкованный друзьями почти как знамение: сухая, прохладная ночь сменилась сухим майским рассветом с красными прожилками солнца среди низких туч. В честь нового дня и выхода из бухты кадьяки с алеутами плясали на шканцах и обливались забортной водой из брезентовых вёдер. По палубе весело бегали матросы. На баке пятеро американцев с рычагами-вымбовками ходили вокруг шпиля, выбирая якорь, и пели удалую флибустьерскую песню. Якорь с грохотом вполз в клюз и был закреплён. С десяток матросов уже висели на реях, ожидая приказа, чтобы распустить паруса. Баранов в статском сюртуке дорогого тонкого сукна и в шляпе поверх парика вышел на причал, благословить на удачные промыслы. Корабль схватил ветер кливерами, начал разворачиваться. Партовщики радостно завыли, призывая удачу, и снова стали плясать. Правитель скинул шляпу, похожую на сложенный вдвое блин, перекрестился и помахал ей. Свежий ветерок с гор трепал локоны парика.

Сысой залюбовался работой матросов на обеих мачтах брига с рядами прямых парусов, но, приглядевшись пристальней, с удивлением и беспокойством отметил про себя, что все они пьяны. Он обернулся к мостику. Работой матросов командовали капитан Джонатан Виншип и его первый помощник Натан. Баранов говорил, что они братья, во что трудно было поверить. Капитан был приземистым, полным, с выпиравшим из-под жилетки брюшком и плутоватым прищуром глаз. У его помощника, тощего, долговязого и лупоглазого, была скошенная челюсть без подбородка, делавшая его похожим на акулу. Сысой внимательней вгляделся в их лица и понял, что они тоже пьяны, как и два матроса, стоявшие на штурвале: те едва держались на ногах. Капитан то и дело орал на них, они поперечно отбрёхивались.

По курсу небезопасного выхода из залива было много камней и островов. Гружёный двухмачтовый бриг даже с трезвой командой при резких порывах ветра мог быть выброшен на скалы. Но между туч, ласково поблескивало солнце, весело сверкали белые пики, окружавшие приметную гору святого Лазаря. Она и мыс, указывающий курс, отдалялись. Сысой, сам без вина пьяный своей трезвой радостью, стоял на корме с шапкой в руке и верил, что на этот раз счастье не обойдёт его стороной.

Нахлобучив шапку, он поднялся на мостик, придержал качавшегося матроса и взялся за штурвал. Капитан облаял обоих американцев на своём языке, они покорно уступили место русскому передовщику, а сами, цепляясь за леера и планширь, подгоняемые бранью пьяного командира, дотащились до грот-мачты, с двух сторон полезли вверх по вантам. Между тем бриг с пьяной командой, лавируя и часто меняя галсы, благополучно вышел из залива, прошёл мимо островов. Открытый океан принял его на свои пологие волны, обдал свежим духом и стал степенно раскачивать килевой и бортовой качкой одновременно. К этому времени капитан с помощником, да и вся команда заметно протрезвели.

Бриг лёг на прямой курс и при умеренном ветре пошёл к югу. Озябшие матросы спускались с мачт, расходились по кубрикам. Алеуты и кадьяки лежали на палубе, высунув босые ноги из перовых парок. Время от времени кто-то из них скучающим сонным голосом заводил песню, и сотня глоток с приглушённым подвывом отзывалась на припев. Капитан одобрительно кивнул Сысою, потрепал его по плечу и предложил отхлебнуть рома из карманной фляжки. Боясь спугнуть удачу и порушить свою душевную радость, Сысой от рома отказался. Вскоре его сменили матросы, и он спустился в тесную

каюту с двумя рундуками и двумя койками. Василий с Прохором, поглядывая в иллюминатор на волны, покуривали и обсуждали выход с Ситхи.

– Братцы! – весело окликнул их Сысой. – Наконец-то Бог дал милость идти туда, куда всю жизнь стремились старые мореходы. Восчувствуйте, – размашисто перекрестился, – мы идём их молитвами!

Прошка с удальством шмыгнул носом, Васька радостно кивнул и продолжил прерванный разговор о том, что управление прямыми парусами требует большого умения и немалых трудов. Имея кое-какой опыт плаваний на «Фениксе», он восхищался выучкой американских матросов, а Прохор поперечно оправдывал своих:

– Да, кабы Шелиховская компания не подмяла под себя купеческие артели и не стала казённой, и корабли бы у нас были не хуже бостонских, и матросы!

Но и он вынужден был согласиться, что не зря Баранов зазывал американских матросов на службу.

Бриг шёл в виду островов, возле которых обычно промышляли тлинкиты и компанейские партии под прикрытием кораблей. В южной части архипелага морских бобров было больше, чем на севере. Здесь успешно торговали, меняли, скупали меха английские и американские суда, а компанейские безнадёжно пытались соперничать с ними, поскольку цены на товар, как правило, бросовый, назначались в Главном правлении в Петербурге и были непомерно высокими. Самым досадным было то, что американцы торговали сибирскими горностаями и холстами, вывезенными из России, имевшими здесь большой спрос, а Компания, по многочисленным просьбам Баранова, всё никак не могла наладить их отправку в колонии. Американцы же, потратив полгода, чтобы добраться с другой стороны континента, были свободны и вели торговлю по своему усмотрению. Обычно они давали за шкуру бобра добротное ружьё и десять патронов, при удачной расторжке снимали с себя одежду, с кораблей – пушки и железо, без которого могли дойти до Кантона. Жители Шарлотиных островов поголовно имели ружья, даже их женщины хорошо стреляли, но они разучились метать копья, что вызывало презрение алеутов и кадьяков, а добыча морского зверя с помощью огненного боя не оправдывала себя.

Бриг прошёл мимо Нутки, старой крепости, основанной испанцами, отвоёванной у них англичанами и брошенной из-за постоянных нападений тлинкитов. Виншип взял курс к устью реки Колумбии, открытой и названной так американцем Грэем. По уговору и контракту там должны были начаться первые промыслы калана, а Сысою, как главному передовщику, Баранов поручал написать карту устья на хорошо выделанной сивучьей коже чернилами из сажи, разведённой рыбьим клеем. Только после Колумбийских промыслов Баранов дозволял американцам идти к Северной Калифорнии.

Бриг «Окейн» шёл в виду берегового хребта. Сысой, разглядывая с борта заливы и острова в подзорную трубу, заметил кормящихся бобров, указал на них, завыли и заплясали на шканцах кадьяки, но капитан, неприязненно хмурясь, помотал головой, отказываясь от стоянки. После полудня, за обедом в кают-компании, он пояснил передовщикам, что английские и американские торговцы так хорошо вооружили местных проколотых «индианс», что те слишком часто грешат грабежами. Партию добытчиков на байдарках могут перестрелять только за то, что они промышляют в этих водах, а бриг не сможет подойти близко к берегу из-за малых глубин.

С неделю «Окейн» добирался до устья Колумбии, а возле него, в виду суши, был окружён здешними «индианс», как называли американцы тлинкитов-колошей. Индейцы предлагали раковины, шкуры морских и земных зверей в обмен на посуду, украшения, ткани, оружие. Оружие Виншипы продавали неохотно и в редких случаях, когда не могли упустить дорогой мех. Алеуты и кадьяки с тоской высматривали плескавшихся бобров. На промысел их всё ещё не отпускали, они со злостью плясали и пили много чаю. Пару дней лодки здешних жителей покрутились возле брига, затем стали приходить реже.

Часто промеривая глубины, «Окейн» подошёл на милю к горам, до самого верха покрытым густым хвойным лесом. В этих местах они были ниже ситхинских. То, что партовщики сначала приняли за коренной берег, оказалось большим островом. Бриг осторожно вошёл в широкий пролив и бросил якорь.

Вдали плескались бобры. Неуклюжие на суше, они забавно ныряли за моллюсками, доставали со дна пару камней, ложились на спину, клали один камень на брюхо, другим раскалывали на нём раковины и лакомились. Алеуты и кадьяки, увидев их, заволновались, устроили пляски, спустили байдарки на воду и, бесшумно подгребая, разошлись, стараясь окружить кормившихся зверьков. Кроме уложенных по бортам стрелок-копий с тонкой бечевой, заканчивающейся надутым пузырём, в каждой двухлючке лежало заряженное ружьё для защиты от туземных жителей.

Заметив на воде кормившегося бобра, несколько байдарок бесшумно подкрадывались к нему с разных сторон. Почуяв опасность, зверь нырял, но эскимосы своим природным чутьём догадывались, где и когда он вынырнет, затихали в байдарках, стараясь не издавать ни звука. Зверёк выныривал, и в него летели сразу несколько стрел. Потом передовщики судили, чья стрелка поразила калана.

Прохор и Василий в большой байдаре с ружьями и фальконетом прикрывали партию и Сысоя, который тоже в большой байдаре с фузеей и фальконетом, заряженными картечью, на глазок срисовывал берег. Здешние «индианс» сначала с любопытством наблюдали за промыслами издали, затем стали подплывать ближе, высматривая, как умело и помногу добывают бобров на воде. Сами

они охотились на каланов только на суше, где морской зверь неуклюж и беззащитен. Сначала навязчивое любопытство просто мешало добыче, потом индейцы всё откровенней стали показывать зависть и неприязнь, закончившиеся стрельбой и нападением на байдарщиков. Но к этому времени было добыто много зверя, промысел был удачен. Капитан, посмеиваясь и потирая руки, решил идти дальше к югу.

Партовщики пировали и веселились на своей природной пище, на камбузе корабля беспрестанно варилось для них мясо бобров, которое они почитали за вкуснейшее. Еду для них готовили женщины, передовщики принимали шкуры, хвосты и струю, укладывали их в корзины. Всё это высоко ценилось на закрытом для россиян китайском рынке в Кантоне. Русские поверенные Компании тоже ели варёную бобрятину, пока мясо было свежим, американцы толк в этом блюде не понимали.

Бриг обошёл остров и вошёл в просторный залив с юга. К нему для торга начали приставать лодки здешних индейцев. Со всеми предосторожностями экипаж подпускал их к борту. Наслышанные об удаче алеутов и кадьяков, туземные жители стали зазывать их на дальние, мелководные места залива. Передовщики догадались об их тайных помыслах, капитан с помощником на эти уловки не поддались. Уводить бриг в глубину залива было небезопасно, оставлять партии без прикрытия нельзя – и запрещено контрактом.

Едва местные жители потеряли интерес к торгу, партии спустили на воду свои байдарки, Сысой напомнил тойонам Ивану Кыглаю, Филиппу Атташе и Петьке Чуганаку, чтобы они держались в виду брига. Но добытчиков было много больше, чем бобров в пределах видимости, а корабль покачивался на волнах прилива на предельно малой глубине. Партия разошлась по заливу, азартные охотники стали отрываться на опасное расстояние. Передовщики, переговорив между собой, спустили на воду большую байдару с ружьями и фальконетом. Соблюсти все наставления правителя было невозможно.

Погода стояла сырая, с дождями и туманами, в этих местах они сопровождались духотой. Партовщики и их русские передовщики, возглавлявшие чуницы – бригады партии, ночевали на берегу под перевёрнутыми байдарками, сушились у костров, на ночь выставляли вооружённые караулы. Нападений не было, но в заливе всё чаще стали появляться расписные деревянные лодки, и с каждым днём их становилось больше. Как ни богата была добыча, а ввязываться в ссоры с местными жителями никому не хотелось.

К неудовольствию азартных добытчиков: алеутов и кадьяков, передовщики вернули их к бригу. В это время вокруг корабля сновали лодки и шёл оживлённый торг, в котором компанейские промысловики участия не принимали, потому что торговля по контракту была личным делом американцев. Вооружённый экипаж «Окейна», по обыкновению, следил за каждым движением в лодках. Дневной бриз не позволял кораблю сняться с якоря и, при необходимости, быстро удалиться от суши. Чем-то обеспокоенный брат капитана перегнулся за борт и крикнул, скаля длинные и острые рыбьи зубы, чтобы партия держалась на воде.

– Всё правильно! – проворчал Васильев, высекая искры на огниво. – Дует с моря. Начнём подниматься на борт... Самое время сорвать якорь и посадить корабль на мель.

Не вынимая трубки, торчавшей из усов, он запалил от неё фитиль, установил фальконет в большой байдаре, глубоко затянулся и выпустил из бороды струю дыма. Двухлючки по команде передовщиков стали счаливаться в большой плот, степенно шевелившийся на пологой волне. Торг закончился без ссоры. Бриг выбрал якорь, галсами подошёл к счаленным байдаркам и принял их на борт. Передовщики со старпомом и капитаном пересчитали добытые шкуры. Промыслы начинались хорошо, а впереди была Калифорния.

Бриг поднял все паруса и пошёл вдоль скалистого отвесного берега. Зоркие эскимосы и здесь замечали одиноких бобров, волновались, указывая на них, но капитан не желал останавливаться ради мелкой добычи. Сильно кренясь и раскачиваясь при боковом ветре, «Окейн» шёл несколько дней. Волны и ветер прижимали его к отвесному гористому берегу, команда была измотана частыми галсами, горячей пищи не готовили. Но по молитвам морскому Николе западный ветер стихал, волны стали положе, небо очистилось от туч и выглянуло солнце. Задымила печь на камбузе, по палубе растёкся запах свежих кукурузных лепёшек и варёной солонины.

Бриг бросил якорь в заливе, почти не защищавшем от северо-западных ветров. На берегу виднелось селение. Возле скал, на отмели застрял небольшой кит и уныло шевелил хвостом. Против селения стояла на якоре трёхмачтовая баркентина под флагом Компании.

– Да это же «Юнона», купленная у Вульфа, – вскрикнул Прохор. – Ревизор с офицерами ушёл на ней в Калифорнию: то ли отстаивается, то ли возвращается?

Передовщики издали рассматривали знакомый корабль, гадая, отчего он стоит здесь на якоре. Виншип приказал салютовать трёхцветному компанейскому флагу с двуглавым орлом и лентой в лапах. С «Юноны» донёсся ответный залп. Нежаркое полуденное солнце грело рубахи передовщиков из купленной у американцев бязи. Виншип приказал спустить на воду шлюпку.

Передовщикам не хотелось встречаться со знакомыми офицерами, но было стыдно при американцах уклоняться от встречи с акционером и ревизором Компании. Из-за борта «Юноны» вышли двухлючки с байдарщиками в плетёных кадьякских шляпах. Партовщики на борту «Окейна» взвыли и стали плясать в честь встречи с земляками. Смущаясь неприязни к соотечественникам, в шлюпку Виншипов сели Сысой с Василием, Прохор плыть с ними наотрез отказался. Шлюпка с

капитаном подошла под борт «Юноны». Компанейский ревизор встретил гостей при шпаге, в статском мундире шитом золотом. Два морских офицера в мундирах с важным видом стояли рядом с ним.

Сысой с Василием поднялись на знакомую палубу баркентины следом за американским капитаном, за ними последовали весёлые американские матросы. Все они бойко заговорили с Резановым и офицерами, которые на Сысоя с Василием не обращали внимания. Разве ревизор рассеянно взглянул на них, приставив к глазам стекляшки. Передовщики отошли к знакомым матросам, служившим на «Юноне». Их усадили на юте, спрашивали куда идут, перебивая друг друга, рассказывали о вояже, Калифорнии и Сан-Франциско, где отъелись и выздоровели. С их слов, возле устья Колумбии при сильном ветре, баркентину едва не выбросило на мель, спаслись только благодаря мореходному мастерству Хвостова. В Калифорнии, в заливе Бодего, с «Юноны» бежали пятеро, но их вернули, а двое русских служащих, Петька Полканов и Михейка Кальянов, не показывая никакого желания к бегству, отпросились постирать одежду в ручье и скрылись. Хвостов с Давыдовым грозились повесить их на фоке, с русскими гребцами трижды обошли залив Бодего на шлюпке, и, пока искали беглецов, сбежали четверо алеутов. К испанцам пытались переметнуться вольнонаёмные американские матросы и прусак, но Резанов обманом оставил их на острове и непрестанно следил за ними до самого отплытия. И всё же прусаку удалось скрыться. Сбежали бы многие, увидев сытую и свободную калифорнийскую жизнь, но Резанов и офицеры приняли жёсткие меры, чтобы удержать экипаж на корабле. Они уже никого не искали, но сторожили команду, боясь, что разбегутся все. Шесть недель «Юнона» простояла возле крепости. В бухте и заливе матросы видели много бобров, но партовщиков на воду не пускали, боясь побегов. Загрузившись пшеницей, солониной, солью и овощами, «Юнона» пошла на Ситху.

Капитан Виншип, переговорив с Резановым и офицерами, позвал своих людей в шлюпку. Резанов, опять приставив к глазам стёкла, снова рассеянно взглянул на Сысоя с Василием, не узнал их или сделал вид, что не помнил ситхинской встречи. Передовщики поспешно откланялись и спустились в шлюпку следом за матросами.

«Юнона» вскоре ушла, а от селения к бригу потянулись лодки. Они были неуклюжими и неповоротливыми, сделанными для плаваний только по заливу. Люди в них сидели обнажёнными, их смуглые тела лоснились на нежарком солнце. Огненного оружия у них не было, и сами они по виду и манерам разительно отличались от свирепых и кичливых народов севера.

Виншипы измеряли высоту солнца, о чём-то споря, водили пальцами по карте, повторяя слышанные Сысоем от Баранова названия мест: Барро-де-Арена, Тринидад-Хэд... Натан, грозно выпучивая круглые акульи глаза, покрикивал на команду, принуждая драить палубу, делать приборку. Матросы противились и ругались, с чем-то не соглашались. Лодки жителей подгребли к борту. Туземцы встали в рост, показывая снизки раковин. На нераскрашенных телах были одни только набедренные повязки. Виншипы без предосторожностей приняли на борт полдюжины гребцов с одной лодки и начали торг, к которому русские передовщики не имели отношения.

Пару дней бриг простоял в заливе, партовщики под началом передовщиков малоуспешно промышляли каланов, но запаслись китовым жиром и мясом. Оказалось, что киты, самая необходимая пища северян, здесь не пользовались спросом. В отличие от эскимосов, которые мясо и рыбу густо смазывали китовым жиром, заливали им яйца птиц, местные жители не ели ни китовины, ни жира, только освещались им.

Американцы торговали и заправлялись питьевой водой, затем, ничего не объясняя русским поверенным, приказали поднять якорь, и бриг продолжил курс на полдень-юг.

При нудной бортовой качке Сысою снился сон, радостно бередивший душу: будто он плыл на байдаре вдоль обрыва, который в яви маячил перед его глазами с утра до ночи, и увидел расселину, как когда-то это было на острове во время скитаний с Тимофеем Таракановым. Но на этот раз, во сне, ему открылось не углубление в скалах, а целая страна. Навстречу вышли белобородые старцы в длинных одеждах, и тут Сысой проснулся с колотившимся сердцем.

Бриг качало. С открытыми глазами передовщик лежал на рундуке, то головой, то пятками упираясь в переборки, и думал: «К чему бы сон?». Против него похрапывал Васька. Прохор, сбросив одеяло, свесил длинные волосы с качавшейся койки. Клокотала вода за бортом. Сон развеяли навязчивые мысли и воспоминания: шкуры, туши, кровь, паи... Убийство животных не было для Сысоя страстью, как у эскимосских партовщиков. Он искренне радовался большому паю, бывало, хвалился им во время гульной недели. Шкуры, добытые партовщиками под его началом, были благополучием его и их семей. Хороший калан с Алеутского архипелага даже на месте оценивался в такие деньги, которые тобольский дом Сысоя не мог заработать за год, но всё уходило в обмен на одежду, хлеб, ром, табак, подарки, а душа, год от года, получала всё меньше радостей.

Бес ли манил? Ангел ли призывал? В детстве Сысою не хотелось жить так скучно и однообразно, как жили отец и дед, блазнилась какая-то воля, о которой с пережитой болью рассказывал дядька-драгун, служивший в Охотске и на Камчатке. На Кадьяке и Ситхе не было ни воли и никакого другого счастья, кроме встреч с семьёй после разлуки. Теперь было потеряно и это. Агапа с её страстными ласками вспоминалась как приятный сон, но, покинув Кадьяк, Сысой ничуть не тосковал о ней. Оставалась только Калифорния, о которой был наслышан с юности, не угасли в душе детские мечты об Ирии – справедливой и праведной прародине всех русичей. Что сулил сон? Встречу с дорогими упокоившимися родичами через телесную гибель или ту самую ещё не перегоревшую в душе мечту?

Сысой так и не уснул, ожидая нового удара склянок. Звенела рында, вахтенный переворачивал песочные часы, бриг степенно раскачивался с борта на борт, ловил парусами ночной бриз с выстывающей суши. Разъяснивались сумерки, зычно кричал капитан, гремели башмаки по палубе, корабль менял галс, в каюте стало светлей, перестал похрапывать, обеспокоенно зашевелился и зевнул Васька, вытянулся и перевернулся на другой бок Прошка. Со следующим ударом корабельного колокола нужно было подниматься на утреннюю молитву с тяжёлой от недосыпа головой. Сысой встал, перекрестился зевая, вышел на палубу.

День грозился быть ясным. На чистом, без облачка, небе алел восток, разгоралась заря-зарница красная девица. При перемене ветра висли паруса, бриг мерно покачивался на пологой волне прилива. Джонатана сменил на мостике его брат Натан. По выбритому лицу старпома видно было, что он тоже плохо спал: злющим голосом объявил утреннюю приборку, насупившись и сутулясь, стал разглядывать сушу в подзорную трубу – отвесный скалистый берег в полутора милях от судна. Кадьяки и алеуты сидели вдоль бортов, наблюдая восход.

– Оля-ля! – вскрикнул, повеселев, и подозвал к себе компанейского передовщика.

– Похоже, бобров увидел! – Поднялся на мостик Сысой, принял из рук старпома подзорную трубу, стал смотреть, куда тот указывал.

Выглянувшее из-за гор солнце слепило. С борта корабля казалось, что бобры кормятся у самого берега. Это была небольшая стая в десяток голов. В ожидании дневного бриза партия добытчиков могла выгрести к берегу на байдарках. Голова передовщика была тяжела от бессонницы, язык неприятно сух от табака.

– Схожу за чуницей, вдруг чего добудем, – объявил старпому, спускаясь с мостика. – А не добудем, так разомнусь на весле, – пробормотал себе под нос.

Прохор с Василием согласились, что не стоит идти всей партией ради небольшой стайки каланов. Сысой окликнул тойона Ивана Кыглая, указал ему, где видел бобров. Тот долго щурился, вглядываясь вдаль, видимо, что-то увидел невооружёнными глазами и заспешил, призывая своих добытчиков.

Десяток двухлючек устремились к берегу. Сысой, на однолючке с заряженной фузеей, привязанной к борту, быстро отстал от них. Он не пытался тягаться с природными охотниками на морского зверя, но стал выгребать к югу, прикидывая, что прилив и дневной бриз отнесут бриг на полмили. При работе веслом голова Сысоя посвежела, радовала погода: на Ситхе и Кадьяке такие солнечные и тёплые деньки случались редко.

Приближался скалистый отвесный берег, он был таким на всём протяжении, сколько хватало глаз. За ним высился горный хребет без заметных пиков. Волны прибоя пенились на камнях под скалами. Расселины и трещины от полутора саженей и выше были забиты сухим плавником. Дрова на судне кончались, кок жаловался, что скоро не на чем будет готовить горячую пищу. Но не плавник заинтересовал передовщика: возле скал, на камнях, которые захлёстывал прибой, лежала бесформенная часть борта разбитого судна. «От Тринидада не встретилось ни одной бухты, где можно укрыться от бурь! Виншипы сказали, что дальше к югу до залива Бодего бухт нет», – подумал Сысой и повёл байдару вдоль берега, дальше от промышлявшей чуницы, чтобы увидеть другие части разбитого судна, его груз, и вдруг перед ним открылись каменные ворота.

Отчётливо и ярко вспомнился сон. С колотившимся сердцем и ожиданием чуда, Сысой вошёл в залив. Вдали виднелся остров. Дух захватило от открывшегося вида. Защищённая береговыми скалами, вправо и влево от входа в бухту расстилалась вода. Напротив входа виднелся пологий зелёный берег, за которым поднимался береговой хребет. Он и создавал видимость, что обрывистые скалы берега и горы – один массив. В заливе, если позволит его глубина, могли укрыться десятки кораблей. Вода ровней стекла, не колыхалась, не морщилась ветром, а промерить дно было нечем. Десятки стаек каланов пускали круги по глади, ныряя за кормом, беззаботно веселились и радовались погожему деньку. Сысой окинул взглядом берега, их изгибы, высоты и отмели. Не заметив признаков жилья и людей, развернул байдарку, стал изо всех сил грести к промышлявшей чунице.

Алеуты уже закончили охоту, добыв трёх каланов, и обеспокоенно озирались, выискивая глазами байдарку исчезнувшего передовщика. Едва он показался из-за скал, они стали выгребать к нему. Сысой положил весло поперёк лодки и помахал им рукой, подзывая к себе. Залив радостно удивил добытчиков, не любивших показывать своих чувств русским служащим. Задул дневной бриз с моря. Бриг схватил его прямыми парусами и стал осторожно приближаться к скалистому берегу. На глазах изумлённого экипажа байдарки алеутов исчезли, а передовщик поспешно выгребал к кораблю.

Виншипы всё поняли, стали рыться в корабельных картах, тыкали в них пальцами, измеряли высоту солнца: залив на этих широтах прежде не был никем замечен. На воду спустили шлюпку, помощник с шестью матросами и Сысой отправились смотреть открытие. Кадьяки и алеуты, остававшиеся на корабле, услышав о множестве бобров, заспешили на промысел. Василий и Прохор пошли за ними в большой байдаре. На бриге осталась только поредевшая команда.

Эскимосы успешно промышляли в заливе и были так увлечены промыслом, что не хотели думать ни о еде, ни об отдыхе. Казалось, остановить их может только тёмная южная ночь. Чуницы Василия и Прохора ушли вглубь залива, к едва видневшимся стайкам кормившихся каланов. Матросы со шлюпки восторженно лопотали и промеряли глубины входа в открытый залив. Проход был

мелковат для больших судов. Из-за острова показались неуклюжие деревянные лодки местных жителей. Они осторожно приближались к добытчикам. Матросы налегли на вёсла, шлюпка понеслась навстречу людям. Ими оказались «индианс» с не наколотыми лицами. Их обнажённые плечи были обвешаны ожерельями из раковин. Огненного оружия у них не было, и сама встреча случилась на редкость доброжелательной.

Натан Виншип, скалясь и похохатывая, стал вынимать из прихваченного мешка, показывать бисер, топоры, всякую ходовую мелочь, взятую на случай мены. Здешние люди предлагали раковины, такие же, как у жителей Тринидада, и так же, как те, были удивлены, что раковины не сильно заинтересовали моряков. Несколько раковин Натан всё же взял для расторжки. Мехов у туземцев оказалось мало, и он скупили их все.

Сысой наблюдал за меной американцев и здешних жителей, при этом то и дело поглядывал на своих партовщиков, на рассыпавшиеся по заливу лодки добытчиков Василия и Прохора. В душе его теплилась радость, пережитая во сне. Она перемежалась с полузабытыми детскими мечтами и гордостью, что Бог дал ему первому найти это место. Оглядывая берега, Сысою до боли захотелось построить здесь деревеньку. Жаль, что поблизости не было леса. И он стал писать карту.

День пролетел быстро. Заалел берег со стороны моря. Заря тёмная, вечерняя, девица-швея мастерица, иглой булатной стала зашивать кровавую небесную рану, в которой скрылось солнце. Кекуры бросили на воду длинные тени. Вечера в этих местах коротки, ночи темны, а надо было ещё шкурить добычу. Передовщики переговорили между собой и решили выйти на морской берег, где много плавника для костров. Они дали условный сигнал с большой байдары, и двухлючки партовщиков неохотно потянулись к выходу из залива. Добытчики славно поохотились и были голодны, выгребать к бригу не было ни сил, ни надобности: промысел не был закончен.

Партия вышла из залива в сумерках. Недалеко от входа, в виду стоявшего на рейде корабля, передовщики выбрали место под скалами покрытое сухим песком, вытащили на него лодки и развели костёр. Алеуты с кадьяками высадились в том же месте, скованной походкой людей, весь день просидевших в байдарках, ковыляли по песку и раздували свои костры, чтобы шкурить добытых бобров и варить мясо. Сумерки быстро перешли в безлунную ночь, такую тёмную, что в десяти шагах от костра не было видно собственных рук. Работу закончили у огня. Едва все улеглись под лодками – закапал дождь. Сысой с горящей головешкой в руке обошёл караулы, забрался под большую байдару, под которой расположились передовщики, лёг с краю и укрылся паркой. Было сыро и душно, усиливался перезвон дождя по коже лодки, с шипеньем и резким запахом мокрой золы гасли костры.

Трое передовщиков проснулись одновременно оттого, что порыв ветра сорвал байдару и, швырнув её под скалу, дождь захлестал по лицам. Волна прибоя грохотала едва ли не под боком, а ночь была всё так же черна. На таборе слышалась возня, видимо ветер поднял на ноги даже невозмутимых и неприхотливых алеутов. Далеко в море, против лагеря, мигал огонёк, Сысой не сразу сообразил, что это сигнал с брига. Василий стоял на четвереньках и пытался высечь огонь под паркой. Невидимый во тьме Прохор, в голос срамословил и на ощупь искал улетевшую байдару. Василию удалось разжечь щепу, смазанную жиром. Пламя схватившегося костра выстелилось по ветру и высветило мечущихся партовщиков. Прохор выволок байдару из тьмы и крикнул Сысою:

– Нельзя идти в море при такой тьме!

Васька подбросил сухих дров, с вечера укрытых лавтаком. Огонь с шипеньем накинулся на них, замотался флагом на ветру, высветил разгулявшийся вал наката волны, подбиравшейся к табору.

– Если шторм усилится – нас побьёт о камни! – Прохор снова нырнул во тьму.

Посоветовавшись, передовщики решили ждать рассвета, а если шторм усилится и невозможно будет оставаться под берегом – идти в залив. Пламя костра поднялось выше, с треском лизало подмоченные дождём брёвна плавника. Возле огня дождь не ощущался. Полураздетые партовщики и их тойоны сгрудились у большого костра, хотя для них дождь и сырость были в обычай. Высветился отвесный берег, отчётливей стала видна набегавшая волна.

– В залив надо! – подсказал передовщикам тойон Кыглай и опасливо оглянулся на крутой берег, к которому прижимали людей волны. К нему придвинулся Филька Атташа, показывая, что согласен со сказанным. Тойон Петька Чукагнак скоблил грудь нательным крестом, молчал и ждал решения.

– Они смогут оседлать волну, им в обычай! – проворчал Василий, и Сысой заметил в его бороде подпалину. – Как бы нам с грузом оторваться от берега?

– Не пропадать же всем! – Прохор по-колошски присел на корточки, вытянул ладони к огню. Подсушив руки, стал набивать трубку табаком.

– Уходите! – разрешил тойонам Сысой. – Пусть каждый возьмёт добытые шкуры, мясо оставим здесь.

Партовщики засуетились, при свете костра их двухлючки, одна за другой, стали взлетать на гребень волны.

– Бриг ушёл! – прорычал Прохор, сжимая зубами чубук трубки.

Сысой вгляделся во тьму, где прежде мигал светлячок сигнального фонаря. Его не было. Накат волн подбирался к костру. Трое передовщиков побросали в большую байдару одеяла, мех, ружья, подхватили её на руки, побежали следом за отступающей волной к бушевавшему морю и едва

удержались на ногах против следующего наката. По грудь мокрые, двое вскарабкались в лодку и схватились за вёсла. Третий, держась за корму, всё ещё удерживал её против волны, затем и он вскарабкался в байдару, когда его друзья гребли изо всех сил, чтобы не быть выброшенными на гаснущий костёр.

Глаза залепила густая тьма. Определяя расстояние до скал только по шуму наката, трое выгребали вдоль берега ко входу в залив и с опаской гадали, смогут ли разглядеть его. Под бортом пробкой выскочила двухлючка тойона Петьки. Он ухватился рукой за корму байдары и указал веслом, что надо поворачивать. От его разгорячённого тела пахнуло жаром. Так с Петькой и его напарником под бортом большая байдара вошла в залив, со всех сторон защищённый от ветров.

– Ну и глаза у вас, однако?! Сколь ни служу, не перестаю удивляться, – покряхтывая на весле, в голосе пробубнил Василий. – Говорят, какой-то особенный корень жуёте?!

– Всё едим! – равнодушно ответил Петька и отдалился. Слышно было только его поплёскивающее весло, пропал жар тела.

Рассвет застал всех в заливе. Никто из партовщиков не пропал в ночном море. Нахохлившись, как мокрые воробьи, они сидели на берегу и по обычаю наблюдали рассвет. Потом, переговорив о том, каким будет день, сбросили перовые парки. Кадьяки стали плескаться в воде, недовольные, что она слишком тёплая. Без этого у них не начинался ни один день на суше. Разве только на Ситхе, при непосильных работах, да на бриге они обходились без утреннего купания. Алеуты, войдя в воду по колени, черпали её пригоршнями, поднимали руки, вода стекала по их обнажённым телам. Со стороны казалось, что они кланяются заре-зарнице, красной девице, поднимавшемуся солнцу, метавшему первые лучи-стрелы на запад.

Сысой влез на скалу. Ветер стихал, но волны были высокими и пенистыми, бриг не виден. «Океин» показался в море только на следующий день и забрал партию с добытыми мехами. Матросы на корабле были чуть живы от усталости. Войти в залив Виншипы не решились, а долго держаться в море против него при высокой волне экипажу было не по силам. Забрав партовщиков и передовщиков, бриг отправился дальше к югу.

На одном из обжитых островов капитан предложил высадить часть промысловиков. Передовщики решили оставить здесь чуницу Прохора с кадьяками тойона Петьки. Джонатан заверил их, что будет приходить к острову через каждые две недели.

Прохор раздал своим людям фузеи и тесаки, взял свою долю пороха, свинца и съестного припаса. Партовщики и их передовщики с оружием, отправились смотреть остров. Селение здешних островных индейцев встретило партию настороженно, но не враждебно. Передовщики одарили старейшин бисером и топорами. Чуница Прохора – третья часть партии – осталась на острове. Партовщики нашли место для лагеря вдали от здешних островитян и стали обустраиваться на долгие промыслы.

Считая дело решённым и оговоренным с местными жителями, чуницы Сысоя и Василия вернулись на бриг. Затем таким же образом на острове высадились люди Василия. Сысоя с чуницей лисьевских алеутов под началом тойона Кыглая Виншипы оставили на безлюдном острове и, пообещав вернуться через неделю, ушли для торга в испанскую Калифорнию. Передовщик с четырьмя десятками добытчиков и четырьмя женщинами обошёл каменистый остров со скудной растительностью, выбрал место для стана и начал готовиться к ночлегу в палатке. Женщины собирали сухой плавник для костра, алеуты сели в байдарки, отправились промышлять и осматривать берега острова с моря. Вернулись они поздно, большую палатку не ставили, перевернули байдарки и улеглись на не выстывшем ещё песке.

На другой день Сысой напёк себе лепёшек и начал строить полуземлянку из камней: промысел мог затянуться месяца на три. Алеуты промышляли и ловили рыбу возле острова и, пока позволяла погода, не ставили палатку. Позже, видимо по просьбе женщин, для укрытия от солнца и ветра, неподалеку от Сысоя они нашли сухой распадок ручья, накрыли его плавником и палаткой.

Бриг не вернулся ни через неделю, ни через месяц. Мука кончилась, в ней была нужда только у Сысоя, алеуты довольствовались своей природной пищей: мясом и рыбой. Но вскоре у них кончились табак и чай, без которых они сделались вялыми и ленивыми, стали поругивать «косяков», что приучили их к табаку, хотя и до прихода россиян курили смесь из трав с приятным запахом.

Вблизи острова каланов быстро выбили, байдарки стали ходить к материковому берегу, курсируя возле него. Прибрежные промыслы были удачными. Здешние каланы сильно отличались от алеутских, кадьякских и ситхинских по цвету меха и его ценности, но их добывали помногу. Конфликтов с народами других островов не было, и алеуты под началом тойона Ивана Кыглая решили промышлять без огненного оружия, которое своей тяжестью сдерживало их лодки. Сысой оставался на острове с женщинами, мездрил и сушил добытые шкуры, продолжал обустраивать своё новое жильё.

Однажды он увидел в море байдарки алеутов, спешно возвращавшиеся на остров после полудня. За ними следовал куттер с косым парусом. Судно было тихоходным и отставало от лёгких лодок промысловиков.

– Гишпанса! – крикнул тойон Иван, выскакивая из двухлючки.

Его напарник так же торопливо выбрался с заднего сиденья, они подхватили байдарку и побежали к землянке, в которой хранилось оружие. Один за другим на берег высаживались другие партовщики и поспешно вытаскивали на сушу свои лодки. Куттер был ещё далеко от острова, но явно

следовал к нему. Из торопливых объяснений вернувшихся Сысой понял, что на них напали испанцы и пленили двух партовщиков, захватив их байдарку. Алеуты, из-за того что безоружны, не решились отбить товарищей и стали поспешно возвращаться к лагерю. Сысой велел им разобрать и зарядить ружья, а сам, с саблей на боку и пистолем за кушаком, вышел к воде, поджидая куттер. Тот подошёл близко к берегу, сбросил парус и развернулся бортом. На нём показались пятеро мужчин в суконной одежде, с бритыми лицами. По виду это были солдаты с офицером. Он и начал о чем-то кричать. Остальные озадаченно поглядывали на вооружённых людей, ощетинившихся стволами из-за камней.

Сысой тоже закричал, возмущаясь, что захвачены его партовщики. Офицер, разъярённо поорав, вывел на корму алеута со связанными руками. Стал тыкать его в грудь пальцем. Сысой закивал, стал делать знаки, чтобы партовщика отпустили на берег. Потряс шкурой калана, показывая, что готов его выкупить. Солдаты, не соглашаясь, продолжали о чём-то кричать. Пленённый алеут с равнодушным видом наблюдал за теми и другими, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Сысою надоела бесполезная брань, он пригрозил пистолетом. Солдаты разом прекратили ор и подняли парус. Алеут то ли с усмешкой, то ли с печалью махнул связанными руками. Куттер крутыми галсами направился к материковой суше. Партовщики с ружьями столпились вокруг Сысоя и тойона.

– Никого не грабили, – стал оправдываться Иван. – Промышляли. Высадились на берег пить чай. На нас напали, стали руки вязать...

Сысой, не зная, как объяснить партовщикам нападение испанцев, начал оправдываться.

– По уговору Виншипы должны нас защищать, но брига до сих пор нет. Почему гишпанцы напали – не понимаю. Мы должны промышлять против ничейной земли. Наверное, вас хотели пограбить и захолопить. Придётся ходить на промыслы с ружьями. Вернутся Виншипы, пусть вызволяют пленного.

Два дня партовщики кружили возле острова, ловили рыбу, искали случайно заплывших бобров, но добыли всего две шкуры. Брига не было. Сысой чертыхался, алеуты требовали спасти сородичей или отмстить за них. Сысой удерживал их ещё два дня, надеясь, что корабль вернётся, ведь по контракту Виншипы не должны были бросать партовщиков без защиты.

Передовщик тянул время, партовщики всё настойчивей требовали мщения, и Сысою пришлось идти на выручку их сородичей. Он оставил с женщинами в лагере трёх слабых мужчин, остальные, вооружённые фузеями и тесаками, при заходящем солнце ушли к матёрой земле, к тому месту, где на них напали испанцы. Сумерки перешли в чёрную южную ночь с далёкими звёздами, вскоре дальним костром засветился восток, из-за горизонта показался краешек рога половинчатой луны. Небо было безоблачным, после полуночи луна должна была скрыться.

Алеуты вынюхали запахи жилья и при лунном свете безбоязненно двинулись в ту сторону, уверяя, что лагерь или селение далеко. Сысой шёл впереди, плечо к плечу с тойоном, доверяя его нюху и зрению. Вот Кыглай остановился и сделал знак рукой. Партовщики легли на сухую колючую траву. В лицо мягко пахнул ночной бриз, даже Сысой почуял в нём запах пасшихся коней и дыма.

Осторожно, стороной, отряд обошёл табун, и всё равно был услышан. Кони приглушённо заржали, опасливо захрапели. Вдали взметнулся огонь костра и высветил маячившего возле него человека. «Ну и караул?!» – насмешливо шепнул Сысой и подумал, что если это испанцы, то они ведут себя крайне неосторожно на ничейной земле Северной Калифорнии.

Алеуты с передовщиком подползли ближе и затаились. При свете заходившей луны, к удивлению своему, Сысой разглядел селение. То, что это не лагерь – было очевидно. Часовой походил возле огня, прислушиваясь к звукам ночи, громко зевнул и улёгся на одеяло. Костёр угасал, сходила с неба, пряталась луна. Ночь стала так черна, что не различалась ладонь вытянутой руки. Теперь вся надежда была на зрение и обоняние эскимосов: ни русские служащие, ни креолы в этом не могли с ними тягаться.

Сысой шёпотом сговорился с тойоном, что тот с тремя сородичами пойдёт в селение и постарается бесшумно найти пленных, а передовщик с отрядом прикроет их, если они себя обнаружат. Иван со спутниками бесшумно растворился во тьме. Сысой лежал на тёплой, не выстывшей земле и смотрел на звёзды. Поблизости залегли алеуты. Передовщик чувствовал свой отряд только по запаху и жару тел оставшихся с ним людей. Для эскимосов и колошей обыденное дело пусть даже под моросящим дождём пролежать без движений ночь, чтобы в нужный миг напасть на врага врасплох. Поэтому приглушённый шорох насторожил всех партовщиков. Потом ещё и ещё, затем шаги. К отряду приблизились ертаулы-разведчики, подали условный сигнал звуком. Кто-то из партовщиков отозвался.

Тойон приблизил лицо к Сысою, шепнул, что одного пленного выкрали. Все встали и осторожно двинулись к морю. При сумерках рассвета передовщик рассмотрел освобождённого алеута, он ничуть не радовался свободе, был хмур и устал. Это не удивило Сысоя: эскимосы не любили показывать своих чувств при компанейских служащих. Отряд отыскал спрятанные байдары. Поредела чёрная ночь, переходя в сумерки, заалел восток. Восход солнца встретил отряд на половине пути к острову. Брига в виду его не было. Сысой мысленно и вслух не переставал бранить Виншипов. От освобождённого алеута он узнал, что пленили его испанские солдаты из селения, которое обжито давно. То есть, вопреки условиям контракта, Виншипы высадили чуницу в испанских владениях Калифорнии.

Бриг не пришёл и через месяц, когда начались проливные дожди, каких не было на Кадьяке и Ситхе. Виншипы, преступив запрет промышлять в Испанской Калифорнии, отправились туда для дозволенного им контрабандного торга, и были либо арестованы властями, либо пропали. Ливень хлестал по крыше землянки с такой силой, что прошивал двойной холст покрытия из сложенной палатки. Сысой выполз наружу, отплёвываясь и смахивая мокрые волосы с глаз, покрыл свою жилуху большой байдарой и закрепил её камнями. Заглянул в своё укрытие, с крыши капало, но уже не текло как прежде.

Прежде чем сбросить с себя мокрую одежду передовщик решил посмотреть, как переживают ненастье партовщики, и отправился к их стоянке. Покрытое плавником, палаткой и байдарками русло сухого ручья превратилось едва ли не в реку. По берегам её, тесно прижавшись друг к другу, покрывшись парками и камлайками из сивучьих кишок, алеуты сидели на корточках и терпеливо пережидали ливень. Вода струями стекала с их плеч, они равнодушно жевали, доедая припас сырой рыбы и мяса. О костре не могло быть и речи, их сердило, что нет чая и табака.

Сысой в начале своей службы захватил времена, когда островные народы сами делали тлевшую смесь для курения. Теперь они и слушать не хотели о самодельном табаке, требовали покупной от бостонцев и Компании. Дождь то утихал настолько, что появлялась возможность развести огонь, то снова усиливался. Мука давно закончилась, Сысой голодал, перебивался тем, что собирал в полосе отлива траву, рыбёшек и моллюсков, стрелял и варил птиц. Когда голод пронял партовщиков, они тоже стали собирать подножный корм и выходить на лов рыбы в ливневые дни.

Вызволенный из плена алеут с угрюмым видом одиноко слонялся по берегу. Сысой допытывался у Кыглая, что с ним, отчего он сторонится сородичей? Тойон долго и непонятно объяснял что-то, чего передовщик понять не мог, кое-как они сошлись на том, что бывшего пленника сглазили. Однажды, во время густого тумана, он исчез вместе с Сысоевой однолючкой, и алеуты решили, что их сородич самовольно бежал к испанцам. Идти на его поиски не было желания ни у них, ни у передовщика.

Наконец на горизонте показался парус. Сысой выругался и стал подбирать слова, какими обругает Виншипов. Но вскоре стало видно, что это не бриг, а двухмачтовая шхуна. Передовщик с подручными развели дымный костёр, партовщики на байдарках стали выгребать к судну, идущему вдоль берега с юга на север под звёздным флагом Американских штатов. Шхуна с названием «Тамана» сбросила паруса, увидев приближающиеся байдарки, закачалось на волне, поджидая гостей, на палубе шли приготовления к торгу. Экипаж был удивлён присутствием бородатого русича среди эскимосов северного вида в кожаных лодках и доверительно принял на палубу сразу пятерых байдарщиков. Хозяин в сюртуке дорогого сукна, со стекляшками на глазах, толстый и весёлый, похохатывая, осматривал гостей. Молодой, стройный штурман с короткой русой бородкой по загорелым щекам показал знание русского языка, сказав: «Дарова!» – и добавил по-английски, что бывал возле устья Колумбии и у Ситхи.

Как ни плох был английский язык Сысоя, но нужда заставила вспомнить разговоры с американскими матросами. Словами и знаками он объяснил, что готов заплатить бобровыми и котовыми шкурами за муку, крупы, сахар, чай и табак. Хозяин показал свой товар, осмотрел привезённые шкуры и остался доволен ими. Шхуна повернула к острову, где всё ещё поднимался в небо дым сигнального костра, встала возле него на безопасной глубине. Сысой отобрал нужный ему товар, с тремя матросами в шлюпке и с хозяином судна отправился в свой лагерь, чтобы доплатить мехами. К общему удовольствию торг состоялся. Американцам мало было купленных мехов. Они прошли морем сто пятьдесят дней в обход мыса Горн в надежде на большие прибыли. Доставить партию Сысоя на Ситху им было не выгодно. При удачной расторжке хозяин надеялся увести судно в Кантон или на Сандвичевы острова. Но Сысою удалось договориться с ним, что если он пойдёт на Гавайи, то на обратном пути навестит остров.

Прошла дождливая зима. Несмотря на затяжную сырость, чуница Сысоя добыла рухляди много больше, чем в последний год это удавалось ей возле Кадьяка и Ситхи. Здешние каланы были мельче тех, что водились на архипелаге, цвет был хуже, но по слухам и такие шкуры раскупались в Москве и Петербурге по двести рублей. Товаров же на них Компания давала на десять, а то и меньше. За зимние месяцы отряду Сысоя пришлось дважды выслушивать угрозы испанцев, подходивших к острову на судне. Последний раз на их куттере был беглый алеут, он прельщал сородичей, рассказывая, как хорошо живётся в селении. Там он со своим другом так же промышлял бобров и был в большом почёте, говорил, что у него есть жена из местных индеанок, испанцы не заставляют её работать, как русские приказчики, а от них не требуют охотиться в плохую погоду. Слова сородича смутили партовщиков больше, чем угрозы испанцев. Сысой стал побаиваться, что они взбунтуются и уплывут на материк.

В марте распогодилось. На безоблачном синем небе с рассвета до заката светило ясное солнце. Партовщики радовались погожим денькам и уже не ждали Виншипов, предполагая, что с ним случилось несчастье. Надежды на возвращение Сысой связывал со шхуной, приходившей к острову или с другим бостонским судном, которое за плату доставит его людей на Ситху.

В середине марта на горизонте показались паруса, алеуты высмотрели, что это бриг, затем и Сысой увидел две мачты с прямыми парусами. Он развёл дымный костёр, приказал спустить на воду несколько байдарок, но бриг держал курс прямо на остров, будто знал нужду промышленных людей

или собирался торговать. Вблизи он ловко развернулся, сбросил паруса и встал на якорь. К немалому удивлению передовщика и партовщиков это был «Океин» Виншипов. Выпятив живот из-под жилетки, на мостике стоял Джонатан и, как ни в чём не бывало, посмеивался. Матросы бросили с борта штормтрап, приглашая на палубу.

– Стой! – приказал Сысой партовщикам.

Двухлючки закрутились на месте. Передовщик поднялся один, не принял от Виншипов предложенной чарки, но потребовал объяснений, почему был брошен против условий контракта. Джонатан залопотал, путая русские и английские слова, но ничего не объяснил. Сысой понял, что бриг ещё осенью ходил на Ситху и Кадьяк, где к большому удовольствию главного правителя сдал добытые меха. Там он взял на борт и доставил в Калифорнию ещё одну партию в двадцать пять байдарок. И сколько Сысой ни орал о контракте и несчастьях, выпавших на долю островитян в испанской Калифорнии по вине Виншипов, братья только улыбались и твердили, что главный правитель всем доволен.

Передовщик раздосадованно плюнул на палубу, скатился по штормтрапу в свою байдару, оттолкнулся от борта и стал грести к берегу. Партовщики с недоумением потянулись за ним. С брига их удивлённо разглядывали капитан с помощником и матросы. К вечеру они спустили на воду шлюпку. На берег прибыл Натан и стал требовать свою долю мехов. Понимая, что объяснить что-либо американцам невозможно, Сысой пригрозил пистолетом и приказал алеутам вооружиться фузеями. Шлюпка вернулась к бригу. На рассвете корабль снялся с якоря и ушёл на юг.

Алеуты не умели заботиться о завтрашнем дне. Чаю и табаку, купленных на бостонской шхуне, оставалось на пару недель, хотя Сысой покупал с запасом, надеясь привезти на Ситху, где такой товар не залёживался. Природной пищи партовщикам хватало, они не голодали, и только передовщик страдал, весь Великий пост скверняясь рыбой и мясом, поскольку мука давно закончилась.

По его молитвам знакомая шхуна *«Тамана»,* пришла в конце марта. Хозяин привёз нераспроданные остатки калифорнийской пшеницы, затухавшего масла, табака и чая. Сысой опять предложил американцу доставить его людей на Ситху или, хотя бы, в Бодего, где промышляли русские партии и часто бывали бостонские суда. Но и это хозяину судна было невыгодно. Тогда Сысой предложил ему продать *«Таману»* со всем нераспроданным товаром. Предложение заинтересовало хозяина, бостонец подумал, посчитал, долго рядился, но согласился сделать это за сто каланов и пятьдесят кошлаков с условием, что сперва «*Тамана*» уйдёт на остров Гавайю, где американец купит новое судно. На том они ударили по рукам, Сысой оставил остров, загрузил на шхуну своих людей с байдарками, оружием и добытыми мехами.

– Хаваи аил! – Штурман указал рукой на приближавшиеся пять остроконечных вершин, похожих на горы Камчатки при входе в Авачинскую губу. Это был самый большой из четырёх Сандвичевых островов. Молодой американец дважды бывал здесь и подходил к бухте в третий раз. Его глаза восхищённо высматривали приближавшуюся сушу, по щекам кучерявилась уже окладистая русая борода.

Сысой восторженно рассматривал остров с горными вершинами. Он много слышал о нём от матросов «Невы», но не думал, что когда-нибудь побывает здесь сам. Больше всего ему хотелось увидеть хлеб, который растёт на деревьях, как в Ирии. Мысль об этом пьянила и дурманила, радостно билось сердце в груди.

Со шхуной всё было оговорено: теперь она принадлежала Сысою. Передовщик уговаривал штурмана и двух матросов вести судно на Ситху за компанейскую плату, но прямого ответа от них не получил. Припекало солнце. Сысою было жарко даже в застиранной, изношенной бязевой рубахе. В кожаной было ещё хуже: она накалялась под солнцем и жгла тело. Партовщики и их женщины скинули парки и по примеру индейцев ходили по палубе в одних набедренных повязках.

Шхуна вошла в залив, сбросила паруса и встала на якорь. Здесь было много кораблей, большей частью американских. Особняком стояли полтора десятка королевских судов: одномачтовые куттеры и тендеры, трёхмачтовый барк. Команда засуетилась, матросы с горящими глазами ждали разрешения сойти на берег. Алеуты, поплясав в честь прибытия, с несвойственным для них удивлением разглядывали причудливо одетых темнокожих полинезийцев, щеголявших в европейских рубахах или сюртуках без штанов, иные в штанах без рубах. В большинстве своём островитяне сидели и лежали в тени, время от времени поднимаясь, чтобы попеть и поплясать, затем снова отдыхали. Суетились и шумели только европейские моряки.

Продолжение следует

Алексей ЯШИН
г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья (Северный флот СССР, г. Полярный). Выпускник Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», член правления Академии российской литературы, лауреат международных, российских и белорусских литературных премий. Член Союзов писателей СССР и России, Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два учёных звания профессора, лауреат научных премий Комсомола и им. Н. И. Пирогова.

Шарлотта Корде с бензопилой

Рассказ (из цикла «Болдинское межсезонье»)

> – Ну, а у нас, – говорю, – верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы всё казалось обновлённое, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапивой вывела.
>
> ***Н. С. Лесков «Запечатлённый ангел»***

Беседуют два старинных приятеля, преподаватели Тулуповского университета профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент Николай Андреянович, вспоминают страшное происшествие в дачном кооперативе «Геофизика», когда сын, зациклившись в интернете, отрезал голову своему отцу, приняв его за игрового покемона.

– Кстати, Васильич, что там в «Толоке», в сообщении о случае в твоём «Геофизике», попутно вспомнили о похожем, случившемся в нашем универе пару лет назад?

– Не мой, не мой, Андреяныч, этот злосчастный «Геофизик»! Я туда почти перестал ездить после того, как добрые коллеги по факультету меня под монастырь подвели*, использовав как раз тему моей дачи. Последнего удовольствия летней жизни, собаки, лишили! История же эта потому в прессу и телевидение не попала, да и в самом университете лишь прошелестела – вишь, ты даже не знаешь, хотя в вашем «пентагоне» люди дикие, отшельниками от остальных факультетов живёте... – что, во-первых, начальство университетское, а на носу очередная пятилетняя аккредитация, нажало где надо в чиновных верхах, ничего в СМИ не попало; во-вторых и в основных, так сказать, героем дня здесь была слегка перезрелая девица, поэтому основные вестовщицы-сплетницы университета, то есть бабы из главного корпуса, по женской солидарности и врождённой, инстинктивной злобе на мужиков (не своих... а может, и своих) ограничились лишь перешёптыванием между собой с выводом: так ему, подлецу, и следовало!

Коль скоро эта «героиня» – наподобие Шарлотты Корде, но только не в плане высокой политической мести, а сугубо в личном, – трудилась компьютерщицей, хотя не по увлечению, как мальчик Дэн, но по профилю своей работы в служебно-техническом отделе университета, возможно всё те же «покемонные» персонажи и подсказали способ отмщения неверному другу. Вне всякого сомнения, даже компьютерщики по работе, но с играми этими знакомы... А дело обстояло следующим образом.

Компьютерщица эта, имени не знаю, поэтому буду называть К., перезрела за третий десяток незамужней. А ведь всё способствовало: обладательница собственной квартиры, какая-никакая, но зарплата повыше прожиточного минимума, родители среднеобеспеченные из района подкидывали на тряпки-помадки. Главное, совсем не дурнушка, всё при ней, неглупа в житейском плане, язык умеренно хорошо подвешен, опять же всегда по моде прикид. Видно, как все нынешние, долго выбирала, всё принца из-за горы, где славны бубны, ждала... Словом, хорошо всем знакомый типаж, у меня в подъезде сразу две таких проживают.

Тут среди женского населения поветрие пошло: раз в год обязательно слетать на забугорный курорт даже при скромных доходах, как сейчас принято зарплату называть. Незамужних волновали перспективы познакомиться на жарких пляжах с начинающим миллионером, хотя бы в рублях, на худой случай – с папиком-содержателем; замужние же руководствовались господствующим во всех умах принципом тусовки: Валька уже два раза в Таиланде побывала, а я чем хуже? Тянули за собой мужей, которым глубоко плевать на всю эту экзотику: «Что ты – турок, что ли, не видела? – Съезди в Москву, а то на наш рынок сходи: одни азербайджанцы за прилавками. А прочих чёрных и цветных толпами встретишь у корпусов общежитий политеха, то бишь сейчас университета!» Глупые они, мужья; у них весь принцип тусовки на машины направлен: у Васьки хотя и подержанный, но «мерин», а у меня дешёвая азиатчина калужской сборки...

Так К. попала в Хургаду, где очаровала видного парня-египтянина на пять лет её моложе, к тому же хорошо маракующего по-русски: учился в Новочеркасском техническом университете. Тоже компьютерщик и неженатый. Рыбак рыбака видит издалека. Так они под жарким солнцем бога Ра слюбились, что по приезде в Тулуповск уже через неделю К. пошла в женскую консультацию за направлением на аборт. Через пару месяцев, что ушли на оформление загранпаспорта, получения рабочей визы и прощания на долгое расставание с безутешными родственниками, египетский араб Ахмет прибыл в Тулуповск, поселился у возлюбленной и занялся оптовой торговлей, замыкая цепочку посредников по доставке родных египетских даров долины Нила и средиземноморского побережья в овощные и фруктовые лавки, магазины и рыночные ряды Тулуповска.

---

* См. «Административный восторг, или Картинки с выставки»; новелла «Уж тем ты виноват… или в змеином гнезде». (В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru). – Прим. авт.

К. расцвела красотой завершения первой молодости, сияла счастьем за своим рабочим компьютером, уже снисходительно-милосердно посматривала на своих незамужних подруг. Ахмета заглаза она именовала «мой»: «Ах, девушки, не смогу я сегодня задержаться на наш предновогодний корпоративчик, мой с работы вот-вот голодный придёт, ужин успеть бы разогреть!»

Бежала домой, разогревала жирный, хорошо проперченный, как любил Ахмет, ужин как на бригаду работяг. Неторопливо, от пуза поев, тот час-другой щёлкал клавишами ноутбука, отправляя торговые ведомости в египетскую фирму-поставщик, затем до одури смотрел эротику по телевизору, подключенному на спутниковую антенну, купленную на деньги К., в то время как та до ночи кочегарила на кухне, готовя восточные яства на следующий трудовой день. Она постоянно не высыпалась, ибо Ахмет до утра демонстрировал преимущества секретов любви древнеегипетского культа богини Изиды перед хвалёной камасутрой...

Денег Ахмет ей не давал, поясняя, что все выплаты от египетской торговой фирмы он вкладывает в расширение своего бизнеса – на светлое будущее. «Ах ты, мой добытчик!» – восхищалась К., всё чаще обращаясь к районным родителям за вспомоществованием. Восточная пряная мясная пища стоила дорого, да и Ахмет, как уважаемый коммерсант, не должен одеждой падать в грязь.

Прошли осень, зима и весна. В начале лета К. начала робко, издалека заводить разговоры об узаконении их отношений: любовная необузданность избранника уже несколько раз заставляла посещать женскую консультацию за направлениями. Сам Ахмет презирал обычные мужские средства, не достойные правоверного, а ей пилюли, даже патентованные, не всегда помогали; казалось, сама физиология не в силах противостоять неистовой мужской силе восточного человека...

Но как-то в летний воскресный, выходной для обоих, день К. отважилась на серьёзный разговор. Намеренно продлив почти до полудня любовные упражнения и, накормив Ахмета особо изысканным и обильным обедом, она подсела на диван к задремавшему от такого удовольствия спутнику жизни и прямо спросила о дне свадьбы. И где она будет: в Тулуповске или в его семейном кругу в Египте?

Блаженствовавший в сладостном полусне-полуяви Ахмет, без того уже привыкший особо не выбирать слова в обращении с дармовой любовницей, кухаркой и прислугой, с простодушной прямотой потомка бедуинов, не раскрывая обленившиеся веки глаз, досадуя на помеху всё более сковывавшему его мускулистое, но уже оплывающее жирком тело сну, выругался чисто по-русски. Затем добавил по существу: «Какая свадьба! И зачем мне она? И так хорошо: жратва дома всегда готова, проживание дармовое, русская мягкая баба всегда под боком. Вот ещё пару годков поживу здесь, денег подкоплю, заведу побольше знакомств в торговых сетях в Тулуповске и в Москве, потом вернусь в Египет и открою свою фирму. Даже название придумал уже: «Рашен поток: Ахмет и сыновья». – «Какие сыновья?» – К. всё ещё лелеяла мечту о замужестве; может, их будущие сыновья? – «Какие-какие, у меня ведь дома жена и двое маленьких сыновей. Подрастут – будут папе в торговле помогать...»

Ахмет окончательно заснул, откинув на низенькой диванной подушке-валике голову, так что онемевшая К. видела только мощный кадык и подбородок, заросшие кучерявистой чёрной бородкой «а ля моджахед», уже третий год бренд номер один во всём мусульманском и европейском мире.

К. никогда не страдала гипертонией, поэтому не могла понять: отчего это в голове застучало, сердце забилось, неведомая раньше лёгкость и невесомость овладели телом. А сознание как-то раздвоилось, словно шумно бегущая река наткнулась на песчаный островок и побежала вправо и влево, огибая препятствие. Она встала на неощущаемые, но крепко держащие её ноги, по привычке сняла со спинки дивана плед с арабскими витиеватыми узорами и бережно укрыла под самый заросший кадык возлюбленного. В голове лейтмотивом зазвучала, бесконечно повторяясь, песенка про город Сочи, часто исполняемая музыкальными FM-радиостанциями: «... А впереди ещё три дня и три ночи, и шашлычок под коньячок вкусно очень».

Подпевая о Сочи засевшему где-то между затылком и теменем популярному певцу, К. отправилась на кухню, достала из заветного ящичка все имевшиеся деньги, положила в свою сумочку, подумала: «Если мало окажется?» – прошла в прихожую и впервые в жизни обшарила чужие карманы – рабочий пиджак Ахмета. Переодевшись в уличное, вышла из квартиры, тихонько притворив дверь.

Ноги сами по себе несли её – куда им надо. Некстати вспомнила, что мужики, крепко выпившие, называют это автопилотом. Пилот? – С какими тайными надеждами и суеверным страхом летела она когда-то на «боинге» в Хургаду... Магазин инструментов «Подмастерье» располагался в их квартале через пару дворов. Когда расплачивалась за «болгарку», хорошо знакомую ей – у хозяйственного отца в их собственном доме всё имелось; даже дочери пару раз урок пользования преподал, – заигрывающий парень-продавец поинтересовался: зачем, мол, такой красотке грубый мужской механизм? – «В Сочи еду», – ошарашила она любознательного и вышла из магазина; правую руку оттягивала тяжёлая коробка. Несмотря на тяжесть, она торопилась: Ахмет может проснуться, а её дома нет. Кто же ему на диван подаст полдник с кофе и рахат-лукумом?

...Через пару часов её увезла специальная санитарная машина.

Истинно сказано в «Поучениях Владимира Мономаха», что жену свою должно любить, но не давать ей власти над собой. А Андрей Лесков как-то записал слова своего знаменитого отца: «Каждому человеку суждено погибнуть так или иначе. Иному от денег, другому от безденежья, третьему от жены, четвёртому от любовницы...» Что в данном случае и сбылось.

Нина КРОМИНА

г. Москва

Кромина Нина Александровна родилась и живёт в Москве. По основной специальности библиотекарь-библиограф. В 2011 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Простор» (Казахстан), «Вологодская литература», «Москва», «Звезда», альманахах и коллективных сборниках. Участник Литературного объединения «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России. Автор книги малой прозы «В городе и на отшибе» (2015).

Деловые бумаги

Рассказ

Тяжело вздыхая, Анастасия Олеговна поднялась с табурета. Ограниченное пространство прихожей, сдавливая грудную клетку, словно натянутая пружина, выбрасывало её из квартиры.

Рюкзак собрала ещё с вечера. Сейчас же, надев тёмно-красный спортивный костюм, лыжные ботинки, вязаную спортивную шапку и аккуратненькую тёмно-синенькую курточку, подняла с пола рюкзак, продела руки в лямки, взяла лыжи. Всё как много-много раз в жизни, собираясь на очередную прогулку. Когда-то, проживая в центре города, чтобы добраться до лыжни, ей приходилось ехать на метро, электричке или ещё каком-нибудь транспорте. Теперь же лесопарк, который она именовала лесом, располагался почти у её порога, что было очень кстати, так как сил на кругосветные путешествия почти не осталось.

Для намеченного ритуального действа она выбрала один из предпраздничных дней, когда трудовой народ парится над повседневным или носится по городу в поисках запредельного, а следовательно, никто не помешает. Зайдя в глубину леса, нашла облюбованную уже давно полянку. Небольшую, уютную, окутанную прозрачным кустарником и дремавшими соснами. Ставь палатку и живи. Но палатки в доме Анастасии Олеговны давно не было. Странно, что сохранился списанный из вялотекущей жизни за свой бомжеватый вид рюкзак. Конечно, Анастасии Олеговне больше нравился её ещё почти новый рюкзачок из светлой натуральной кожи, но, как оказалось, его вместительности не хватило, пришлось воспользоваться старым, которому сегодня предстояло сослужить государеву службу...

Когда заведующая отделом, в котором работала Анастасия Олеговна, Инесса Валентиновна, надменная дама – пятьдесят плюс – отдала приказание сжечь все бумаги, Анастасия Олеговна, обведя взглядом шкафы, расставленные вдоль стен, с трудом сдержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска. Однако удержалась и лишь удивлённо округлила глаза, опустила уголки губ.

– Кто же, если не вы? Вы писали, вам и жечь.

Да, это многотомное собрание сочинений – её рук дело, как и те бесчисленные каталожные карточки, которые она сожгла перед тем, как устроилась менеджером на взметнувшуюся до небес фирму по обеспечению зрелищных мероприятий необходимым антуражем.

Когда-то она недоумевала, услышав повелительное: «Любезная, со всеми бумагами ко мне. Срочно».

Слишком много было бумаг и определить, какую именно надо нести высочайшей особе в данный момент, казалось затруднительным. Выручала Юлия. Без отчества. Молодая, нарочито отстукивающая каблучками мелодию ча-ча-ча и прочих латинов. Она взлетала со своего стула и, схватив со стола первую попавшуюся под руки бумаженцию с горячностью спрашивала: «Можно я?».

И Анастасия Олеговна, снисходительно улыбаясь, кивала головой. Девочке хотелось быть на виду. Но, не прошло и года, Юлия вспорхнула, покинув фирму, родителей и страну. Кому-то из зарубежных партнёров она пришлась по душе...

А Анастасия Олеговна всё носилась по крутой офисной лестнице со всеми бумагами, стучала по клавишам, вводила формулы в упрямые прямоугольники Exel'я. Умножала клиентов, поставщиков, бумаги в папках и образцы в коробках.

Но как-то Инесса Валентиновна, вернувшись из зимнего увлекательно-развлекательного круиза, свои увлечения оставила за бугром, и её интерес и к ча-ча-ча, и к танго, и даже к вальсу начал постепенно затухать. Назначила распродажу. Анастасия Олеговна обзванивала знакомые и незнакомые фирмы, предлагала им товары, стеллажи. Дошла очередь и до деловых бумаг: контракты, переписка с фирмами, отчёты, маркетинговые листы, таблицы... Вот тогда-то она и получила последнее указание: сжечь!

Собрала рюкзак, надела спортивный костюм, прихватила лыжи. И вперёд!

Стоя на поляне, развела костёр, пеплом поднимались и опускались к её ногам деловые бумаги. «Двадцать девять лет», – сетовала она и прибавляла к ним годы, проведённые за «Ятранью», «Москвой» и прочими техническими средствами, избавившими её от женских привязанностей и капризов.

Михаил СМИРНОВ

г. Салават, Республика Башкортостан

Член товарищества детских и юношеских писателей России, Международного творческого объединения детских авторов. Публиковался в СМИ Респ. Башкортостан, московских изданиях, Интернет-изданиях и мн. др. Лауреат Международного литературного фестиваля «Русский Stil – 2010», международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2010», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, международной премии «Филантроп» 2016 год и др. Обладатель Знака особого отличия «Серебряное перо Руси», звания «Серебряное перо Руси», награждён медалью «Русский STIL», медалью им. Ф. М. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость», медалью им. Льва Николаевича Толстого «За воспитание, обучение, просвещение». Автор 6 книг малой прозы (одна – в соавторстве с Сергеем Малашко). Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» (2019). Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Хозяин

Рассказ

Старая разбитая дорога, вся в ухабах и колдобинах, по краю репейник, лебеда, островки крапивы и разросшийся придорожный кустарник. Дорога долго петляла между рыже-коричневыми осенними холмами, пока, наконец-то, в низинке не мелькнули старые, местами провалившиеся крыши небольшой деревеньки. Так, всего лишь десятка два-три приземистых избушек были разбросаны там и сям, в подслеповатых тусклых оконцах пятнами вспыхивало вечернее солнце, но проходило несколько минут, и отблеск исчезал. Голосов не слышно. Вот одиноко мукнула корова, следом взлаяла собачонка и умолкла от короткого шепелявого окрика. Поправив линялый рюкзак, Митяй не удержался – ноги ослабли при виде деревушки, и присел на взгорке, на пожухлую траву, скрутил тощую самокрутку и задымил, всматриваясь в родную деревню. Полдня потратил, чтобы от шоссейки добраться до деревни. Хотел сразу проведать родителей на кладбище, но, увидев деревню, сморило, и теперь сидел, поглядывал на неё и чувствовал, как успокаивалась его душа, что, наконец-то, после стольких лет мытарств, он всё же смог вернуться домой.

– Вот оно как, – он содрал потёртую шапку и принялся приглаживать растрёпанные грязные волосы, вглядываясь в вечерние сумерки. – Да уж, – и опять повторил Митяй, растирая грудь, и поморщился. – Вот оно, как! Была деревня, да сплыла. Раньше-то взглядом не окинешь, жителей не пересчитаешь, а сейчас одно название – деревня, – и отмахнулся от осенней назойливой мухи.

По заросшей улочке, опираясь на клюку, часто останавливаясь, медленно прошёл старик, одетый в драную фуфайку с длинными рукавами, из которой клочьями торчала вата, в засаленных штанах и в больших галошах, шаркал по ухабистой дороге. Он подошёл к палисаднику с прорехами в заборе, откуда торчали ветви бузины да робко белел тоненький стан молодой берёзки. Старик долго стоял, всматриваясь из-под тёмной ладони в сторону пригорка, потом натужно закашлялся и, махнув рукой, присел на низенькую лавочку, нет-нет, да опять вглядываясь в тёмную неподвижную фигуру на вершине.

Развязав тугой узел на рюкзаке, Митяй достал баклажку с водой, звучно глотнул, не глядя пошарил внутри, вытащил тощий свёрток, развернул и принялся грызть чёрствую краюшку, хрумкать солёным огурцом, который насильно сунула ему на вокзале сердобольная бабка, когда он стоял и пересчитывал последнюю мелочь, вытряхнув из кармана.

– Да уж, вот оно как, – повторил Митяй, достал свёрнутую газету, оторвал клочок, опять скрутил цигарку – деньги закончились, и пришлось собирать окурки, затянулся, аж искры посыпались, два-три раза пыхнул и, обжигаясь, поплевал на огонёк, затушил, а окурок сунул в карман – пригодится ещё. – Ничего, ночку перекантуюсь, проведаю мамку с батяней на кладбище, посижу, подумаю, куда дальше двинуть. Здесь, как мне кажется, больше никто меня не ждёт, никому не нужен. Да уж, – протяжно вздохнул он, нахлобучил шапку и поднялся.

Спотыкаясь и чертыхаясь, Митяй напрямки добрался до крайнего дома, вросшего чуть ли не по оконца в землю. Прислонился к забору, вглядываясь в тёмные окна. Сдвинув шапку, почесал затылок и немного потоптался возле калитки, подпёртой штакетиной. Хотел зайти во двор, но, заметив висячий замок на двери, понял, что дом бесхозный – двор зарос бурьяном, махнул рукой и, протяжно вздохнув, направился к старику.

– Здорово, батя, – стащив шапку с головы, сипловато сказал Митяй. – Мне бы ночку перекантоваться. Пустишь с ночевьём, или к другим пойти? – и взъерошил без того растрёпанные лохмы.

– Добрые люди по ночам не шляются, – прищурившись, взглянув на вечернее солнце, буркнул старик, опираясь на клюку. – Откель знаю, может ты беглый каторжник. Я давно заприметил, как ты сидишь и высматриваешь. Наверное, решил чё-нить стибрить, а может, и того хуже. Вон, намедни участковый приезжал, говорил, будто бы из тюрьмы убивец сбежал, даже карточку показывал. Вроде на тебя смахивает по обличью, – он подозрительно взглянул исподлобья и ткнул скрюченным пальцем. – Точно, убивец! Надо сообщить, куда следует.

– Что болтаешь, старый? – отшатнулся Митяй и невольно оглянулся по сторонам. – Тоже мне, нашёл каторжника! Вот уж не думал, что в родной деревне так встретят. Вот оно как, однако, – он вздохнул, опять напялил шапку и шагнул по тропке. – Ладно, дед, будь здоров, не кашляй! Вот уж сказанул – убивец...

– Ну-ка, погодь, – прошамкал старик, внимательно всматриваясь в Митяя. – Ишь, сразу побежал, торопыга! Не зыркай глазищами-то, не зыркай. Нечего губы гнуть. Развелось лихоимцев – страсть! Говоришь, родная деревня? Не припомню тебя. Уж я-то всех знаю. Чать, обманываешь! – он закашлялся, забулькал и сплюнул. – Ух, уродился горлодёр! – и опять затянулся.

Митяй покрутил башкой, осматриваясь, потом неуверенно махнул рукой.

– Там, — он кивнул и повторил. – Точно, там была наша изба, вон, где большое дерево с обломанной верхушкой виднеется, а рядом клуб был раньше. С нами дедка жил. Он после войны вернулся без ног, по деревне ездил на тележке. Может, помните его...

– Погодь, погодь, — перебил старик и опять стал всматриваться. – Про дедку Лёньку, говоришь, да? Знавал такого, знавал. Шебутным был. Хе-х, бывало, напьётся и начинает кулаками махать, потом шмякнется, а мы тащим его, словно куль какой. Свалим возле печки, сын ругается, а он валяется на полу и песни горланит. Как же, помню его, помню, а вот тебя запамятовал, парень, – и, похлопав по скамейке, добавил. – Ну ладно, присаживайся, худосочный. В ногах правды нет. Посидим, побалакаем.

Скинув рюкзак, Митяй присел, прислонившись к шаткому забору. Достал из кармана жестянку с пригоршней окурков, два-три вытрусил на клочок бумажки, свернул цигарку, закурил и натужно закашлялся.

Старик поморщился и закряхтел, наблюдая за Митяем, за разнокалиберными окурками, что лежали в баночке, покачал головой, вытащил кисет и протянул.

– Э-хе-хе, на-кась, моего самосаду закури, – вздохнув, сказал он, толкая Митяя. – До слёз пробирает табачок. Крепкий, однако. Да не торопись, не рассыпай. Глянь, аж затрясся. Никто не отымет, – и, немного подождав, сказал: – Ну, как мой горлодёр? Продрало до порток? Хе-х! – мелко засмеялся, но опять взглянул из-под насупленных бровей. – А что махорку-то куришь? Денег нет на папироски-то, а? Что говоришь? А, понял! Бывает... Жизнь – штука такая... Один как сыр в масле катается, а другой с хлеба на воду перебивается, – а потом сказал: – Знаешь, ей-богу, смотрю на тебя, смотрю, но не могу вспомнить. Извиняй!

Глотнув воды, Митяй вытер губы, сдвинул шапку и ткнул в лоб, где виднелся корявый шрам.

– А метку узнаёшь, дед Евсей? – и опять ткнул. – Твоя работа, вот оно как, однако. С мальчишками полезли в сад, а ты выскочил из сторожки и так саданул камнем, что я брыкнулся с забора с пробитой башкой. Сам же меня тащил домой. Перепугался, что концы отдал. Это же я был, Митяй. Ну... вспомнил?

– Погодь-погодь... Митька? Это который хулиган, да? Не может быть, не бреши, – старик усмехнулся и небрежно отмахнулся, потом опять всмотрелся и торопливо перекрестился, медленно отодвигаясь. – Сгинь, нечистая! Сгинь! – и замахал руками. – Чур, меня, чур!

Удивлённо взглянув на деда Евсея, Митяй пожал плечами, не понимая, почему переполошился старик, потом громко высморкался, обтёр пальцы об пук высохшей травы, и опять закурил дедовский самосад, кашляя от едучего дыма. Несколько раз пыхнул сизым дымом, поплевал на ладонь, затушил и спрятал окурок в свою баночку – пригодится.

– Ты чего, старый? – тягуче сплюнув на землю, сказал Митяй. – Я же не икона. Что ты крестишься-то?

Старик медленно отмахнулся, повёл рукой перед собой, словно Митяй исчезнет, а потом принялся креститься.

– Сгинь, нечистая, – поперхнувшись, зачастил он. – Уйди, не тронь меня!

Приглаживая взъерошенные грязные волосы, Митяй посмотрел на испуганного старика. Усмехнувшись, опять пожал плечами, снова взял с лавочки кисет старика, скрутил толстенную цигарку и, наморщив лоб, закурил, продолжая искоса поглядывать на старика.

– Ты же там лежишь, – отодвинувшись от Митяя на край скамейки, сказал старик и неопределённо помахал рукой. – Два года прошло, как похоронили, как закопали тебя...

– Где там? – удивлённо спросил Митяй, потом посмотрел в сторону кладбища, куда показал дед и громко, протяжно икнул. – Меня закопали? А зачем? – он потряс головой и стал растирать лицо грязными руками. – Брешешь, старый!

– Вот те крест, не обманываю! – старик размашисто перекрестился. – Ты же утонул, – сказал он и стал подниматься. – Когда привезли тебя, даже домовину не открывали, закопали рядом с мамакой и батяней, и всё. Прямо там мужики помянули и разошлись по домам. Я сам видел, как тебя закапывали. Вот те крест! – повторил дед Евсей. – А сейчас сидишь живой, мой самосад таскаешь без спроса, да ещё вон какие здоровенные цигарки крутишь – с палец, не меньше, – и, схватив кисет, торопливо сунул в карман.

– Вот оно как, однако, – покачивая головой, протянул Митяй, громко швыркнул носом и смачно сплюнул. – Дедка, сам подумай, как же меня могли похоронить, если я только сегодня приехал на станцию, и полдня добирался до деревни. А ты говоришь, будто два года прошло. А я почти месяц через всю страну ехал на перекладных, чтобы сюда попасть. У меня свидетели есть, и много. Правда!

Прищурившись, дед опять посмотрел на Митяя, осторожно дотронулся до шрама, задумался, вскинув густые метёлки бровей, что-то долго бормотал, поглядывал в сторону кладбища, грозил пальцем и почёсывал реденький венчик волос на голове.

– Ей-богу, не обманываю, – пожимая плечами, закряхтел он. – Привезли, сказали, что это ты, даже документ показывали с печатями. Наши мужики подрядились яму копать. Ну и, как положено, в

последний путь проводить. А к вечеру, когда все напоминались, приезжие оставили бумагу в сельсовете, и сами укатили. Что же получается – это значит, чужака закопали? А кого? Ох, ты, что делается-то, – он взглянул и ожесточённо стал теребить венчик волос. – Какие времена настали-то! Чую, надо у бабки спросить. Она знает всё. Ну-ка, утопленник, пошли, погуторим с ней. Узнаем, как тебя похоронили, а сейчас живой сидишь, да ещё полкисета умудрился скурить, – и старик поднялся. – Моя бабка знает всё!

Размахивая длинными рукавами старой фуфайки, дед Евсей, цепляя репейник на штаны, торопливо просеменил по узкой тропинке, распахнул скрипучую калитку, запыхавшись, поднялся по ступеням, сбросил галоши на крыльце и, прислонив клюку к стенке, махнул рукой и скрылся, хлопнув дверью.

Поправив тощий рюкзачок, Митяй двинулся вслед за ним, поглядывая по сторонам. В вечерних сумерках темнел сарай, взбрехнула собака, почуяв чужака, и умолкла от сердитого окрика. Тонко пахнуло клевером – рядом с сараем горбатилась копёнка сена. Споткнувшись, Митяй чертыхнулся и крепко ухватился за шаткое перильце. Осторожно поднялся по ступеням, на ощупь нашёл дверь, шагнул в темень и треснулся лбом, аж искры посыпались из глаз, витиевато ругнулся и приостановился на маленькой веранде. Шумно вздохнул, провёл рукой по стене, где парами висели берёзовые веники, пучки мяты, связки душицы, ещё какие-то травы, а вот под рукой зашуршала связка лука – это были знакомые запахи и звуки, какие его окружали в детстве и каких ему так не хватало в жизни, в его бродячей жизни. Митяй растёр лицо ладонями, протяжно вздохнул, потоптался, сбросил разбитые кирзовые сапоги, затёртую куртку и, оставшись в свитере с отвисшим воротом, держа шапку в руках, распахнул дверь, наклоняясь, медленно зашёл в избу.

– Ниже кланяйся, ниже, – держа в руках кочергу, проворчала маленькая старушонка. – Кланяйся дому, когда заходишь, и, когда выходишь, тоже поклонись за тепло, за кров, что он дал тебе...

– Куда ещё ниже-то? – не удержавшись, недовольно буркнул Митяй, потирая шишку на лбу. – Чуть без башки не остался. Ещё скажи, чтобы на карачках заползал. Вот оно как, однако.

– Надобно будет, заползёшь, – повысила голос старуха и погрозила пальцем-крючком. – Цыц, прохожий, ежели не нравится, вот тебе Бог, а вот порог, – и ткнула в сторону двери. – Не держим…

– Ладно, бабка, не ворчи, – махнул рукой дедка Евсей, и ткнул пальцем. – Это же Митька, наш утопленник пожаловал, – и громко щёлкнул по горлу. – Ну-ка, старая, доставай родимую, тяпнем по рюмашке за воскресшего...

– Совсем ополоумел, – намахнулась на него бабка. – Какой-такой утопленник? Ну-ка, дыхни! Я вижу, успел приложиться, да? Ну, тогда совсем из ума выжил, старый. Незнамо кого на ночь глядя привёл. Вот сейчас кочерёжкой-то прогуляюсь вдоль хребтины, – и она махнула кочергой.

Кхекая, хлопая ладонями по засаленным коленям, старик закатился мелким смешком, потом нахмурился, взглянул исподлобья, погрозил заскорузлым пальцем и цыкнул. Пригладив реденький венчик волос, с грохотом придвинул табуретку к столу, достал кисет с самосадом, старенькую газету и опять ткнул пальцем.

– Бабка, ты взгляни, кого я привёл – это же Митька, сын Дадонихи, который утоп, – прищурившись, он посмотрел на Митяя. – Крестник, кого камнем перекрестил. А вот сейчас его встретил на улице и в гости позвал. Он сегодня переночует у нас, а завтрева пущай отправляется на кладбище к своим, к мамке с батей. А ежели не веришь, Симка, поглянь на его лоб – это моя метка красуется. Ты же лечила его.

Запнувшись, старуха поджала тонкие морщинистые губы и мотнула головой. Приложив ладонь лодочкой, долго всматривалась при тусклом свете засиженной лампочки в Митяя. Потом ошарашенно оглянулась в сторону деда, который дымил, невозмутимо выпуская клубы ядовито-вонючего дыма. Посмотрела на дверь, что была за спиной Митяя, и, поняв, что не сможет вырваться и позвать на помощь, утробно ойкнула, прижалась к печи и стала быстро креститься.

– Свят, свят, свят, — бормотала она и косилась на Митяя. – Сгинь, нечистая! Иди, откуда пришёл, иди, – и махнула на дверь.

– Вот и я всех святых вспомнил, когда узнал, кто сидел передо мной, – сказал дед Евсей и стряхнул пепел в гераньку, стоявшую на подоконнике. – Ещё чуток, и с полными штанами бы умчался. Ох, страхота!

Прислонив рюкзачок к обшарпанной стенке, Митяй шагнул под тусклую лампочку, засиженную мухами, приподнял грязные космы, и бабка увидела на лбу большой уродливый шрам.

– Здрасьте, баб Сима, – бормотнул Митяй и неуклюже затоптался, осматриваясь по сторонам. – Наконец-то, приехал, добрался до деревни, а туточки говорят, будто меня похоронили. А я-то живёхонек! Вот, потрогай меня. Вот оно как, однако, – и протянул руку к старухе. – Живой, правда?

Поправив платок, баба Сима прищурилась, взглянула блёклыми глазами, о чём-то задумалась, поджав тонкие морщинистые губы, быстро накапала вонючих капель в стакашек, поморщившись, выпила, опять перекрестила гостя, немного подождала, но Митяй не исчезал, а стоял на одном месте и переминался с ноги на ногу, словно лошадь спутанная. Покачав головой, удивлённо прошамкала.

– Неужто, взаправду, сын Верки Дадонихи объявился, – с опаской ткнула пальцем в тощую грудь нескладного Митяя, взялась за протянутую руку, подержала, потом заторопилась. – А ведь, взаправду живой, чертяка, тёплый! И не утопленник. Это сколько годов тебя не было, Митька? Ты же мальцом был, когда сельмаг очистил, в тюрьму упрятали тебя, и больше в деревне не появлялся. А потом в домовине привезли, утоп по пьянке. Где ж ты был до нынешнего дня? Наверное, по тюрьмам

шлялся, да? – с подозрением посмотрела на него, потом взглянула на деда Евсея и сказала: – Ох, Евсейка, а кого же на погост отнесли, ежели это не Митька утонул, а? – и, покачивая головой, она всплеснула руками.

– Поэтому привёл Митьку, чтобы ты рассказала, кого закопали, – шлёпнув ладонью по столу, сказал дед Евсей. – Ты же всё знаешь, вы же с бабками сидите вечерами на лавке, только и делаете, что лясы точите.

– А я почём знаю, – всплеснула руками старуха. – Бумажкой помахали, будто Митьку привезли, в сельсовет отдали, а сейчас спросить не у кого, колхоз-то развалился, всё, что было хорошего, растащили, а работы не стало, люди поразъехались. Вот и осталось одно старичьё... – и тяжело вздохнула.

– Всё, бабка, хватит слёзы выжимать, взгляни на ходики, – старик прихлопнул ладонью по столу. – Давай, доставай чугунок и корми гостя, а не разговоры говори. Давно уж вечерять пора, а ты стоишь с кочергой, аки солдат с винтовкой. Корми, хватит языком молоть. Митька, вон утирка, – он кивнул. – Умойся с дороги. Повечеряем, что Бог послал, а потом побалакаем.

Поджав губы, старуха, изредка взглядывая на деда и Митяя, что-то бормотала, удивлённо покачивала головой, потом достала каравай чёрствого хлеба, отхватила несколько кусков, положила на середину стола, где стояла солонка с крупной солью – хлеб всему голова. Ухватив скрюченными пальцами большой желтоватый огурец из мутного рассола, крупно порезала на кругляши, рядом высилась горка вчерашней картохи в мундирах и четвертинками лук, приоткрыла чугунок – сразу пахнуло щами с кислой капустой и у Митяя уркнуло в животе от голода, потом громыхнула расшатанной табуреткой и протёрла старой тряпицей.

– Садись, топленник, – и ткнула пальцем, – повечеряем.

– Не откажусь, баб Сима, соскучился по супчику, – заторопился Митяй, быстро присел на краешек табуретки и звучно сглотнул, аж кадык ходуном заходил. – Эх, вкусно пахнет, словно мамка сготовила.

– Ты хлебай, щи-то, хлебай, а то простынут, – катая во рту кругляш огурца, пробубнил дед Евсей. – Слышь, бабка, достань шкалик, налей по рюмашке. Приезд отметим...

– Ишь, разохотился, – перебивая, прошепелявила старуха, вытащила из тарелки маленький кусочек мяса, оглядела его со всех сторон и, причмокивая, стала жевать беззубыми дёснами. – Вон, суп хлебайте, картошечку берите, капустку достала...

Митяй, не слушая ворчания, торопливо откусывая хлеб, быстро зачерпывал щербатой деревянной ложкой жиденькие щи, где плавали лохмотья капусты и мелькали кругляки моркови, крупно нарезанная картошка, темнел венчик укропа, да изредка попадались кусочки мяса. Он, обжигаясь, пережёвывал, чистил картошку в мундирах, хрустел солёным огурцом, луком, и опять работал ложкой. С сожалением взглянул в опустевшую тарелку, облизал старую ложку, положил на стол и потянулся к блюдцу, на котором лежало несколько карамелек. Отдуваясь, вытирая вспотевший лоб, подряд выпил три стакана горячего чая с листьями малины и смородины, весь употел, а на кончике крючковатого носа повисла крупная капля. Утёрся тряпкой, что лежала на столе, взглянул на тарелки с остатками картошки и вздохнул. Давно не видел такое богатство. Заметив, что дед закурил, Митяй тоже вытащил жестяную коробочку, осторожно открыл, стараясь не просыпать табак, скрутил тонкую цигарку, прикурил, посматривая в запылённое окно, где чернел сломанный забор палисадника, и задумался, выпуская сизый дым в сторону, и вздрогнул, услышав резкий скрип двери.

– Вечеряете, да? – раздался торопливый скрипучий голос, и на пороге появилась сгорбленная старушонка, одетая в длинную юбку, в шерстяных носках и в галошах, рукава фуфайки свисали на клюку, и, приложив ладошку, она принялась рассматривать Митяя. – Хлеб да соль. Я что зашла-то... Серафима, ты будешь свою картоху продавать? Говорят, в соседнюю деревню приезжали, полную машину загрузили, хозяев обманули и умотали, а теперь участковый разыскивает. Как же, найдёт... Ищи ветер в поле! А правда, что гости к вам пожаловали? Это кто сидит за столом, что-то не признаю. Родня, аль просто прохожий? – и затопталась, норовя снять галоши и подойти поближе.

– Ем, да свой. Эть, Фенька-балаболка пожаловала, – сразу нахмурилась и заворчала баба Сима, заметив гостью. – Ишь, любопытная нашлась, всё надо знать. Крестник приехал, крестник, – и замахала руками. – Иди отсюда, не мешай людям разговаривать. Тебя никто не звал, – и стала выпроваживать незваную гостью.

– Крестник, говоришь, – шагнув на веранду, проскрипела старушонка. – Что-то не припоминаю такого... А откуда приехал? Да ухожу я, ухожу. Ладно, к Маруське наведаюсь, пока рядышком, про картоху расскажу, – зашепелявила и захлопнула дверь.

– Вот так всегда, – попыхивая самокруткой, сказал дед Евсей. – Словно сорока на хвосте приносит. Не успеет кто-нить приехать, она тут как тут. Сама живёт на другом конце деревни, бабы не успевают печи растопить, а она уже начинает по избах ходить, все сплетни собирать да пересказывать, так до ночи мотается. Её в дверь, она в окно...

– Всё, повечеряли, а теперь рассказывай, Митька, — перебивая старика, утирая впалый рот застиранной тряпицей, сказала баба Сима, – где шлялся, где мотался столько лет, почему другого привезли в домовине, а не тебя... В общем, всё без утайки говори, как на духу, – поправила платок, освободив одно ухо, чтобы получше слышать, ладошкой вытерла ввалившиеся морщинистые губы и взглянула на гостя.

Нахмурившись, Митяй посмотрел исподлобья на старуху, взглянул на стол, поискал, куда бы бросить окурок, и ткнул в блюдце.

– Это не у меня нужно спрашивать, почему другого привезли, – он пожал плечами, растёр ладонями лицо и шумно выдохнул. — Вон, дедка Евсей ошарашил меня, до сих пор сижу и не верю, что меня закопали. Наверное, буду жить вечно, как в сказках, как Кощей Бессмертный. Ещё бы жизнь сказочной сделать, а пока... – он махнул рукой. – Так, существую... Когда срок отмотал, не стал возвращаться в деревню, сами знаете, что проходу не дали бы после отсидки. Всех собак бы на меня повесили. Поэтому подался подальше от дома. И золотишко добывал, и уголёк рубил, и лес валил, и деньгами сорил, и голодал, и под кустами ночевал. Всё было, всё испытал. Когда надоедало в городе жить, снова уезжал на сезонную работу, и опять жизнь шла по замкнутому кругу, всё через пень-колоду, потому что жил одним днём, не имея ничего за душой. Пока деньгами сорил, были друзья, а прогуливали, все исчезали. Умирать будешь, никто не подойдёт, никто кружку воды не подаст. Убедился! Полгода провалялся в больнице, когда под машину попал, а навестить некому. Смотрел на других в палате и завидовал, что к ним с утра и до вечера друзья и знакомые приходили, а у меня... Сдохнешь, и некому похоронить. Вот и задумался. А задумался и понял, что лучше в деревню вернуться, где мать с батей на погосте лежат, а главное, где дом родной был. Чуял, если не вернусь, значит, пропаду в гнилом болоте. Украли документы, а восстановить не получилось. Ни работы, ни жилья. Скитался по подъездам, по чердакам, где получалось, подрабатывал, если не тяжело – кости болели, или бутылки собирал. В общем, с хлеба на воду перебивался. А чуточку оклемался после больницы, плюнул на всё, и на попутках рванул в деревню. Ужас, сколько пришлось проехать! – Митяй рассказывал неторопливо, подолгу задумывался, хмурил и без того морщинистый лоб, подёргивал себя за грязные космы, взглядывал в оконце и опять говорил и говорил.

Баба Сима поднялась и захлопотала по хозяйству: убирала со стола, протёрла его, а потом загремела посудой, споласкивая в большом тазе, а сама кивала головой и прислушивалась, о чём Митяй рассказывал.

Попыхивая самокруткой, дед Евсей тоже слушал, булькая, надолго заходился в кашле. Плевал в помойное ведро и снова садился за стол и крутил очередную цигарку.

– Вернулся, – громыхнув посудой, сказала старуха, – а ты же видишь, что от деревни осталось. Как жить-то собираешься, Митька? Опять в город подашься?

– Пока не знаю, – пожав плечами, запнулся Митяй и посмотрел в окошко. – Обрадовался, когда увидел деревню, аж внутри полыхнуло. А потом сердце, словно в кулак сжало, когда заметил, сколько домов осталось. А была-то какая... Вот и сидел на бугре, и такая обида на душе – страсть! Дурак, что раньше не вернулся. Может, всё было бы по-другому, а не так, что приехал к разбитому корыту. Но ничего, завтра посмотрю, что с нашей избой стало, можно подлатать или нет, а там уж буду решать, как дальше жить.

– А что с избой стало? – опять потянулся за кисетом дед Евсей и покосился на Митяя. – Нынче мимо проходил. Давно дышит на ладан, хотя сообща присматриваем за домами. Чужаки повадились лазить. Так и охраняем домишки. Уносят на погост стариков – и изба умирает. Два-три года не протопишь, не поухаживаешь, она начинает хиреть. Дом – он живой. Оставишь одного и всё, считай, пропал. Правильно, Митька, что приехал! Если не забоишься трудностей, не сбежишь, тогда поможем всем миром избушку подправить, харчами поделимся, вон какая знатная картоха уродилась, а там уж и своё появится.

– Что болтаешь, непутёвый – больной дом? — намахнулась на него, бабка Серафима. – Тоже мне – нашёл живую избу... Хе-х, насмешил, – и она тоненько закатилась. – Ещё ноги приделай... Хе-х!

Старик посуровел. Взглянул исподлобья на бабку и погрозил.

– Дома как люди, у каждого свой срок, – взъерепенился дед Евсей. – Что человек в землю уходит, что изба туда же следом. Вот и скажи, что неживая. А дом, бабка, живой, так и знай, – ершисто повторил дед Евсей и с гонором взглянул на старуху. – Это природа!

– Глянь, какой учёный выискался – страсть! – поджав губы, всплеснула руками старуха. – Лучше бы забор подлатал, чем языком понапрасну трепать, – и повернулась. – А ты, Митька, не смотри на него, не слушай. Мелет Емеля...

– Знаешь, баб Сима, я, пожалуй, схожу, посмотрю на избу, пока не стемнело, – взглянув в оконце, поднимаясь, сказал Митяй, и направился к выходу, нахлобучил потрёпанную шапку и опять повторил: – На избу посмотрю, на крылечке посижу. Она же ночами снилась. И батя с мамакой снились. Завтра проведаю их, а потом буду разбираться, кого заместо меня похоронили. Негоже, что незнакомый человек здесь покоится. У него, может быть, тоже была семья. Наверное, до сей поры ищут, дома ждут, – и тяжело вздохнул.

– Скоро тёмно будет, Митька, – ткнув в оконце, прошамкала старуха. – Ничего бы не случилось. Завтра бы сходил.

– Нет, баб Сима, схожу, – наклоняясь пониже, чтобы не удариться лбом, сказал Митяй. – Иначе, до утра не выдержу, ночью сбегу, лишь бы душу успокоить. Немного посижу и вернусь к вам с ночевьём, если пустите.

– Конечно, приходи, не на улице же тебя оставлять, — махнула рукой бабка Серафима. – Вон, на диване перекантуешься ночку. Я одеяльце положу, да подушку. Не замёрзнешь.

На ощупь, найдя щеколду, Митяй открыл дверь и вышел на крыльцо. Держась за шаткие перильца, спустился по скрипучим ступеням, постоял, прислушиваясь, потом вышел за калитку, опять остановился и завертел башкой, стараясь определить, как срезать дорогу, чтобы быстрее

добраться до родной избы. Потом подобрал палку, то ли защищаться от собак, хотя, как он слышал, всего одна гавкала, то ли тропку нащупывать в вечерних сумерках, и направился вдоль заборов, с большими прорехами, а местами поваленные – они вызывали чувство заброшенности. Бурьян заполонил округу. Чертыхаясь, Митяй отдирал колючки, отбрасывал, но тут же новые опять цеплялись за штаны, за куртку, когда он наклонялся. Где-то ошалело заорал петух, захлопал крыльями, видать заспал, бедняга – вечер с утром спутал.

В сумерках мелькнуло корявое дерево. Там, рядом с ним, была родная изба. Митяй часто вспоминал, как с мальчишками лазили на это дерево. Лазили, а потом выходила мать и начинала ругаться, а если штаны или рубаху порвал, тогда батя брал ремень, и Митяй кричал до визга, до слёз, пока дед не забирал его от батьки. Ох, крутой характер был у отца, крутой! Митяй вздохнул, вспоминая. А мать наоборот, тихая была, спокойная. Жалела его, всегда заступалась, а он отстранялся, когда она проводила сухой мозолистой рукой по вихрастой голове. А сейчас рад бы подставить голову, да некому.

Прислонившись к дереву, Митяй долго рассматривал старый дом с подслеповатыми оконцами, с полуоткрытыми дверьми, которые тихо скрипели на ветру, смотрел на покосившийся сарай, одну стену подпёрли толстыми слегами, чтобы не рухнул, местами крыша провалилась, обнажая стропила. Вдоль поваленного забора заметны остатки поленницы – кусками валялся старый рубероид, да лежали погнившие поленца. А там, чуть ниже, в конце огородов, возле разросшихся кустов, на берегу узенькой речушки была баня. Вон ещё нижние венцы выглядывают из травы. Небольшая, она топилась по-чёрному, куда с отцом ходили париться, а батя наподдаст жару, аж уши вянут, как начнёт хлестать берёзовым веником, не захочешь, будешь кричать, а он держит на полке и, только веник вжикает. Потом полуживого стащит на пол. Окатит холодной водой из тазика и вытолкнет в предбанник, чтобы охладился, а сам хохочет... Митька глубоко вдохнул. Во рту был привкус веника, и, как показалось, пахнуло дымком. Невольно оглянулся, надеясь увидеть, что топится баня, но в деревне стояла тишина, нарушаемая лишь порывами ветра в проводах, где-то хлопала створка окна, опять мукнула корова, и всё.

Взъерошив спутанные волосы, Митяй нахлобучил шапку, протяжно вздохнул, зашёл во двор, осторожно поднялся по ступеням, некоторые провалились, и приходилось перешагивать через них, постоял перед дверью и шагнул через порог. Запах мышей, густой затхлый воздух, видно было, что никто сюда не заглядывает – не принято в пустые дома заходить. Вымыли полы, когда мамку отнесли на погост, прикрыли дверь, и остался дом в одиночестве. Одно старичьё в деревне. Ладно, подходят, поглядывают на избу – залезли или нет, да чужаков прогоняют, а то бы давно всё порастащили.

Нащупав щеколду, Митяй с усилием открыл дверь, разбухшую от сырости, и медленно зашёл в избу. Где-то здесь был выключатель. Пошарил по стене, щёлкнул, но свет не загорелся. Лампочку выкрутили. Что добру пропадать-то. Постоял немного, чтобы глаза привыкли к темноте. Держась за стену, громыхнул рукомойником, зацепился за старую раковину, подошёл к столу возле окна, удивился, что табуретка сохранилась, присел на краешек и чертыхнулся, едва не упав с неё. Прислонился к обшарпанной стенке, всматриваясь в сумерки. Казалось, ничего в доме не изменилось. Тот же шкафчик, что батя сделал, на полу несколько разнокалиберных чугунков, ухват с обожжённым черенком, даже занавеска на окне сохранилась, а на подоконнике горшок с геранью и в пыли валяется вилка с отломанным зубчиком. Казалось бы, всё осталось на местах на кухоньке, но именно здесь особенно остро чувствуется запустение, заброшенность жилища. Под щелястым полом пискнула мышь – бедняжка, что же ты грызёшь в пустом доме?

Митяй вздохнул. Растёр лицо, словно убирая прилипшую паутину. Прошёл в переднюю избу и остановился, прислонившись к дверному косяку. В углах лохмотьями свисали тенета. Повсюду лежал толстый слой пыли, на котором были видны цепочки мышиных следов. Там, возле окна отсвечивая тусклыми спинками, виднелась кровать, а рядом высился комод, над ним несколько фотографий в рамках. За печкой стоял открытый сундук. В нём мать хранила самые ценные вещи да бабкино платье, как память. Интересно, где оно сейчас? Митяй прошёлся по широким скрипучим половицам, поднимая пыльные облачка, достал спички, чиркнул, и огонёк выхватил из темноты кучу всякого тряпья. Может, среди него и было платье, но искать Митяй не стал. Мать часто говорила, что бабака подарила его, и сказала, чтобы в нём замуж выходила. Так и получилось. Мамка часто вспоминала, как с батей расписались в сельсовете, отгуляли свадьбу, и она убрала это платье. Хотела отдать дочке, если родится, но родился он, Митяй, или молодой снохе, но не дождалась. Столько лет промотался, а так и не женился. Изредка письма отправлял, и всё на этом. А потом батя умер, следом и мамаку отвезли на погост. И остался один, как перст. Ни братьев, ни сестёр, ни родни. Один. Опять протяжно вздохнув, Митяй остановился возле фотографий. Раньше не обращал внимания на них, а сейчас стоял и всматривался в родные черты родителей и своего деда. Прозрение пришло поздно. Ради чего он промотался столько лет – не понимал. И родителей не смог проводить в последний путь, и семью не создал. Так, перекати-поле, по-другому никак нельзя назвать. А теперь вернулся, а от деревни почти ничего не осталось. Опять уехать в город, откуда еле вырвался, или здесь оставаться, где одно старичьё живёт? Митяй тоненько вздохнул, покачивая головой. Он не знал, что делать.

Осторожно прикрыв дверь, Митяй прошёл на крыльцо, прислонился к шатким перильцам, достал жестяную коробочку, газетку, сделал самокрутку и, задумавшись, закурил, выпуская едучее, густое облачко дыма. Он курил, внимательно осматривая запущенный двор, скособочившийся сарай, поваленную изгородь, крышу с огромными дырьями, где видны были стропила. Поглядывал в сторону речки, где раньше была банька, и опять задумывался, потирая щетину на щеке да подёргивая себя

за спутанные отросшие волосы. Да уж, хозяин вернулся, а теперь сидит возле разбитого корыта. А кто виноват? Конечно, сам! Головой нужно было думать, а не... Митяй опять тоненько, протяжно вздохнул и вздрогнул, когда рядышком раздалось громкое карканье.

– Кыш, зараза! – рявкнул Митяй, подхватил с земли деревяшку и, размахнувшись, запустил в ворону, сидевшую на заборе. – Кыш, кому сказал? Ишь, раскаркалась...

– Эй, кто там разорался? — неподалеку послышался грозный окрик, донеслись неторопливые грузные шаги, и возле разбитой калитки появился невысокий, крепкий мужичок, помахивая штакетиной. – Что расселся, прохожий? Иди своей дорогой, иди! – и махнул рукой. – Нечего по чужим дворам шляться. Гляди у меня, ежели прогуляюсь штакетиной вдоль хребтины, как заяц помчишься. Ишь, пристроился, высматриваешь.

– Это наша изба, – не поднимая головы, пробурчал Митяй и ткнул пальцем за спину. – Приехал, вот сижу, осматриваюсь.

Постукивая штакетиной по земле, мужичок подошёл, почёсывая небритую щеку, долго всматривался и недоверчиво покачал головой.

– Да ну, не может быть, – он махнул рукой и, прищурившись, опять взглянул. – Ну, не может быть! – он повторил. – Митька, разве ты живой?

– А что со мной будет? – исподлобья взглянув, недовольно буркнул Митяй. – Привидение увидел? А я просто сижу, и своё хозяйство осматриваю, – и не удержался, съехидничал. – Ну, если посчитать, сколько раз за сегодня успели похоронить меня, тогда я, наверное, в Кощея Бессмертного превратился. Вот оно как, однако.

Мужичок затоптался, удивлённо покачивая головой, потом дотронулся до Митяя и хмыкнул.

– Взаправду, живой, – и торопливо зачастил, прыгая с пятого на десятое. – Откуда взялся, шельма? Тебя же давно похоронили. Эть, а ты вот сидишь на крылечке. Я же самолично могилку копал и тебя опускал. А сейчас передо мной сидишь, да ещё разговариваешь. Эть, живой утопленник! Кому сказать, не поверят, – и, нет-нет, незаметно дотрагивался до Митяя и повторял: – А ты живой... А ты узнаёшь меня? Это же я, Димка Спирин! Забыл? Эх, тёпа-недотёпа! – и крепко шлёпнул по плечу. – Значит, приехал? Это хорошо. Я знал, что ты не пропадёшь. Ты с характером. Правда! Молодец, что вернулся. Здесь работы невпроворот! И нам веселее будет.

– Вот оно как, однако, – вскинув брови, сказал Митяй и, задумавшись, наморщил лоб. — Димка... – он пожал плечами. – Нет, не помню такого. Да, вернулся... Не знаю, пока не решил, останусь или уеду.

Мужичок чертыхнулся, потом хохотнул, отбросил штакетину, опять хлопнул Митяя по плечу, аж тот поморщился, и махнул, показывая.

– Эх, тёпа-недотёпа, – Димка опять засмеялся. – А помнишь, как с моей сестрой, с Валькой, возле речки, в кустах целовался, а я вас застукал и бате рассказал, а? А твой батька посреди двора разложил тебя через колено и ремнём отлупцевал, чтобы не женихался.

Да уж, это Митяй не забыл, как отец отлупил его ремнём, а возле забора стояли соседки и смеялись, глядя на его голую задницу. И впервые Митяй не кричал, а, стиснув зубы, лишь глухо стонал, потому что могла услышать Валька, его первая девчонка, с которой закрутил любовь в восьмом классе, ещё подростками. Лишь она не хотела признавать его хулиганом. Даже письма писала, когда его отправили в колонию. А он не отвечал, дурак. Гордый! Постепенно письма перестали приходить, но Митька не забывал её, свою Валюху и часто, когда на душе было тошнёхонько, вспоминал её, вспоминал, как встречались тайком, как прятались от всех, как впервые...

– Эй, тёпа-недотёпа, что молчишь-то? – Митяй очнулся от громкого окрика. – Слышь, я спрашиваю, ты навсегда приехал или как? – опять он переспросил. – Ходишь вокруг да около и не отвечаешь.

Митяй помотал головой, растёр ладонями лицо, шумно вздохнул и впервые за долгое время улыбнулся.

– А мне говорили, что в деревне старичьё осталось и всё, – не отвечая на вопрос, медленно сказал Митяй, продолжая вспоминать Вальку. – А разве ты не уехал? А с кем живёшь? – стал расспрашивать.

Подняв упавшую калитку, Димка осторожно приставил её к высокому фундаменту дома, отряхнул ладони, пригладил реденькие волосы и хмыкнул.

– Уезжал, но вернулся, а что в городе делать-то? – махнув рукой, усмехнулся он, а потом стал быстро рассказывать. – Когда колхоз развалился, все стали разъезжаться, я тоже подался за лёгкой жизнью. Думал, в городе будем жить, как у Христа за пазухой. Ага... Кое-как удалось комнату в общаге получить. Несколько лет промучились с женой и с ребятишками. Ни поспать, ни пожрать, ни... в общем, даже в туалет спокойно не сходишь, того и гляди, прямо с горшка скинут. Даже на кухне приходилось караулить свои кастрюли или сковородку. Только отвернёшься, уже своровали, заразы! В общем, надоела такая жизнь. Плюнули на всё, собрались и вернулись. Вот уже третий год здесь живём. Сначала трудновато было. Всё хозяйство развалилось. Магазин закрылся. Работа есть, но приходится за двадцать километров мотаться. Даже была мысля, чтобы опять в город рвануть или на севера податься на заработки, а потом посидели, посмотрели на деревенских стариков, подумали и всё же решили остаться. Как же они без нас проживут-то? Кто им лекарство из аптеки привезёт? Некому же помочь. Пропадут, бедняжки! А к зиме должна ещё наша Валька вернуться. Тоже нажилась в городе, тоже лёгкой жизни вдоволь хлебнула. Ни семьи, ни детей, одна, как перст. Город

и завод сломали её, всё здоровье сожрали и выплюнули, как и многих других. А мы уже домик сторговали для неё. Вот вернётся, всё веселее будет. И тебе обрадуется...

Попыхивая самокруткой, Митяй слушал вполуха, внимательно осматривал сарай, подпёртый слегами, глядел на огород, заросший непроходимым бурьяном, на развалившуюся баню, на одинокий колодец с ржавым воротом, а раньше он был блестящий, отполированный руками деревенских жителей. Смотрел, то хмурился, то чему-то улыбался, переспрашивал Димку, надолго задумывался и снова доставал кисет, крутил самокрутки и скрывался за сизыми облаками вонючего дыма. Потом встрепенулся, хмурясь, посмотрел на мужичка, медленно поднялся и махнул рукой.

– Слышь, Димка, – Митяй взглянул исподлобья. – Я вижу, тебе нечем заняться, да? Стоишь, языком молотишь. Ну-ка, вали отсюда! Ишь, расселся, ещё одна Фенька-балаболка нашлась! Шляешься по дворам. Иди, займись хозяйством, любопытный, – он растёр лицо, поднялся и неспешно стал подниматься по скрипучим ступеням. – Да, забыл... Слетай-ка к деду Евсею. Скажи, чтобы не ждали меня, я дома переночую. И ещё передай, пусть утром прихватит инструмент и придёт сюда, он пообещал помочь. И ты подходи. Работа для всех найдётся. Вот оно как, однако, – и, нахмурив брови, степенно, так всегда ходил его отец, словно никуда не торопился, Митяй по-хозяйски направился к двери.

Наконец-то, он вернулся домой.

Жизнь продолжается.

Александр ПШЕНИЧНЫЙ

г. Харьков, Украина

Пшеничный Александр Владимирович, год рождения – 1955, харьковчанин. Образование высшее экономическое.
Литературную деятельность начал в 2009 году с публикации миниатюр, очерков и эссе в интернет-журналах. Постоянный автор общероссийской газеты «Моя семья», украинской республиканской журнал-газеты «Публика». Публиковался в журналах «День и ночь», «Метаморфозы», «Юный натуралист», «Экология и жизнь», «Колесо жизни», «Мир животных», в газетах «Литературная Россия», «День литературы», в периодических изданиях Украины, России и Беларуси. Автор электронных книг «Синие цыганские глаза» (2017), «Три уловки ловеласа» и «Соседи в полосочку» (2016). Дипломант Первого международного литературного конкурса «Последняя волна» и Международного литературного конкурса журнала «Метаморфозы» (Беларусь).

Стрекоза и лицедей

Рассказ

Обычно она звонит в день моего рождения, а ещё, когда появляются новости и желание поностальгировать о прошлом. Люда из Киева, бывшая сослуживица и островок порядочности в усыхающей реке моего общения. Уже много лет мы не работаем вместе, но до сегодняшнего дня сохранили приятельские отношения.

– Я тебя не отвлекла? Чем ты в данную минуту занимаешься? – вот и сейчас, после нескольких поздравительных фраз по случаю дня моего рождения, поинтересовалась подруга.

– Торчу в Интернете, пока жена с дочерью над праздничным обедом колдуют. О Занзибаре читаю – том самом острове, куда доктор Айболит прилетал на орле зверюшек лечить. Оказывается, сейчас туда стремятся совсем с другими намерениями. В основном дамы бальзаковского и нашего возрастов, чтобы претворить в реал самые невероятные эротические фантазии. Семьдесят долларов в день и смугленький сексуальный раб в твоём полном распоряжении. В комментариях пишут, что острова Занзибара – рай для тоскующих дамочек...

– Ты в своём репертуаре, – фыркнула в трубку подруга. – Впрочем, острова-то по теме. Помнишь Евгению Витольдовну, которая со мной так некрасиво обошлась?

– Евгения Витольдовна, Евгения Витольдовна... – это не та проверяющая из Киева, для которой наше управление теперешний Занзибар устроило?

– Та самая. Не поверишь – я с ней недавно в одной больничной палате лежала. Она меня, конечно, забыла, но я её сразу узнала. Комплекция та же, морщин прибавилось, на женщин смотрит всё тем же маслянисто-равнодушным взглядом, зато на мужчин-докторов – глазами мартовской кошки. И это при её гипертоническом кризе. Годы людей не меняют: одежонка на ней, хоть и дорогая, но ещё с прошлых времён – сразу видно, что денежки, увы, кончились. В больницу её племянники привезли – они и финансировали лечение. Видимо, квартиру в центре Киева на них завещала. Но племяннички посещением не баловали, пару раз я её подкармливала – знала бы она, чьи харчишки уплетает! Зла не держу, по-человечески её жалко. Стрекозой жила, стрекозой и умирать будет. Видимо, богатым чёрт колыску тоже до поры до времени качает.

Я с ней разговаривала по душам. Замужем она не была, но ты бы знал, кто ходил в её любовниках! Один из них, очень влиятельный человек, и устроил её на такую сырную работу. С единственным сыном она на ножах – он так и не приехал в больницу...

Динамик телефона пикнул окончанием разговора, я глубже откинулся на спинку дивана и призадумался.

– Витольдовна!? Как же не помнить! Мы её бабой Женей называли. Хотя с высоты сегодняшних лет это немного смешно: нам тогда было около тридцати, а Евгении Витольдовне слегка за пятьдесят. С тех пор прошло три десятка лет с хвостом, даже не верится. Многих коллег и всех начальников отделов нашего управления уже нет в живых.

В то памятное лето всё начиналось так:

– К нам едет ревизор! – с порога кабинета ошарашила Оксана Дмитриевна, начальник контрольно-ревизионного отдела. – Старший контролёр Главка Евгения Витольдовна, нам придётся месяц её любить и жаловать. Положение серьёзное. Стоит ей в акте проверки написать что-нибудь не так – могут полететь головы. Через час шеф собирает всех начальников отделов и директоров комбинатов питания для обсуждения ситуации.

В кабинете, в котором я работал, мирно размещалось три отдела управления, в том числе и отдел Оксаны Дмитриевны.

На совещании у шефа определили ответственных за размещение, питание, культурную программу ревизорши, а главное – опеку и по возможности постоянное присутствие возле неё наших работников.

Проверяющую разместили в двухкомнатном номере лучшей гостиницы города, за наполненностью холодильника сырокопчёными колбасами, твёрдыми сортами сыра, салатами, минеральной водой, овощами и фруктами отвечала лично Оксана Дмитриевна. При первом же общении выяснилось, что дама из Киева алкоголем, к сожалению, почти не увлекалась, поэтому бар в номере освежался лишь раз в неделю. Предпочтение отдавалось шампанскому, сладким сортам вина и ликёрам. На всякий случай на верхней полке красовалось несколько бутылок французского коньяка и крымский «Коктебель» – вдруг скучающей женщине понадобится угостить хорошим алкоголем приглашённого друга.

В первый день ревизии начальник собрал всех сотрудников управления и представил проверяющую: «Все документы, которые потребует Евгения Витольдовна, вы должны предоставить немедленно». Через стёкла очков в золотой оправе ревизорша пристально осмотрела коллектив стальным прищуренным взглядом, не предвещающим ничего хорошего. Раскормленное тело грозно колыхалось при даже мелких шажках на неприлично высоких для её возраста и комплекции каблуках.

Первую неделю ревизора не было видно и слышно. Оксана Дмитриевна лишь изредка появлялась на работе, доверительно рассказывая начальникам отделов впечатления от эскортного служения при проверяющей особе.

Баба Женя не утруждала себя работой. Подъём ближе к одиннадцати, утренний кофе и отъезд на «Жигулях» дежурного ревизора в утверждённый по списку ресторан, директор которого подводил дорогих гостей к столику на две персоны в отдельную кабинку или банкетный зал. Дамы неспешно завтракали, обсуждая программу на текущий день. Шеф-повар ресторана сидел за дверью на случай экстренного приготовления блюд, отведать которых непредвиденно может возжелать высокая особа.

Затем снова отель, обед и ужин с посещением между ними магазинов, парикмахерских, бассейна.

План мягкого эскорта пока удавался: проверяющий спит, пьёт, ест – дни ревизии идут. Вот только с развлечениями... Картинные галереи, музеи, кинотеатры, экскурсии и прогулки по городским паркам бабу Женю интересовали мало. В свободное от поедания пищи время она откровенно скучала.

Удача улыбнулась, когда в поле зрения ревизорши попалась афиша прибывающего на гастроли московского театра с красивым мужским лицом на первом плане: «Оксаночка, а давайте завтра в театр пойдём! Первая гастроль как-никак... и мальчик такой притягательный...»

Единственное, о чём жалела в тот вечер Оксана Дмитриевна – так это о малом количестве принесённых букетов цветов. С проворностью молодой светской львицы в конце каждого акта баба Женя поднималась по ступенькам сцены и с изящным, слегка кокетливым реверансом вручала новорождённому кумиру букеты цветов, взятых из рук Оксаны и дежурного водителя-ревизора.

– Какой мужчина! Какой мужчина! Аполлон! – заламывала руки киевлянка. – Если бы не мои годы, то я бы как эти девчонки – его поклонницы – бегала за ним и ловила каждый взгляд. Оксана! У вас есть возможность забронировать билеты на все вечерние спектакли с Николаем? А ещё мне хотелось попасть к нему за кулисы...

Оксана Дмитриевна намёк поняла и перед следующим спектаклем через дирекцию кафе добилась разрешения у администрации московского театра посещения грим-уборной их ведущего артиста.

После окончания спектакля баба Женя осторожно приоткрыла заветные двери, пропуская впереди себя двух ревизоров с огромнейшей корзиной цветов.

– Оксаночка! Я пригласила Николая на завтрашний послеспектакльный ужин к себе в номер. Он принял предложение! Я без ума от счастья! Вот только нужно обновить мой гардероб. Как вы

считаете: мне лучше принять его в халате или платье? Или... да чего уж – мы женщины взрослые, а что если в пеньюаре? Поможете мне подготовиться к приёму? В любом случае выглядеть я должна потрясающе. Да, совсем забыла: неплохо бы Николаю подарить что-либо на память, например перстень с рубином. По-моему, у него двадцать первый размер указательного пальца...

После долгих примерок в подсобках магазинов женщины вернулись в номер. За час до появления пассии баба Женя выбирала позу, в которой она будет сидеть в кресле перед гостем в укороченном платье с откровенном декольте и в туфлях лодочкой. Утвердили слегка фривольный вариант с выгнутой спиной.

– Всё получилось как нельзя лучше, – утром поделилась сокровенным любодейка; Николаю понравился мой подарок и уют вечера, а мне – всё последующее, ну, ты понимаешь. Он говорит, что я как серединка арбуза – сладкая, сочная и почти без косточек. Ешь и наслаждаешься.

Вот только чувствую себя неважно – похоже, переела чёрной икры. Николай её ложками кушал, ну и мне пришлось за компанию. Слегка подташнивает, живот вздут и изжога мучает. Перед ужином давала себе слово много не есть, но, смотря на Николая, не удержалась. Как ты думаешь, что мне предпринять?

Да, ещё забыла сказать – Николай согласился завтракать со мной по утрам до начала репетиций, поэтому просыпаться мне придётся раньше. В меню обязательно должны присутствовать икра в ассортименте и рыбный балык.

– Думаю, что в первую очередь вам нужен свежий воздух. Я сейчас на работу поеду – начальник вызывает, а после утренних процедур мой помощник Володя отвезёт вас в городской парк. Погуляете вместе, водички из родника попьёте. Днём по вашему плану проверки нужно посетить один из комбинатов питания на ваш выбор, а вечером у нас спектакль в театре.

– Везу я бабу Женю в парк и слышу какие-то подозрительные звуки... – уже после отъезда проверяющей в нашем кабинетном кругу рассказывал Володя. – У водителей уши всегда на макушке – к машине прислушиваются. Ну, думаю, опять с задним мостом после ремонта что-то не так. Оксана предупредила, что баба Женя икры объелась, но чтобы до такой степени... оказывается гуляку метеоризм замучил. Пук да пук. Хорошо, хоть окна настежь открыты. В комбинат в тот день не поехали.

Зато утром следующего дня вошли мы втроём с ревизорами за Николаем в гостиничное крыло, в котором актёры театра поселились. Слышим – за дверями шум и метушня. Мы в куртках кожаных, внутренние карманы раздуты от удостоверений, документов, водительских прав – вылитые следователи прокуратуры. Что-то мне подсказывало – золотишка в это время кто-то немало в унитазы смыл. Актёры-то издавна валютой и драгметаллами спекулируют.

Смотрю я на бабу Женю и Николая за завтраком в ресторане и думаю: «Всё как всегда. Одни икорку на хлеб с маслом намазывают, о высоком размышляют, а мойщица посуды в это время за восемьдесят рублей в месяц на портомойке струёй холодной воды крахмал из хлеба вымывает. Выщелачивает, как в общепите говорят. Хорошо, если чёрствый хлеб в марлевом узле к крану привязали. А могли и вчерашние хлебные недоедки со столов в дело пустить. Ещё хуже, если в старой ванной в подсобке этот хлеб уже три дня вымачивается. Крахмал на дно осядет, а всё, что плавает, в котлеты добавят, чтобы йодный тест завышение хлеба не выявил. Вот за эти денежки баба Женя с молодым лицедеем и развлекается. Легко быть щедрым за чужой счёт».

Витольдовна созвонилась с Главком и убедила начальство продлить командировку на три дня в связи с затянувшейся инвентаризацией одной из баз продовольственно-технического снабжения. А что оставалось делать – командировка заканчивалась за несколько дней до завершения гастролей театра.

К концу ревизии Оксана Дмитриевна полностью переключилась на составление акта проверки своего же управления, освободив проверяющую от лишней работы и нервного перенапряжения. Опеку над бабой Женей она поручила своему заместителю Володе.

В предпоследний день гастролей слегка подуставший и расслабленный Володя попросил бухгалтершу из нашего кабинета купить три букета самых дорогих цветов на рынке для подношения Николаю. Награда – бесплатный билет на спектакль, попасть на который довольно непросто.

Люда дополнительно включила в букеты по семь жёлтых роз – намекая на неизбежность предстоящей разлуки. Цветы привели бабу Женю в бешенство. Понимая невозможность срочной замены, Витольдовна вырывала из связок злосчастные цветы и топтала их ногами: «Никаких жёлтых роз! Вы испортили весь вечер!». Смущённая Люда с бледным лицом ушла прочь.

На следующий день разгневанная Евгения Витольдовна появилась в нашем кабинете и приказала главному бухгалтеру предоставить ведомости по начислению зарплаты работникам управления. Ими как раз занималась Люда. Придравшись к цифрам по мелочам, которыми грешит любая бухгалтерия, Евгения Витольдовна включила материал по проверке бухгалтерии в сводный акт. Люду наказали удержанием из зарплаты месячного заработка. Девчонка плакала от обиды, опытные сослуживцы посоветовали успокоить нервы «коктейлем ВКПб» – смесью настоек валерианы, корвалола, пустырника и боярышника. Удивительно, но микс с таким мощным партийным названием быстро вернул невинно пострадавшей былое настроение и оптимизм, а через месяц по ходатайству главного бухгалтера начальник управления выписал Людмиле премию в размере месячного оклада.

Баба Женя уехала в Киев, закатив прощальный ужин в банкетном зале лучшего ресторана города. После проводов проверяющей на вокзале Оксана Дмитриевна ушла в отпуск на неделю за свой счёт.

Ее заместитель Володя в день рождения кого-то из наших сотрудников в обеденный перерыв после стопки коньяка в обсуждения недавних событий подытожил:

В последний день гастролей Николай играл Хлестакова в гоголевском «Ревизоре» – вдохновенно, артистично, убедительно. Чувствовалась блестящая московская школа театрального искусства. Мадам ликовала от восторга, подпрыгивала в кресле, неистово аплодируя своему кумиру. Тот пару раз по условной договоренности жеманно взмахивал ладонью с рубиновым перстнем на указательном пальце. Зал аплодировал с не меньшим азартом, не подозревая об анекдотичности происходящего. Как всё-таки велик Гоголь, герои его гениальной комедии в тот вечер словно сошли со сцены и уселись по всему залу. Реальность и химерность сплелись в один комок. Время меняет многое: когда-нибудь «Три сестры» окажутся «На дне», но пока существуют ревизоры, а они будут всегда, комедия Гоголя обречена на актуальность и бессмертие.

Владислав КУРАШ

г. Варшава, Польша

Кураш Владислав Игоревич (родился 9 июля 1974 г., г. Сумы, Украина) – прозаик, член Всеукраинского национального культурно-просветительского общества «Русское Собрание», лауреат международного фонда «Великий странник молодежи» (2013 г.). Публиковался в альманахе «Дни славянской письменности в Украине» (Киев), в журналах «русло» (Киев), «Новая литература», «Нева» (С.-Петербург), «День и ночь» (Красноярск), «Северо-Муйские огни».

Автор 3 книг прозы: «Выход есть», «Дети судьбы», «Моя вторая Одиссея».

Последняя глава. Артюр Рембо

Рассказ (из цикла «Эта безумно безумная жизнь»)

После разрыва с Полем Верленом он много путешествовал по свету, пока в конце концов не оказался в Восточной Африке. На какое-то время ему пришлось обосноваться в Хараре. Это был небольшой хорошо укреплённый город, расположенный в трёхстах пятидесяти километрах от Аденского залива. Через Харар проходил транзит абиссинских товаров, экспортируемых в Европу.

Там ему удалось устроиться на работу в местное отделение лионской фирмы «Мазеран, Вианне, Барде и компания», имевшей много факторий в Африке. Альфред Барде, возглавлявший это отделение, был членом Географического общества. Познакомившись с ним, Рембо решил стать первопроходцем и первооткрывателем неизвестных земель.

С этой целью он снарядил несколько коммерческих экспедиций в неисследованные районы Абиссинии. После чего составил отчёт, в котором подробно описал климат, флору и фауну Абиссинии, традиции, обычаи и обряды местных племён. И попросил Барде переслать отчёт в Географическое общество в Париж.

С первых дней пребывания в Африке у него начались хронические боли в животе и приступы лихорадки. Они постоянно мучили его и донимали. Местные врачи не могли поставить правильный диагноз и понять, что это за болезнь. И, тем не менее, время от времени он вынужден был ложиться в больницу и проходить курс лечения.

Рембо не нравился африканский климат с изнуряющей жарой и палящим солнцем. Всё чаще и чаще он стал задумываться о том, как бы поменять работу и переехать куда-нибудь в другое место. В это время в Хараре он познакомился с Пьером Лабатю, который предложил ему закупить оружие, изготовленное в Бельгии и Франции, и потом с выгодой продать его в Абиссинии императору Менелику. За комиссионные он обещал посодействовать в переговорах с императором, которого знал уже давно. Сделка сулила большие барыши, сумма, необходимая для закупки оружия, у Рембо имелась, и поэтому он сразу же согласился.

Это была отчаянная авантюра. Больше десяти месяцев он просидел в Таджуре, небольшом сомалийским порту, в ожидании прибытия закупленной партии оружия. Ещё какое-то время ушло на оформление разрешительных документов и снаряжение каравана, который состоял из доброй сотни мулов и верблюдов и тридцати четырёх вооружённых до зубов абиссинцев.

Передача оружия должна была состояться в Анкобере, старинном абиссинском городе, где у императора Менелика была резиденция. Дороги в Абиссинии были ужасными. Четыре долгих месяца караван с оружием добирался до пункта назначения. За это время Менелик со своей армией захватил Харар и вместе с ним огромное количество трофейного оружия. А Пьер Лабатю заболел, уехал во Францию лечиться и умер. Рембо оказался в незавидном положении.

Приехав в Анкоберу, он был совершенно истощён. Он похудел, с трудом передвигался, и у него страшно болело правое колено. Встреча с императором произошла в Энтонто, будущей столице Абиссинии. Менелик был несговорчив и не шёл на уступки. Ничего не оставалось, как согласиться на условия Менелика. В конечном итоге на этой сделке Рембо понёс огромные убытки. Около

шестидесяти процентов вложенных денег было потеряно. Рембо был в отчаянии. Но у него оставалось ещё восемь килограммов золотых монет, которые он всегда носил при себе зашитыми в пояс.

На обратном пути Рембо познакомился с Жюлем Борелли, французским исследователем, который возвращался в Европу из экспедиции в Шоа. Не задерживаясь долго в Хараре, Рембо сразу же направился в Каир. В отделении банка «Лионский Кредит» он депонировал всё своё золото. Брат Жюля Борелли, который жил в Каире, помог ему опубликовать заметки о его путешествии в Абиссинию в местной газете и представил его каирскому обществу как известного путешественника и географа.

Окрылённый успехом, Рембо решил предпринять новую экспедицию в Абиссинию. Он обратился в Географическое общество с просьбой о выделении средств для экспедиции, но ответа не получил.

Тогда он вернулся в Харар и организовал своё собственное дело по образцу фирмы «Мазеран, Вианне, Барде и компания». Он занялся покупкой и экспортом абиссинских товаров в Европу. Дела шли неплохо, и он быстро разбогател. Но его существование омрачали непрекращающиеся боли в правой ноге.

Рембо много читал. Углубив свои знания по истории Абиссинии со времён античности, он начал работать над рукописью книги об этой суровой неизведанной стране, к которой постепенно стал привыкать.

Рембо очень любил прогулки. Во время одной из прогулок по окрестностям Харара он упал и сильно ударился тем коленом, которое беспокоило его всё последнее время. После этого на ноге расширились вены и начались ужасные боли, которые не давали ему покоя ни днём, ни ночью. Когда Рембо понял, что улучшения не будет, он решил ликвидировать своё предприятие и ехать лечиться в Аден.

На ноге появилась опухоль. Он уже не мог ни ходить, ни сгибать колено. Любое движение доставляло ему боль. Чтобы добраться до Аденского залива, Рембо вынужден был заказать носилки и нанять абиссинцев-носильщиков.

Совершив тяжёлый трёхсоткилометровый переход на носилках, через десять дней он добрался до Аденского залива и сел на пароход, отправлявшийся в Аден. Там его сразу же положили в госпиталь, где поставили диагноз: воспаление коленного сустава в очень опасной стадии. Врачи настаивали на ампутации ноги. Рембо принял решение возвращаться во Францию. На следующий день его погрузили на борт пакетбота «Амазонка», который отплывал в Марсель.

После двенадцати дней жестоких мучений на борту «Амазонки» Рембо высадился в Марселе и сразу же был госпитализирован. Его правое колено распухло до неимоверных размеров. Опухоль продолжала увеличиваться и расти. Через пять дней к нему в Марсель приехала мать. А ещё через два дня ему сделали операцию по ампутации ноги. Ногу ампутировали очень высоко, почти на уровне паха. Но риск оправдался. Рана быстро начала затягиваться и заживать. Рембо шёл на поправку.

Через два месяца его выписали, и он уехал домой, на ферму в Роше, где не был уже больше десяти лет. Жизнь на ферме была скучной. Свободного времени было много. Он продолжал работать над рукописью книги об Абиссинии, которую начал писать ещё в Хараре.

Несмотря на видимые улучшения, через какое-то время он стал болезненно реагировать на свет. Приходилось постоянно зашторивать окна и закрывать двери в его комнате. Потом у него появились боли внизу живота. Боли начали усиливаться и в конце концов сделались невыносимыми. В отчаянии он почему-то решил, что только в Хараре ему станет легче. Эта навязчивая идея не покидала его ни на секунду.

Недолго думая, собрав свои вещи, в сопровождении сестры он сел на поезд до Марселя, откуда собирался доплыть пароходом до Адена и потом до Харара. В дороге ему стало очень плохо. В Париже сестра предложила сойти с поезда и поехать в госпиталь, но он отказался. Дальнейшая дорога была сущей пыткой для обоих. У Рембо начался бред.

Когда они добрались до Марселя, Рембо был совсем слаб. Прямо с вокзала они поехали в тот госпиталь, где ему четыре месяца назад делали ампутацию. Диагноз врачей был неутешителен – пациент обречён. Раковая опухоль дала метастазы на костный мозг.

Рембо оставалось жить ровно месяц. Этот месяц он провёл в госпитале вместе с сестрой. С каждым днём ему становилось всё хуже и хуже. Опухоль росла и вызывала ужасные боли. У него появились галлюцинаторные видения. Всё чаще и чаще он погружался в состояние бреда.

Рембо до последнего верил в чудесное исцеление. Благодаря этому сестре удалось уговорить его исповедаться и причаститься у священника.

В последние дни он уже не осознавал, что с ним происходит. За день до смерти он продиктовал сестре странное послание, из которого были понятны лишь две фразы.

«...Я полностью парализован и хочу как можно скорее оказаться на борту, скажите мне, в котором часу меня должны доставить на борт...»

На следующий день в два часа пополудни Артюр Рембо скончался на больничной койке. Ему было тридцать семь лет.

Варшава
23 октября 2020

Анжелла СЕДЫХ
г. Киренск, Иркутская обл.
Преподаватель русского языка и литературы. Член творческой студии «Живое слово», автор книг стихов и прозы «Бродячая собака», «Сердце битком». Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Бездна

эссе

Отечественная проза всегда была на высоте. Она затрагивала темы открытые и потому вечные, беспрекословно нетленные и, очевидно, гнетущие. Не исключение и произведения нашего времени. Назову только несколько. Повести «Перевал» и «Кража» Виктора Астафьева, «Где нет зим» Дины Сабитовой, «Лёгкие горы» Тамары Михеевой, «Девочка из города» Любови Воронковой и, конечно, совсем новые «Благие намерения», «Слётки», «Никто» и «Девочка, которой всё равно» Альберта Лиханова. Их объединяет «социальный штрихкод», который, как рубец на теле, не исчезает, не заретушёвывается. Это книги о сиротстве – как холодно на сердце! – они созданы, чтобы такие, как я, наконец перестали себя жалеть и подумали о тех, кому эта жалость, как голодному псу кусок хлеба, единственный способ выжить.

Кто такой сирота? Малолетний аскет. Горький одиночка. Беззащитное, раненое человеческое дитя. Лишённый родительской опеки, экстренный выходец из детства, имеющий в лучшем случае койку-место в детдоме. Пригвождённый к столбу позора в каком-нибудь ПТУ, распятый за ошибки взрослых, оголённая и неприкаянная душа которого не находит ответа на прямые и важные вопросы. Да, эпитеты как приговор.

Самые горькие углы Вселенной, тёмные, где даже свеча гаснет, современная «достоевщина», к великой скорби, имеют место быть. В них, как в схроне, искалеченные сызрани, с самого основания детские души. Никто их не растопит, ничто их не отогреет. Навряд ли счастливые!

Коснусь авторских ремарок, они более точные, чем я могу придумать. «Дети в сиротском заведении все сплошь излом да вывих». Обманщик! – со стороны казалось, что перед вами совершенно уверенный в себе мальчик, ...полностью благополучен, но, переходя из учебного корпуса в спальный, он уже не стеснялся взрослых, брехался, матюкался, вопил, безнаказанно обижал младших, курил... Единственное наказание, применимое к нему, – карцер.

Перед глазами лента-жизнь героя «Никто» – воспитанника бесприютного интерната, похожего на тысячи таких же интернатов, рассеянных по свету. Конечно, никто никогда не позволит себе сказать вслух, что в этом «сером бараке» нет света, еды или людей, по-настоящему переживающих за несчастных васек макаровых, видевших, как чужие дядьки порезали, словно колбасу, мать, и потому энуретиков по жизни; за изуродованных зачатием гошманов и простоволосых, вечно ревущих девчонок, «похожих одна на другую, будто скроенных одной рукой», за безымянных головастиков с кличками вместо имён...

В этом сером доме самой главной фигурой оставался директор. Георгий Иванович ещё и хранитель заветных «чемоданов», заглянуть в которые воспитанникам можно только по достижении совершеннолетия.

Ну а как же без слезливой толстой поварихи тёти Даши? Добавку-то она, конечно, подносила деткам, скупо гладила их по голове, щедро улыбалась, полагая, что они ещё малы, чтобы разбираться в незримом, подозревать кого бы то ни было, а уж тем более судить. Только, глядя на её озирающуюся фигуру, скрывающуюся чаще под сенью ночи, спешащую с тяжёлыми сумками домой, молчаливо встречал смышлёный подранок. И в его мозгу крутилось, капризно выплывало: «Можно ли искренне жалеть его и других и тут же воровать?». Одно наблюдение сменяло другое, но «человек без слабостей – это только служба, а значит, только функция». Судят только отвратные. «Тот, кто совершил проступок, не торопится быть судьёй».

Да, автор прямо и чётко даёт определения голым фактам. Кто из читателей осмелится назвать вещи своими именами? Чаще даже сознание их блокирует. Но как же много этих новых «терминов», открытий для рафинированного сознания! Накатом одно, второе, третье... Каково девочкам и мальчикам с родителями в соседней комнате, с собственными игрушками, со всем своим читать такое: «колек в интернате не меньше чем десятка три», «часы дарят поздно» (сироты не приучены к чувству времени), зато «в интернатовских сильно развит инстинкт конуры»...

К ужасу, представляю и то, что происходит в детской спальне, когда выключен свет. Сделать это могла только «грымза» Зоя Павловна, дежурная, не преминувшая прочитать мораль или одну из занудных педагогических проповедей и спустя минуту рвануть трусцой к выходу, каждый раз бросая под недоглядом птенцов приюта. Иллюстрация к закону!

А эти?! Настоящая драма интернатские выпускные вечера! И абсолютная человеческая трагедия, когда в ограде появляются затёрханные, невзрачные существа, по названию «матерёшки», для храбрости принимающие полстакана и потому держащиеся поодаль от бдительного ока Георгия Ивановича. Он, безусловно, не покидал вверенную ему территорию и держал позицию «обороны». Но кого он мог спасти от развращённого ума, от дикого саморазрушения? Было два случая с женщинами, отсидевшими в колонии. Трезвые, просветлённые после разговора с директором, они восстановили родительские права и забрали своих детей. Но как же их мало, этих самых случаев!

И вот, как «Нате», Топорик. Топор. Топорище. Всё в нём было в масть. Колька Топоров, подстриженный безжалостными воспитательскими ножницами, которые, скорее, подходят для

стрижки баранов, всё равно оставался красивым. Ровно насурьмлённые брови, шелковистые пряди вьющихся волос, «на зависть беспородному девчачьему большинству». И ростом выше сверстников. Хоть худощавый, тонкий, как лозина, но отчего-то убедительно твёрдый, решительный и неболтливый. Растущий, как сорняк, на лугу. Как же мне жаль этого мальца! Горькое эхо равнодушия отзывалось в нём всё чаще и чаще, особенно ночью, когда он, беззащитный, метался, как ошпаренный от собственных мыслей, терял опору под ногами, сопротивлялся внутреннему напору. И сам собой вставал простенький, в сущности, но тяжёлый и безответный вопрос «А ты кто?».

Не пристало сравнивать, но своего отца я тоже не знала. Хуже того, видела его, когда мне было одиннадцать месяцев отроду. Спустя годы вопрос о том, какой он, как он говорит, что он делает, чем дышит, как набатом, оглушал грудь. Подозреваю, как тяжело тому, у кого родителей нет. Даже скажу больше. В моём классе несколько девочек-сирот при живых родителях и есть круглая сирота. Я не представляю, как она нашла в себе силы читать подобные вещи, а уж тем более писать эссе по произведениям Альберта Лиханова. Я читала эти страницы с ужасом, боялась, что найду в них неприкрытую боль... И она проступила, как вода в лужице, едва прихваченной ледком. Хрустнула. Обомлела. Мне трудно об этом даже думать.

Жаль моих девочек, как и этого неприкаянного, пытавшегося всеми силами раздобыть памперсы для Макарки, «харч» для выпускного стола, пусть и вороватым путём, но стремящегося помочь себе и другим, рвущегося на свободу Николая Топорова. Самое печальное, что эта мнимая свобода не принесла герою облегчения. Может, он и был этот счастливый миг – когда Валентин поманил его, словно в сказке, позвал к себе.

Кто он, добрый спаситель, способный выдавать умные сентенции?.. Как бы то ни был, но белобрысый Валентайн стал хозяином Колькиной жизни. Такого и придумать нельзя. Неужели на него свалилось счастье? Может, потому он всерьёз поглядывал на себя в зеркало, когда ехал в машине, и думал, что у него, как у безродной, бездомной собаки, наконец-то появился хозяин! Такой щенок крепче человека, поднявшего из грязной лужи, отогревшегося, давшего миску с тёплым молоком и, главное, имя, пусть даже такое странное – НИКТО.

В книге «Лёгкие горы» есть цитата об этом: «Ко многому Динке пришлось привыкать. Оказывается, простыни и пододеяльники тоже стирают, как носки и трусы, фрукты нужно мыть, а овощи чистить ножом. Раньше Динка не знала, что картошка на самом деле коричневая, а не белая, что мыло бывает разноцветным, что полы моют руками, а не шваброй. Она учились мыть посуду, пришивать пуговицы и даже делать чай сладким».

В повести Альберта Лиханова Кольче пришлось привыкнуть к иным вещам. Сердце раскачивалось, не могло успокоиться, когда Топорик устроил парад-алле по интернатовскому коридору. Зачем, спрашивается? Разве пришло бы в голову обычному выпускнику школы затевать неловкие показательные выступления? Пересказывать страницы книги не стоит. Но обратить внимание на кричащие фразы до'лжно.

В интернат он не пришёл, а приехал, как олимпийский чемпион, на «Вольво», однако самое неуклюжее было – предложить надеть на себя Гнедому синюю форму, джинсу, которая стучала на нём, как жестяная. «Есть люди, которым ничего заморского не идёт, они рождены ходить в холстине...» Такой переполох случился в доме: клокотала, волновалась детская, на которую неожиданно свалилось меценатство Валентина и Кольчи в виде пакета шоколадных конфет и майки с эмблемой «Адидас» для Макарки – непостижимую мечту для многих, и ещё каких-то вещей, розданных под шквал аплодисментов.

Казалось бы, жизнь Кольчи круто повернулась. Оттого она сбивала его с толку. Крупные деньги теперь совали ему небрежно, в карман куртки. И, несмотря на то что ему велено было просто ждать в машине в определённом месте и слушать команды Андрюхи и Антона, новых знакомцев (обычная работа водилы), как бы Кольча ни прятался от правды, она проникала в него с завидным постоянством. И настал день, когда ему пришлось самому втягиваться в дело. В глазах тёток и мужиков, которых грабили кожаные люди, стоял вечный ужас. А Кольча уже стал к тому времени сборщиком дани, за спиной которого угрожающе сопела пара амбалов. Топорик постепенно привыкал к вкусу и силе денег. Его малолетство и сиротское происхождение амортизировали мужицкую ревность. Он был первым в этом тёмном театре действий.

Может быть, появление в училище страдающего белокровием Гошмана, – а мы знаем, что Кольча всегда жалел сирых, болезных, – могло что-то изменить в судьбе героя. И тогда он снова вспомнил про чемодан, который хранился у Георгия Ивановича. Так же, как кол, встал вопрос «А кто я?».

Переезд из общаги в отдельную квартиру, арендованную для него шефом, стал новой точкой отсчёта. Во-первых, он никогда не ночевал в одиночку. Во-вторых, появление, а затем исчезновение в съёмной квартире нескольких металлических чемоданов с американскими жестянками подтолкнуло к откровенному разговору с Валентином об опасных вещах, о доверии. Теперь предчувствие носило яркие одежды. Он разглядел мелочи, как бы отодвинутые на задний план. И его точно ударило: а ведь он Никто, как амбал Антон, убитый, похороненный неизвестно где, которого благополучно забыли. Горькая истина. И как на беду, объявилась эта парикмахерша Зинаида, предложившая пятнадцатилетнему отщепенцу лишить его невинности, – подарок Валентина. В интернате дети всосали немало грязи, как маленькие пылесосы, а тут ещё такая... И начальница детского дома, вверившая ошарашенному Кольче фразу, что детей подкидывают.

Вечерний город «отсиживался» дома, а Кольча сидеть на месте уже не мог. Тогда он впервые увидел церковь, освещённую, с высоким крыльцом. Первый раз в храме. Свеча за упокой раба Божия

Антона. Отчего ему вдруг стало легче, он не понимал. Как будто и небо расчистилось, обещая утешение. В этот бы момент расслышать разумные звуки взрослого мира! Устыдиться за неискупаемые грехи, оградить малых деток от всех бед на свете! Никто... Неужели никто?.. И Топорик в первый раз заплакал, а после выдохнул: «Господи, помоги!». Но это было лишь мгновение. Уже спустя несколько дней речь зайдёт об оружии. Какие у чёрных дел непонятные нити!

Жизнь иногда останавливает человека. Он оказывается на похоронах старого друга. Это совсем не просто. Не стало лучшего друга Гошмана. Поразило, детская колонна взялась за руки. Да, пожалуй, это правильное сравнение – они были стеной, которая должна устоять перед бедой. Каким же наивным способом они обороняют себя от несчастья!

Общий вздох на кладбище. Вид гошиной, абсолютно лысой, как коленка, головы... И опять прозрение, что ни он сам, ни те, что вокруг, никому не нужны, кроме самих себя. А не оправдание ли это вчерашним разбоям, грабежам и будущему рэкету?

Что это? На Кольчу неожиданно свалилась любовь. Девочка в голубом, из библиотеки, некая Дюймовочка возвращалась без спроса и в самом неподходящем месте. Озарение, что Женя помнит, что он сын Марии Ивановны. Топорика будто ударили его же памятью. Спасение? Зачем был в это момент нужен Валентин? Последний чувствовал изменения в напарнике и потому не преминул предложить подстрелить корову. А тут беда в интернате, как обвал в горах. И Кольча естественно спешил помочь. Только «многоэтажный» Валентин его чаяния не разделил...

Один на один с опасными людьми. Убийство... Второй шанс на спасение!

В лесу он встретил троих деток, которые привели его к своему дому. Они, как ангелы, угостили гостя колодезной водой, дали мыльце, полотенце, чтобы отмыться. Символично! Лучше было бы остаться у этих людей, отгороженных ельничком он неправильной жизни. Но спасутся только они. И хотя это больше всего походило на мечту, он выбрался из лесу, но это не значило, что он выбрался из неправильной жизни. Праздник жизни был заказан не для него...

Простая истина: голым человек приходит в этот мир, таким и уходит. Закончилась как облегчение жизни Кольчи. Никто никогда не заплачет о мальчике, брошенном матерью. Ничто не способно переменить его смерть.

Бездна.

Сергей СТРОИЛОВ

г. Усолье-Сибирское, Иркутская обл.

Сергей Иванович Строилов. Родился в 1957 году в селе Чекан Жигаловского района Иркутской области. Служил в ОВД.
В настоящее время председатель городского совета ветеранов.
Публиковался в городских СМИ, коллективных сборниках, журналах «Иркутский альманах», «Белая радуга», «Северо-Муйские огни», «Огни Ангары». Автор 2 книг стихов и прозы: «Соседское наказание» и «Сегодня осени сказал я…»

Подарок

Рассказ

Наступил первый день новогодних каникул. Костик стоял, смотрел в окно. За окном шёл снег. Снежинки медленно, как бы нехотя кружась, опускались на землю. Ему показалось, что они не хотят падать, им и на небе хорошо, весело и свободно, летай, кружись нетронутой звёздочкой над землёй. Но надо падать. Падая, они попадут под колёса машин, их затопчут ботинки и раздавят сапоги. Костик вышел на балкон, вытянул руку стараясь поймать снежинку в ладошку, чтобы хоть на мгновение спасти от неминуемой гибели снежную красавицу. На тёплой ладошке снежинка медленно превращалась в маленькую капельку. «Интересно, – подумал он, – а бывает так, что снежинка упадёт в такое место, где сможет сохраниться до весны?». И вдруг он понял, что нужно сделать: достал из ящика стола коробочку-футляр Киндер-сюрприза и положил в морозилку холодильника. Подождал, пока футляр замёрзнет, поймал несколько снежинок, поместил их в Киндер и быстренько положил упакованные снежинки в морозилку.

«Надо будет предупредить маму, чтоб она, даже на секунду не доставала контейнер со снежинками. Мама, конечно, скажет: «Дело может и доброе, но бесполезное! Кому и какая польза от такого поступка. Добро должно приносить пользу!»

Нет, Костик маме ничего не скажет, но подумает: «За что он наказан? Он старался помочь Матвеевичу».

Лишь вчера истёк срок двухнедельного наказания для Костика. Родители строго-настрого наказали ему не выходить из квартиры. Выходить можно только в школу. А ведь он думал, что делает доброе дело.

Это доброе дело началось в конце ноября, когда мама попросила его вынести мусор. Подходя к контейнеру, мальчик заметил старого человека, который рылся в мусоре, но, завидев Костика, отошёл к трансформаторной будке. Костик бросил пакет с мусором в контейнер, забежал за угол молочной кухни и стал наблюдать за стариком. Тот вытащил из-за пазухи полбуханки ломаного хлеба, стал его есть. Костику стало так жалко этого дедушку. Нет, он и раньше видел людей, которых называют «бомжами», но те были молодые. А это – дедушка! Мальчик, прибежав домой, достал из

холодильника колбасу, масло, сыр и хлеб, сделал бутерброд, упаковал его в целлофановый пакет, чтоб было видно, что в нём, вернулся к контейнерам. Дед продолжал сидеть за будкой. Костик поставил мешочек с бутербродом на контейнер и отбежал. Дедушка сидел не вставая. Он ещё раз подошёл к контейнеру, покашлял, чтоб тот обратил на него внимание. Дедушка равнодушно посмотрел на него, продолжая сидеть. Костик в третий раз подошёл, покашлял, поднял над головой упакованный бутерброд, медленно поставил обратно. На этот раз дедушка подошёл, достал содержимое, огляделся по сторонам, стал есть бутерброд. С этого дня Костик, перед приходом мамы, делал бутерброд, наливал в баночку суп или накладывал каши и относил на мусорку. Дедушка замечал его, но не подходил, пока Костик не уходил. А однажды он поставил пакет, забежал за «молочку» и потерял дедушку из виду. Вдруг он почувствовал, что кто-то положил руку на его плечо. Это был дедушка. Увидев его так близко, мальчик испугался. Дедушка, заросший бородой от ушей и до груди. вызвал у него испуг.

– Тебя как звать-то, кормилец?

– Костик, – прошептал он.

– Родители-то, конечно, не знают об этом?

Костик помотал головой:

– Нет. Они не замечают. Мама потом всё равно отдаёт это собакам.

– Так я собак объедаю, – усмехнулся старик.

– Я беру это из чистой кастрюльки. А то, что остаётся, мама выкладывает в мешочек, папа относит в гараж к сторожке собакам.

– Спасибо, Костик. Думаю, тебе надо прекращать, добром это не кончится.

– А у вас какое имя, отчество? – осмелев, спросил Костик.

– Нет у меня ни имени, ни фамилии, – горько вздохнул старик, – отчество осталось. Матвеичем кличут меня. Ты, это, беги домой. Сюда больше не приходи и не носи мне ничего.

На следующий день Матвеевича у мусорки не было. Костик обежал вокруг трансформаторной будки. За ней сидели молодые бомжи.

– Эй! Мелкий! Матвеича ищешь? Не придёт он. Заболел Матвеич. Мы ему врача вызвали, тот понавыписывал рецептов. Но, сам понимаешь, денег у него нет, чтоб выкупить лекарства.

– Какие надо? Я дома в аптечке посмотрю!

– Таких, мелкий, в вашей аптечке нет. А в нашей аптеке есть, но нужны деньги, – двое других почему-то рассмеялись.

– Сколько надо?

– Тыщу рублей, чтоб поднять Матвеича на ноги.

– У меня в копилке только пятьсот.

– Неси, придётся купить не все лекарства.

Он сбегал домой, вытряс из копилки деньги, отнёс бомжам.

А через неделю вновь увидел Матвеевича.

– Вам уже лучше? – спросил его. – Вы выздоровели?

– А с чего, Костик, ты решил, что я болел?

– Двое дяденек и тётенька сказали. Врач вам выписал лекарства, нужны были деньги.

– Погоди-ка! Святая ты простота, не давал ли ты им денег?

– У меня тысячи рублей не было, дал только пятьсот пятнадцать.

– Что ты наделал?! Прости! Не знаю, как, но я верну эти деньги! Не верь ты нам. Ты в каком классе учишься? Во втором! Почему вас не учат разбираться в людях. Плюнь ты на меня. Сделай кормушку, корми лучше синичек да воробьёв. Им нужней твоя помощь. Пойми, нас не выправишь! Ты, это, Костик, иди домой. Меня не ищи. Зима на дворе, а я, видишь, не по сезону одет, буду искать тёплые места. Беги, не прощаюсь. Должок за мной.

Костик пошёл домой, слышал, как Матвеевич, подняв глаза и руки к небу, вслед ему громко шептал: «Господи! Распространи доброту мальчика этого на многих людей! Знаю, такое невозможно. Пусть хотя бы не зачерствеет от вранья и обмана его душа!»

Больше Матвеевич к контейнерам не приходил.

Четыре дня Костик не находил себе места. И, наконец, решился. В тёмной комнатушке, её называют – тёщиной, у отца висела старая дублёнка, стояли жёлтые ботинки. Отец их тоже не носил, купили по акции. Как мама говорит: позарились на скидки. Две пары по цене одной. Мама свои сапоги носила, а папа не хотел: «Буду в них как пижон!»

Упаковав всё это в мешок, добавив рукавицы и вязаную шапочку, вынес из подъезда. Уложив мешок на санки, пошёл искать Матвеевича. Увидел его за девятиэтажками, но тот наотрез отказался брать зимнюю одежду. Костик объяснил, что мама это хотела отнести на мусорку, мол, кому-нибудь да пригодится, а ботинки папа хотел отнести в гараж. Костик убедил, что им это не нужно, а деду необходимо.

Пропажу дома заметили на второй день.

Папа пришёл из гаража и, сразу с порога: «Валентина, где мои дублёнка и ботинки?». «Как где? Не знаешь, что ли?»

Отец разулся, не снимая одежды прошёл в «тёщину»: «Валя, ты грозилась всё вынести и вынесла? Сейчас прохожу мимо помойки, смотрю, бомж стоит в жёлтых ботинках, смешно стало, присмотрелся, а на нём моя дублёнка! Так же клапан кармана надорван и нижней пуговицы нет».

После того, как и мама убедилась в отсутствии одежды, они прошли в кухню. Закрыли за собой дверь. Минут через пять из кухни папа позвал его: «Константин, зайди к нам». Это обращение:

не Костик, не Костя, а Константин не предвещало ничего хорошего. Мальчик рассказал всё, как было.

Папа выговаривал:

– Ты понимаешь, что твоя простота хуже воровства! Всем помочь невозможно. Особенно таким. Ты посмотри, по городу сколько их в контейнерах копается. Ты всем хочешь один помочь?!

– Можно в классе поговорить, чтоб каждый ученик помог таким тёплой одеждой.

После этих слов отец потерял дар речи, он смотрел то на маму, то на Костика. И наконец, у него вырвалось:

– Слушай, тимуровец! Ты этого в школе не скажи! Тебя отправят к психологу, а к нам с матерью придут из соцзащиты! Мать, кого мы растим?!

Мама, едва сдерживая смех, ничего не ответила.

– Тебе смешно? Сын скоро на помойку вынесет всё из дома, а она смеётся!

– Я представила, как он в школе выступит с предложением помочь бездомным. Как на него посмотрят. Не сын, а инопланетянин какой-то. А ты куда собрался?

– Пойду, поговорю со своим двойником, как-никак, одну одежду носим.

– Папа! Не ходи. Не надо, – у Костика выступили слёзы, – папа, Матвеевич не виноват. Я сам, я первый подошёл к нему.

– И правда, Виктор. Не ходи. Не забирать же обратно. Да и поздно уже. Они давно сидят по подвалам.

– Не поздно. Иногда возвращаюсь в это время с гаража, они дежурят у контейнеров. При закрытии магазинов выносят коробки, эти их перетрясают, что-то там находят.

Папа вернулся минут через сорок.

– Что так долго-то?

– Поговорили. Ты знаешь, а он не такой уж никчёмный.

– Господи! Надеюсь, ты ему не отдал ключи от машины и зарплатную карту! И тебя разжалобил. Эти психологи такую душещипательную историю расскажут, только слушай! Спрашиваешь, кого растим? В кого растёт, вот – правильный вопрос?!

– Валентина, остановись. Костя, иди, разговор есть. Тебе Матвеевич говорил, не бегать на мусорку? И не раз говорил, да? Тебе говорили: старших слушаться надо. И, потом, прежде чем нести старику вещи, ты мог с нами посоветоваться? Разрешили бы, не разрешили бы, это вопрос другой. За своё самовольство будешь наказан. Две недели, вплоть до новогодних каникул – ни шагу из дома!

Его отправили, сами остались в кухне. Костик, сидя на диване, слышал, как папа рассказывал маме: «Ему 73 года. Всю жизнь проработал шофёром, жена работала медсестрой. Жили в небольшом городке на севере области. Есть дочка, внук и внучка. Два года назад жена умерла. Дочь с зятем и внуками к нему не наездятся, первые полгода не бросали его, звали к себе в Иркутск. Успел машину переписать на внука, гараж продал для внучки. А потом завертелось... Запил крепко. Пришла женщина, якобы соцработник, составили договор на помощь. Убедила его сделать сюрприз для дочери: мол, через полгода вступите в единоличные права на всё имущество, дочь не вписывайте. Зачем вам платить двойные налоги. А когда всё продадите, приедете к дочери с деньгами. Она ведь зовёт вас. Пригласила на дом нотариуса, та оформила всё по закону. Показали ему две сберкнижки на его имя, на одной на счету миллион двести за квартиру, на другой – двести пять тысяч за дачу в черте города. Вложили все документы в конверт, он написал расписку в получении. Отвезли его на вокзал, посадили в поезд.

Подъезжая к Иркутску, он решил вскрыть конверт, а там одна расписка, ни паспорта, ни пенсионного, ни других документов. Пересел и обратно. Подумал, не тот конверт отдали. Перепутали. Всё понял, когда узнал, что такая женщина соцработником не числится. В его бывшей квартире другие люди. Ночевал в подъезде. Утром забрала лже-соцработница, значит, кто-то сообщил о нём. Посадила в машину и там объяснила, что продал я всё сам, имеются подписи и расписки, а то, что я по пьянке всё растерял, в том вины её нет.

«Обращаться в полицию не советую, благодари, что живой остался. А то бы нашли в другом районе труп, похоронили бы как безродного. Ни документов, ни заявления о пропаже. Всё, что могу, так это накормить и взять билет на поезд».

Сходила в магазин, взяла водки и закусить, очнулся в Усолье.

«Сына не наказывайте, – продолжил он, – мальчик добрый, по доброте своей и наивности не раз ещё попадёт впросак. Жизнь, окружение, в первую очередь сверстники научат быть равнодушным к чужой боли и беде. Годам к шестнадцати станет как все. Ещё скажу, ваш Костик сделал то, что не смог бы сделать ни один нарколог, кодировщик и прочие экстрасенсы. Я бросил пить одномоментно, как стал он мне носить обеды. Хочу выправиться, на работу меня, конечно, никто не возьмёт, пенсию не получаю из-за отсутствия прописки».

– Надеюсь, ты не принял решение прописать его у нас?

– Нет. Я принял решение помочь ему. Пока не знаю, как, но помочь надо.

– На тех же мусорных площадках висят объявления, что помогут восстановить документы, проживание, питание, пусть обратится туда.

– Как ты не понимаешь, Валентина, это скорей всего рабство за кусок хлеба. Те же мошенники с якобы добрыми намерениями. Допустим, сделают они ему прописку, пенсию он всё равно не увидит. А она у него по нынешним временам немалая – 17 тысяч. И там нужны молодые –

собиратели металлолома, макулатуры, попрошайки. Матвеевичу 73, возьмут ради пенсии, будет жить так же впроголодь и лохмотьях.

Папа взял телефон, вышел на балкон. Долго с кем-то разговаривал.

– Константин, – позвал отец, вернувшись с балкона, – напишу записку, завтра отнесёшь Николаю Матвеевичу. В половине пятого за ним подъедет УАЗ-«буханка», пусть ждёт. Хочет вернуться к человеческой жизни – поедет.

– Куда его определил? Кому звонил, Виктор?

– Обзвонил многих. Согласился взять одноклассник, руководитель мясоперерабатывающего предприятия, ему нужен человек без роду, без племени, без связей и знакомых. Чтоб сам не брал и другим брать не давал. Будет заведовать собаками, бегающими по периметру предприятия. Кормить отходами со столовой, смотреть за ними. Жить будет там же, питаться в столовой, зарплата, конечно, мизерная, но в его случае лучше не придумаешь.

Назавтра Костик отнёс Матвеевичу записку, передал всё как велел папа.

Матвеевич молча выслушал его, снял шапку, вытирая ей глаза: «Есть Бог на свете, через ангела хранителя он мне послал тебя, хочу, чтоб внуки мои, может, уже и правнуки были такими же чувствительными к чужой боли. Свидеться мне с ними не суждено, да и поделом. Беги домой. Обязательно дам о себе знать».

Это было две недели назад, а сегодня Костик смотрел в окно и думал: что бы ему попросить у Деда Мороза. Мама сказала, чтоб он написал письмо с желаниями, что бы он хотел получить в подарок. «Мы с папой уже написали о своём желании, – прижимая его к себе и гладя по голове, говорила мама, – мы хотим, чтоб у тебя появилась сестрёнка. Назовём её Алёнка. Хочешь сестрёнку?» Костик улыбнулся: что он, маленький, что ли, он давно заметил, как у мамы животик расти начал. Значит, уже знают, что родится девочка. Конечно же, он хочет! «Я буду с ней водиться и читать ей сказки». – «Тебе самому ещё надо сказки читать», – обнимая его, улыбалась мама.

– Костик, – мама тронула его за плечо, надо же, он не услышал, как мама пришла с работы и зашла в его комнату, – там не твой подопечный стоит с коробкой, смотрит на наше окно и машет рукой?

– Похож на Матвеевича, только одет как-то по-другому. Мама, это Николай Матвеевич! Мама, можно я выйду к нему, или пусть он к нам зайдёт?

– Сынок, мы не до такой степени с ним сроднились, чтоб приглашать домой. Выйди ненадолго.

Костик выбежал на улицу. Это другой Матвеевич: борода подстрижена, чисто одет.

– Здравствуйте, Николай Матвеевич, – первый раз он назвал его по имени-отчеству.

– Здравствуй, Костик. Здравствуй, спаситель мой. Если бы не твоя добрая душа, я не познакомился бы с твоим папой, который определил меня в новую жизнь. Теперь у меня всё хорошо. Представляешь, я за семь месяцев первый раз помылся. Вышел из душа, как будто не тело, а душу отмыл. Смыл грязь последних двух лет. Стало намного легче. Но не затем я к тебе пришёл, чтоб рассказать о своём житье-бытье. Костик, скоро Новый год, я принёс тебе подарок. Как сказал мне мой новый начальник, «это прозвучит пафосно», я всё-таки скажу: Константин, дарю тебе земной шар, это глобус-светильник. Включишь в розетку – он засветится. Так вот, дарю Землю нашу, тебе и сверстникам твоим принадлежит будущее. Вам жить и беречь планету нашу. Оставайся таким же добрым и отзывчивым. Костя, добрых людей намного больше, чем недобрых. Просто, свою доброту они не выставляют напоказ. Порой люди скрывают доброту под личиной равнодушия. Нынче быть добрым стыдно. Сегодня в моде доброта показушная. Сделает добро на копейку – раструбит на рубль. Порой дело маленькое, для посторонних глаз незаметное, а для того, для кого оно делается, это добро будет просто необходимым, жизненно важным. Будь добрым! Добро добром отзовётся. С Новым годом, Костик, шагай в своё будущее!

Дома они с мамой открыли коробку, достали глобус, на дне коробки в конверте лежали пятьсот пятнадцать рублей.

– А деньги откуда?

– Я Матвеевичу занимал на лекарства, он вернул долг.

Вечером перед светящимся глобусом Костик писал письмо Деду Морозу:

«Добрый Дедушка Мороз, прошу тебя найти семью и внуков Николаю Матвеевичу». Что ещё написать, он не знал, лёг спать, чтобы утром дописать.

Проснувшись утром, он услышал, как мама по телефону разговаривала с папой: «Да, написал Деду Морозу, никакой планшет он не просит, просит, чтоб тот нашёл семью и внуков Николаю Матвеевичу! Ты постарайся всё разузнать, напишем письмо его дочери, объясним».

Костик лежал и улыбался: он же не маленький, понял, что письмо до «Дедушки Мороза» дошло.

Он представил, как Матвеевич стоит на остановке, из остановившейся машины вышли внуки и дочь его. Подошли, обняли Матвеевича, сказали, что простили его за всё-за-всё. Матвеевич что-то беззвучно шепчет, по лицу его текут слёзы.

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Виталий КУЗНЕЦОВ
г. Усолье-Сибирское, Иркутская обл.
Учредитель и главный редактор журнала «Северо-Муйские огни».
Член Европейского конгресса литераторов, действительный член Крымской литературной академии. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя, всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Стихи и рассказы публиковались в литературных журналах и альманахах России, Украины, Беларуси, Германии и Канады. Автор книги «Повести» (Канада, 2016 / Россия, 2017).
Член редакционного совета областного омского альманаха «Тарские ворота».

Январь-февраль
(из подготовленной к печати книги «Двенадцать месяцев с душой»)

***
Январь –
что дно реки глубокой.
Ему свет солнца нипочём!
В нём солнце –
луч звезды далёкой,
Не греет он,
лишь тускло светит днём.

Когда же вовсе солнца света нет, –
Январь –
что океанские глубины!
И одиноких звёзд
далёкий мерклый свет
Глубоководных
вдруг напомнит рыбин!

Царь-январь, или Январь по-русски

Настало время дней лихих-серьёзных –
К делам по-царски важно приступил
Январь суровый, будто Ваня Грозный,
Покажет всем и лютый гнев, и пыл!

Морозным дням-опричникам дал воли,
Усилив ими стужу-власть свою.
И треск деревьев, скованных до боли,
Как выстрелы, пронзает синеву.

Прибрал «Иван» к рукам-клещам законы,
Зажал «народец» в колких рукавицах,
Сковал-замуровал во льды-оковы,
И никакого солнца не боится!

Искрят снега, и жжёт мороз огнями –
Зима в разгаре стужей в январе.
Трещит-ревёт на реках лёд ночами.
И нет «костров» на утренней заре.

Зимняя радуга в горах

В морозный день, взойдя на перевал,
И там, где солнце ближе стало,
Увидел света карнавал –
То радуга меж гор сияла!

Цветным столбом поднявшись от земли
И подперев собою небо,
Она, как Сальвадор Дали,
Творила смело среди снега!

Палитру красок разбросала всю,
А горы – словно любовались,
Влюблённые в её красу,
И долго с ней не расставались!

Зимы апофеоз

Заиндевелые ступени
Крыльца старинного хрустят.
Избушка – замок Берендея,
Вокруг – как в древней сказке сад,
Застыл под мантией мороза.

На окнах лебеди-узоры
Алмазной россыпью горят,
И всюду удивленье взорам:
Снег – в алом свете января,
Деревья – в хрустале,
А на кустах – цветут мимозы.

Искрит кристалликами воздух,
Я очарован вдохновеньем.
И чувства позабыли отдых,
Как стая птиц в тот день весенний,
Как дети в первый снег осенний,
Как в театральном представленье –
Когда звучит апофеоз.

Февральская песнь Ворона

Предчувствуя весну, заклоктал Ворон.
Перо расправив, миру говорил:
«Идёт тепло. Я знаю. Скоро, скоро
Всяк будет люб и каждый станет мил.
И дней прекрасных, верьте, будет много».

Ещё нам говорила птица эта
Об утренней заре, что ближе стала;
О том, что в небесах проснулся ветер,
И шумных дней грядёт его начало.

– Тебя нам, вещий Ворон, не хватало!

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 г. Автор нескольких книг стихов и рассказов. Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях. Стихи опубликованы и на китайском языке (в переводах Хэ Суншаня, г. Синьян).

Лирический оксюморон – 2020

***
Чтоб порадоваться жизни,
Я по радуге
Поднялся...

– Как светло в моей отчизне! –
Вскрикнул – ах! –
И вниз
Сорвался...

Где спасла меня река –
Пуховые облака –
И хмельные мужики,
Озорные рыбаки...

Угостив:
– Ну, ты лихой! –
Жаркой водкой и ухой...

***
Между вѐками двух веков
Я – соринкой –
Таков-сяков,

Задержался, увы и ах,
Засветился
В слезах-стихах...

Весь в предчувствиях, что вот-вот
Вздрогнет век –
И меня сморгнёт,

Точно Гоголевский – в кои веки! –
Вий, сказав:
– Поднимите мне веки!

Зимнее обострение

Зима...
Снег выпал –
По колена...

Эх, ма!
С ума
Сошла Елена...

Томится дома, вот те на!
Больница
Переполнена...

Метёт пурга –
И плакать хочется...
Снега –
Пустыня одиночества...

Безумный снег
Со всех сторон –
Лирический
Оксюморон,

Привет
От знаков Зодиака,
Предвечный палиндром,
Однако!

***
Зачем? – О солнце и луне
стихи свои припоминая,
Она
Раскрыла душу мне,
Душа больная и хмельная?

Вина...
Вино...
Вина – в вине...

О,
Боже мой,
Как грустно мне...

***
Улетели
Ласточки –
Ой, ли-ла, ли-ла...

Долгожданной весточки
Нет...
Ну, и дела!

Глючит
Интернет...
Хакеру привет!

***
Мы живём в параллельных мирах
И мечтаем увидеться,
Ах...

И встречаемся в радостных снах,
Поцелуй –
На устах и губах...

Так вот – солнцу верны и луне –
И живём,
Наяву и во сне...

***
И выбираю время я и место
Чтобы возникнуть
Из небытия...

И возникаю – так,
Чтоб всем известно
Об этом стало:

– Ждали?
Вот и я! –

И вновь, как псих, читаю новый стих –
И все – в восторге
От стихов моих...

Яков ШАФРАН

г. Тула

Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Автор 8 книг прозы и поэзии. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова. Лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного.

Зам. главного редактора литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула) и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка».

«И сердечной мелодией песни...»

***

Была когда-то милая страна,
Был светлый дом, светлы людские лица.
Казалась несусветной, небылицей
Всё разрушающая вмиг война.

Своими были реки и леса.
Куда бы ни пошёл – везде хозяин.
А ныне ты – гонимый, словно Каин,
Открыты для тебя лишь небеса.

В тайге теперь пожарища и пни,
В полях – земля, заросшая кустами.
Свободен лишь владеющий деньгами.
Везде упадок – чувство западни.

Как страшно позабыть мне ту страну,
Ведь к прошлому дороги позакрыты.
И нет ни в чём поддержки и защиты.
Ничто не предвещает нам весну...

31 августа — 02 сентября 2020 г.

***

Бледнеет небосвод, сереет роща,
Берёзы с полутьмой слились.
Луна за тучами лучи полощет –
Беззвёздна сумрачная высь.

Не спится мне, под утро нет покоя.
Пройдусь, хотя ещё темно.
В поре такой есть что-то колдовское,
Как будто в мир иной окно.

Иду, стволы берёз рукой лаская
И взором – розовый восток.
И видится душе: там жизнь иная,
Живительной воды исток.

***

И снова втиснуть душу норовят,
Небесную, да в жёсткие оковы.
Она же ищет лишь живое слово,
Простые смыслы и сердечный взгляд.

Пойду в серебряные родники,
В луга, поля, леса и перелески,
Где не найдут звонки и эсэмэски
И где обманы станут далеки.

Они расскажут мне, что Бог живой,
А не, сказавши, вышел да и умер.
Услышу я тогда и в ветра шуме,
Как Он беседует с моей душой.

Услышу, как в закатной красоте
И как в травинке каждой и листочке,
В раскрывшем небу лепестки цветочке
И в бирюзовой речки простоте

Его слова звучат, полны любви,
Которая есть мудрость вековая.
Она везде – от края и до края.
Черпай, лишь только веру призови!

28 сентября — 02 октября 2020 г.

***

Средь рекламных огней, буйства красок
Не найти вам меня нипочём.
И Творцу соблазнительных сказок
Не сманить меня и калачом.

А в дневной суете мельтешенье
То ли лиц, то ли масок – пойми! –
Вы найдёте меня на мгновенье
Меж спешащих зачем-то людьми.

Тело ведь у души в подчиненье,
А она в одинокий полёт
Устремляется на единенье
С тем, что ввысь её вечно зовёт.

Где не грусть о хорошем, красивом, –
Чего так не хватает в наш день, –
А где тихое, светлое диво
И тонка серебристая звень.

Где не грусть о любви и свободе,
Что для нас здесь – вершинами гор,
А где это в Небесной природе,
Созидающей Светлый Собор.

И душа в том особом паренье
Сможет только ту песню сложить,
Что усилит сто крат притяженье
И связь с Высшим – серебряну нить.

И сердечной мелодией песни,
И любовью наполнится край,
И для жизни иной он воскреснет,
Где в цветенье всегда дивный май!

12—25 октября 2020 г.

Марина СКВОРЦОВА
г. Москва
Скворцова Марина Владимировна родилась в Ульяновске, с 1998 года живёт в Москве. Работает учителем английского языка. Член Союза писателей России, автор 7 книг стихов. Публиковалась в ряде российских литературных журналов и альманахов.

Зимняя деревня

Зимним городом бреду я.
Треплет мысли и одежду
Голый ветер, негодуя,
А душа – в деревне снежной.
*
Помню: мчались с горки сани.
Догони попробуй, ветер!
А потом счастливой самой
Я плелась домой под вечер.

На сугробы тень ложилась,
И вовсю искрилось поле.
Там снежинка со снежинкой
Перемигивались вволю.

Временами ветер низкий
Снег взъерошивал, беснуясь.
И казалось, будто искры
Разбегались врассыпную.

Шла быстрей. Уж над снегами
Плыл закат лисицей рыжей,
Мордой тучи раздвигая...
Впереди белели крыши.

На снегу горячим светом
Словно плавились окошки.
Как давно всё было это!
А в избе встречала кошка.
*
Свет, казалось мне с порога,
Разлетался мотыльками.
Образа смотрели строго,
Словно в сердце проникали.

Дед ворчал: «Скажи на милость!
Полезай скорей на печку».
А бабуля суетилась:
«Голодна поди... уж вечер».

Вся головушка в метели,
А глаза, небес колодцы,
Так по-вешнему блестели
И лучились, словно солнце.

Взгляд бабулин вспоминаю,
И уходят все печали.
Ты прости меня, родная,
Что порою огорчала.

Помню руки в мягких венах
И цветной передник в саже,
Задушевный треск поленьев,
Чугунок с горячей кашей.

А в ночи – снега в веснушках
От звезды большой и малой,
Белым парусом подушку
Над лоскутным одеялом.

*
Помню: утром на колонку
Я бежала с коромыслом.
Снег искрился – чистый, звонкий;
В голове искрились мысли.

Рифмовала, как умела.
Расправляли крылья дали,
И лебёдушками смело
Облака с полей взлетали.

Улыбалось синеоко
Надо мной родное небо.
Отражалось солнце в окнах.
От лучей ведро звенело.

Путь обратный от колодца,
Помню, павой проплывала.
«День-то нынче прям смеётся, –
Мне бабуля. – Не устала? –

И с порога: – Выпей, внучка,
Молока парного кружку.
Погляди-ка, солнца лучик
Посчитал твои веснушки».

Я смущалась: «Скажешь вечно.
У тебя своих немало».
А она меня за плечи
Крепко к сердцу прижимала.

Было время: были вместе,
Перед Божьим оком жили,
И деревья, как невесты,
В снежной замети кружили.
*
А у нас зима что осень:
Снег с дождём смывает радость,
И ветра не в небо – оземь,
В сердце чаще снегопады.

Солнце выглянет – удача!
На земле ищу веснушки.
Улыбнувшись, снег заплачет,
Снова в изморось уткнувшись.

Где на санках мчаться детям,
Ощутив в полёте крылья?!
Не ворвётся в душу ветер,
Не взорвётся снежной пылью.
*
Зимним городом бреду я.
Треплет мысли и одежду
Голый ветер, негодуя.
А в душе храню надежду.

И твержу: «Поеду снова
К дому, с тёплыми глазами».
Прямо в сердце чистым звоном
Светит детство, с образами.

Поэзия Восточной Сибири.....

Елена ПОПОВА

г. Усть-Кут, Иркутская обл.

Член Союза писателей России. Автор 8 книг стихов для детей и взрослых. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни». Корреспондент газеты «Диалог-ТВ».

В единстве двух энергий – янь и инь

(неклассический венок сонетов)

1.
«Лицом к лицу лица не увидать».
Оно взирает с неба отрешённо.
Проложена к искристым звёздам гать.
Гудит далёкий космос приглушённо.

Несовершенна? Не завершена
Картина не постигнутого мира?..
И там, по центру – круглая луна
Вся в дырочках, во тьме – головкой сыра.

Есть сыр – есть мыши. Орды наглецов.
От живности пищащей я отвыкла...
Найти бы и покрепче мне словцо,
Да снова в полной мгле лицо возникло
И смотрит, не мигая, сквозь меня.
Вот конь в пальто, но что мне до коня?!

2.
Вот конь в пальто, но что мне до коня?!
Куда спешим, чего-то копошимся?..
Вся наша жизнь – мышиная возня.
Сознание, прошу тебя, расширься,

Чтоб скудным осознала я умом:
Высь людям изначально – отчий дом.
Покинули его давным-давно…
О, сколько было преодолено!

А сколько световых осталось лет
Там, позади! И устремились вслед
За смелой и возвышенной мечтой
Над будничной бесцельной суетой.
Но людям не дано предугадать,
Когда сердца наполнит благодать.

3.
Когда сердца наполнит благодать,
На тверди необжитой бросим якорь
(За лёгкой дымкой звёзды не видать).
Терпели. Не роптал никто, не вякал.

Устал? Усталость эту пересиль,
Коль ждут тебя заоблачные дали.
Топтали галактическую пыль
И все преграды преодолевали,

Как будто заключили мы пари:
«Дойдём. Поможет нам попутный ветер».
Сейчас ведут пути людские в Рим,
Тогда – к ещё неведомой планете.
И что-либо не хочется менять
(Но стоит ли вам слушаться меня?).

4.
Но стоит ли вам слушаться меня?
Советчиков ещё немало будет,
Но мы бежим от них, как от огня.
А путь с небес на Землю долог, труден.

Спуститься – не проблема. Но теперь
Вернуться в высь бескрайнюю попробуй!..
В пути не избежали мы потерь,
Хоть выбрали единственный, особый.

Утрачены широкие крыла.
И как ни звало небо, ни манило,
Земная твердь – такие вот дела –
Нас силой притянула, придавила
И больше не отпустит уж глупцов.
Вновь почему-то снится нам лицо...

5.
Вновь почему-то снится нам лицо
В изрезанных кометами широтах.
Вечерний небосвод давно пунцов...
Кем стали без Родителя?.. Сироты.

И с Ним не помним кровного родства,
Пусть связаны единой пуповиной.
И примитивны – хуже воровства.
К далёким предкам нам прийти с повинной:

«Мол, не смогли сей тяжкий крест нести.
Да что с нас, смертных, взять? Так обнищали!»
И тотчас же раскаемся. Почти...
А помнится, когда-то мы вещали!..
Теперь пищим, как будто грызуны.
Ещё немного – и обречены.

6.
Ещё немного – и обречены.
Шатаясь, балансируем над бездной,
Взгляд не сводя с желтеющей луны.
Попробуй хоть кусочек, не побрезгуй!

Такая вкуснота – голландский сыр
(Усищи в предвкушении топорщим),
Что состоит практически из дыр.
А может, относиться стоит проще

Нам в целом к пребыванью на Земле:
Не всё равно ль, где жить? Итог известен.
Огромный мир космический – во мгле,
Но хватит по его просторам шествий.
И нет средь нас создателей, творцов.
Комфортно стало лишь среди дворцов.

7.
Комфортно стало лишь среди дворцов
Под сводами высокими из камня.
Но всё ж однажды мы в конце концов
Найдём себе местечко порекламней.

А может статься, и наоборот
Вернёмся в дом, покинутый когда-то
(Ох, любим городить мы огород),
Ну а пока что ждём заветной даты.

То ль ветра шквал, а то ль девятый вал –
И тотчас же рассеемся по свету.
Потом как выйдет: пан или пропал.
Мы будем жить не здесь теперь, а где-то...
И даже не почувствуем вины:
Продали старый кров за полцены.

8.
Продали старый кров за полцены.
Теперь набиты доверху карманы.
Путём нечестным приобретены
Богатства эти, с помощью обмана.

Планету бы найти... Ещё одну...
Нутром осознаём, что скоро крышка.
Корабль наш пробит. Идёт ко дну.
А мы бежим, хвосты задрав, вприпрыжку

Всё той же стаей мелких грызунов.
Малейшая опасность – врассыпную!
Признаюсь вам, сюжет ничуть не нов.
Поглубже, так и быть, его копну я:
И мне под хвост попала, знать, шлея.
Эх, отыскать бы сырные края!

9.
Эх, отыскать бы сырные края!
Они вдали, у звёздного причала,
Куда прибьётся крепкая ладья,
Чтоб людям в сотый раз начать сначала.

На сушу не колеблясь бросим трап
(А смысл рисковать, не зная броду?).
И вдруг опять потоп. Или Потап…
Готовы хоть к какому мы исходу.

А за Потапом с Настей – вся попса.
Не выдержат жестокой пытки уши.
Завоют страшно псы в созвездье Пса...
Но, к счастью, отыскала я беруши.
Чуть не подходят по величине
(А может, показалось это мне?).

10.
А может, показалось это мне?
Исправлю, что привиделось, в два счёта.
Как раньше, мы в бездонной вышине.
Чего-то ждём... А точку ждём отсчёта.

События не надо торопить.
Никто нам не указ: хозяин – барин.
И нечего от радости вопить,
Вновь доведя планету до развалин.

Пока кругом немыслимая синь,
И жизнь в ней, несомненно, зародится
В единстве двух энергий – янь и инь.
Наверх посмотришь – всюду лица, лица...
И там – моя забытая семья
(Многообразны формы бытия).

11.
Многообразны формы бытия.
Живёшь – и ничего уже не требуй.
Куда нас приведёт стезя сия?..
Над головой простёршееся небо.

А разобраться – вовсе нет причин
Предать забвенью полному былое.
Незримую связь с прошлым укрепим
(Её так не хватало нам порою!).

Даль манит. Необъятна, высока.
Здесь примут вас, коль вы идёте с миром.
Опять плывут неспешно облака...
С насиженного места?! Нет, хватило.
Проводим время в праздной болтовне.
С Родителем нам быть бы наравне...

12.
С Родителем нам быть бы наравне...
(Резонное желанье. Не поспорить).
Но – или показалось это мне? –
Там, в синеве, полно лабораторий.

Для опытов людской был создан род:
Расходный материал. Такого много.
И снова совершаем Крестный ход,
Надеясь: нам на этот раз помогут.

Как много у Создателя имён!
И мы под неусыпным строгим оком
Кочуем с изначалия времён,
Чтобы потом однажды ненароком
Вновь оказаться там. И заодно
Средь лиц далёких выберем одно.

13.
Средь лиц далёких выберем одно
(Его не разглядеть сквозь толщу мрака).
И здесь бы навсегда остались, но
Хватило выжиданий тщетных – с гаком!

Где Тот, над Чьим челом сияет нимб?..
Не разорвать тугую пуповину –
Она как прежде связывает с Ним, –
И вдруг воспоминания нахлынут:

Детишек малых на руки берёт.
Агукаем, беззубо улыбаясь.
Но жизнь свою не знаем наперёд
И тем вполне довольны, что пока есть.
Сравним, как будет после и как – до.
А небо – не поверхность и не дно.

14.
А небо – не поверхность и не дно:
Портал в тот мир, который звался раем.
То утро, ну а то – темным-темно.
И сердце от волненья замирает...

Там – бодрствуют, а там – пока что спят.
Туманной пеленою высь прикрыта.
За лёгкой дымкой звёзды не блестят.
Куда собрался ты? Уж больно прыток.

Из мрака вновь появится лицо,
И кто-то не спеша качает зыбку.
Кем он тебе приходится? Отцом?
Но силуэт расплывчат, слишком зыбкий.
Однако же не будем мы гадать:
«Лицом к лицу лица не увидать».

15.
«Лицом к лицу лица не увидать».
Вот конь в пальто, но что мне до коня,
Когда сердца наполнит благодать?!
Но стоит ли вам слушаться меня?..

Вновь почему-то снится нам лицо.
Ещё немного – и обречены.
Комфортно стало лишь среди дворцов,
Продали старый кров за полцены.

Эх, отыскать бы сырные края!
А может, показалось это мне? –
Многообразны формы бытия.
С Родителем нам быть бы наравне...
Средь лиц далёких выберем одно.
А небо – не поверхность и не дно.

Ольга ФОКИНА

г. Усть-Илимск

Фокина Ольга Викторовна. Член Международной гильдии писателей, Союза журналистов России. Организатор конкурса «Несу добро в ладошках!». Автор 8 книг. Дважды дипломант международного конкурса в Германии «Лучшая книга года» («Детская литература» и «Солнечное творчество»). Медаль фестиваля «Русский Stil» в Париже (за песни «Сбереги нас, Господь!», «Мама», «Что такое добро?»). Стихотворения переведены на немецкий, татарский и рутульский языки, опубликованы в антологии русской литературы XXI века. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

«...Родины моей такое имя...»

Соната солнца

Покрытый синей тенью мир,
Где двери чувствам всем закрыты,
Где радость жизни позабыта,
Из душ потерянных пустырь.
Где грустно из окна глядят
И ждут спасения напрасно,
Где нет единства, есть соблазны,
Там крылья ангела парят.
Там золотистое мерцанье
Животворящей силы солнца,
Там луч в окошко к людям бьётся,
Даря небесное посланье.
Наполнив солнечным теплом,
Спасая землю и людей,
И освящая мрачность дней,
Борясь со мраком или злом...
Как много солнечных светил!!!
И в них гармония, спасенье,
В них знак добра и просветленья.
Их сам Господь благословил!
Призванье истинных людей –
Дарить тепло, добро, свет, чудо!
И счастье на планете будет,
От добрых слов и мир светлей.
Соната солнца – это гимн!
Всеочищение от зла и пробуждение от скуки.
О, как прелестны эти звуки,
Когда мы слышим. Не спешим...
Когда добро впустив в сердца,
Мы бескорыстно дарим людям
Всю истину житейской сути,
Благодаря за всё Творца.

Лотос

Что может быть прекраснее цветов?
Их красота нам дарит вдохновенье!
Есть чудо в солнце, в стае облаков,
Ведь это всё – небесное творенье!
Не чудо ль, что рождается в воде
Озёрной, мутной и болотной,
Как в дар художнику на чистеньком холсте
Цветок прекрасный, самый дивный – лотос!
Природы дар и символ чистоты!
Он незапятнанный, чудесный, бесподобный!
Прекрасны благородные черты,
Что сотворил творец во всём способный.
В зеркальной глади на поверхности воды
Прелестные узоры белой чаши.
Вот так же в мире грязи, лжи, вражды
Сияет чистотою настоящий,
Прощающий, способный помогать,
Добро творящий бескорыстно в мире,
Тот человек, что может согревать
Всех проходящих жизни пассажиров.
Его горящий свет, как лучик солнца,
Его душа распахнута другим.
И кто его тепла слегка коснётся,
Тот исцеляется от зла и мрачных сил.
Как лотос чист, прозрачен и невинен,
Пленит такая мудрость, глубина.
Редки те люди, как вода в пустыне...
И жизнь их испытаньями полна.
В горах, в ущельях иль в полях далёких
Любуемся природы чистотой.
На непростой и жизненной дороге
Людей мы ищем с чистою душой.
Что может быть прекраснее букетов,
Что украшают жизнь, даря покой?
Как люди те, что дарят много света,
Что посланы с небес самой судьбой.

Семья – очаг и сила

Священная опора и защита,
Уют, духовность, негасимый свет.
И в мире нет страшнее дефицита –
Когда семьи у человека нет.
В ней робость чувств, невольная надежда,
В ней продолженье рода, мудрость лет.
В ней крепкие устои жизни спешной
И вкус открытий, смысл всех побед.
Семья – очаг и сила той державы,
Что выстоит, взрастив богатырей.
Нет ничего дороже папы, мамы,
Семьи супружеской, своих детей.
Сильна страна своей духовной силой!
Семейные устои в нас крепки.
Ведь настоящая любовь непобедима.
Семью, любовь и верность мы храним.

***

А Родины моей такое имя,
Что для души моей роднее нет...
Сильна, красива и трудолюбива.
Здесь чист и добр каждый человек.
Леса, поля и горы, и равнины,
И реки, что текут в её моря,
И подвиги людей непобедимых –
Моя родная щедрая земля.
Могучих сыновей своих взрастила
И дочек, что мудры не по годам.
Ты под крылом своим объединила,
Дала осуществиться всем мечтам.
Мы делом и душой с тобой едины,
Мы любим, сотворяем и живём.
В тебе одной находим свои силы,
Тебя одну мы в сердце бережём.

В гостях у Журнала……

«Интеллигент Магадан»

Созвездие Колымского края

Да, уж переполнена земля слухами! В дни выхода юбилейного №10 2020 года «Интеллигент Магадан» отмечались рекордные приливы Охотского моря, в бухту Светлая под Магаданом приплыли гренландские киты, и надо же, вдруг посетило Колымские земли, вспыхнув многоцветием, Северное сияние.

Способствовали ли природные силы выходу журнала, доподлинно неизвестно, но юбилейный номер получился ярким, красочным, доверительным, где что ни страница, то грань самого драгоценного камня с сокровенными отражениями человеческих душ.

Прекрасным языком в самобытных повествованиях о полузаброшенных и забытых селениях, порой лишь выплывающих в памяти из прошлого, с болью-переживанием рассказывают Виталий Кузнецов и Михаил Смирнов. Заботят этих авторов русские традиции, законы жизни, чтобы не рвалась нить докатившегося до наших дней ветхозаветного клубка, успевало подрастающее поколение перенимать истины и обычаи старших. Притягательные рассказы, и вроде в главных героях – самые простые люди, но так уж получилось – важными хранителями и устроителями государства выступают на страницах журнала Виталий Кузнецов и Михаил Смирнов. Не отстаёт от вышеназванных авторов Дина Лебедева с пронзительным и правдивым рассказом об отношениях матери и сына. Не позволяет погасить сквознякам «светлое пятнышко разума в круге темноты беспамятства» Максим Семиколенов.

Подкупает своей искренностью и оценкой характеров жителей Севера Вадим Сахибгоряев. В устье таёжной реки Аралиханджа устроил для читателя незабываемую встречу с «настоящей солью земли» – ительменом Иваном писатель Пётр Цветков. Заслуживает уважения и поддержки патриотическая позиция Ивана Паникарова.

Везде свой, с «душой от Тихого океана до Балтики», но самый настоящий таёжный человек (хоть и с московскими корнями), сделал свои затеси в журнале Михаил Тарковский, с заботой и поклоном России-матери, с дельным словом-с мудрым советом, с душевной исповедью о писателях и читателях.

Безоговорочно верится Игорю Безнутрову, да так что хочется непременно записаться хотя бы разнорабочим в ближайшую экспедицию, оправляющуюся за тайной древней истории к Колымским мегалитам, а то и в нашу прародину – Гиперборею! Куда мне с нажитыми годами в марафонские гонки, но, клянусь, впрягся на полную вместе с Михаилом Сверловым и российскими тренерами, переживая и сопровождая русскую лыжницу Елену Трубицыну (Вяльбе) к победному финишу в финском городе Лахти!

Удивляют и восхищают работы художника Владимира Мягкова, оформившего обложку «Интеллигент Магадан», и представившего на страницах журнала произведения, позволяющие перенестись посетителю необычной выставки во времена открытия и освоения Колымского края.

Как магнетически загадочно светится луна над Охотским морем, там бывают такие рекордные приливы, что невозможно не откликнуться с других берегов, с других морей и океанов! Прилив к приливу, вода к воде, свет к свету – и как в журнале к месту, востребованы: волшебная и прекрасная Светлана Савицкая с «Янтарным сердцем...», знающая магические слова, превращающие сказки в были; или умеющий размешивать Луну в вине Сергей Киреев из Новой Зеландии.

Но, а тут уж извините, зачитавшись «аппетитным» рассказом Александра Гракова «Кижуч», можно, растеряв некоторую интеллигентность, в следующий раз перехватить гонца, отправляющегося с копчёной рыбой с Дальнего Востока в Краснодарский край. А ведь у самого носа увёл рыбину автор, хотя бы адресок оставил, а то и я бы подтянулся к развесёлой компании, глядишь, какой маленький кусочек и мне достался бы. Ах, какое в рассказе было застолье!

Но раз такое дело, пир горой, внимание, кульминационный момент – песня для души нараспашку! Выбирайте, пожалуйста, на страницах журнала слова в рифму, любо-дорого, поэзия на самый изысканный вкус: с грустинкой, с ностальгией-с воспоминанием, с глубокой философией, с обворожительными природными картинами: Натальи Крофтс, Александра Сырченко, Светланы Дион, Марка Луцкого, Майи Шварцман, Михаила Юдовского, Екатерины Лимоновой, Георга Чёрного, Ольги Кашаевой, Владимира Папкевича, Ирины и Юлии Рудомазиных, Сергея Горы, Александра Соколовского, Елены Хомка, Никиты Ионова и других – всех без исключения талантливых поэтов.

А теперь к понравившимся вам стихам несколько страниц в журнале о Музыке! О Музыке, которая написана Её Величеством Природой для Северного сияния, Колымских ветров, Млечного Пути… Теперь, читатель, самые лучшие ноты к стихам для любого вашего настроения – секреты вечной музыки, которая приходила и приходит во сне, а то и спускается с небес к магаданским композиторам мирового уровня – Владиславу Золотарёву (увы, безвременно ушедшему) и Александру Нагаеву.

На прощание, на посошок хочется крепко пожать руку Сергею Малашко за исповедального «Бомжа», плечом к плечу послушать с ним «Тишину» и устроить знатное пиршество с царским блюдом из «дикого гусака в сметано-брусничном соусе» совместно с другими авторами журнала.

Огранённые Охотским морем светятся неутомимо уникальные звёзды. Взяли и придумали добрые мечтатели: Сергей Пашков, Юлия Рудомазина и Сергей Малашко для золотоносного

Колымского края своё небо с ослепительными и неслучайными звёздами разного свечения, известными уже давно и только набирающими силу, с самой маленькой, вспыхнувшей совсем недавно звездой – Ирина Хомка. Собрали создатели звёзды в одно новое, великолепное и гармоничное созвездие и назвали – журнал «Интеллигент Магадан». Да такое изящное получилось созвездие, что хочется бесконечно переворачивать его страницы, до головокружения любоваться переливами и мелодиями его восхитительных строк!

Хочется пожелать Юлии Рудомазиной и Сергею Пашкову доброй творческой дороги в разные страны, к самым далёким и прежде недоступным землям со своими превосходными проектами, замыслами и идеями!

Пусть и дальше чародействует магаданский астроном, звездочёт, талантливый писатель и охотник по совместительству – Сергей Малашко, пусть бодрствует днём и ночью, расставляя на небесах волшебные силки! Пусть появляются новые смыслы и значения у созвездия «Интеллигент Магадан», пусть загораются в нём новые яркие звёзды!

Юрий ЖЕКОТОВ, член Союза писателей России,
г. Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край.

Размышления после прочтения магаданского журнала «Интеллигент»

Меня восхищают люди, делающие литературные журналы своими силами, на подвижническом порыве, и я замечал, что в чем более отдалённом месте такой журнал издаётся, тем ярче, сильнее и неистовей этот порыв. С одним таким журналом мы познакомились на месте его издания – в Северомуйске, на БАМе – он так и называется – «Северо-Муйские огни». Северомуйск – это посёлок строителей Северо-Муйского тоннеля, посёлок живущий трудно, отчаянно – чего стоит огромный клуб, где путём не работает отопление. Журнал этот делают два абсолютных энтузиаста. Отрывок из повести одного из них, а именно редактора «Огней» Виталия Кузнецова, напечатан в 10-м номере магаданского журнала «Интеллигент».

Журнал «Интеллигент Магадан», по выражению одного из его учредителей Сергея Малашко, является «результатом трансформации уже известной газеты в стостраничный журнал». Мне кажется, что главной темой и главной идеей этого издания является дух города Магадана и Магаданской области, простирающей на десятки вёрст свои заснеженные сопки, где гуляет верховой северяк и кедровый стланик выпрастывает под весну из-под слежалых снегов пружинистые лапы.

Когда я прочитал подборку стихов Ольги Кашаевой (юбилейный выпуск – №10-2020), мне показалось, что стихи о Колымской трассе я уже слышал в виде песни, из тех, что слушают в рейсе шофера. Шофера – именно так с гордостью именовали водители свою героическую профессию, свою бессонную долю. Не водители. Шофера. Чуете разницу? Это как текст и рукопись. Как административно-территориальное образование и родная земля.

Это ощущение родной земли есть и во многих других подборках стихов номера, и в рассказе Петра Цветкова «Живущий здесь», и в рассказах Сергея Малашко «Бомж» и «Прилив на Нахтаче».

Мне кажется, что это и есть дух журнала – когда промороженная твердь, сопки и море говорят через людей, таких же проколевших Севером и с душою жаркой, светящейся, как железная печка в охотничьем балке. И любые нарушения этого духа, как мне кажется, режут слух. Поэтому совершенно естественным образом соседствуют страницы литературные и публицистические, и интервью. С огромным интересом прочитал интервью с Александром Нагаевым и его очерк о композиторе Владиславе Золотарёве. Интервью с художником Владимиром Мягковым, где сказаны важнейшие слова: «Магадан для меня – это духовная Родина». Интервью с Виталием Кузнецовым и Вадимом Сахибгоряевым. Здесь всё пропитано этой землёй, её историей и одновременно теми проблемами, которые, несмотря на удалённость от так называемого центра, проникают и сюда. И, конечно, удивительна история поэта Александра Сырченко – всем читателям советую прочитать беседу, которую провёл с ним Сергей Пашков – «Я очень люблю старинные книги». Ничего и не добавишь.

В номере и рассказы, и стихи разные. Есть посильнее – с литературной точки зрения, есть послабее. Не вижу смысла перечислять всех авторов юбилейного выпуска и разбирать их произведения, но скажу, что это целый мир, окунувшись в который, ты и сам становишься другим.

Есть и работы, которые, на мой сугубо личный взгляд, чужеродны духу издания. Но главное – абсолютно чужеродно моё, пусть и уместное в ином случае, выступление о нужности писателя. Почему? Да потому что в нём нет ни одного слова о Магадане! Ведь о Северомуйске мне есть что сказать. А о Магадане и Колыме – нет. Не имею права. Его ещё надо заслужить. И надеюсь, что заслужу – только после того, как доберусь до этой земли. Тогда и очерк о Магадане и его людях встанет в журнал, легко слившись с остальными произведениями в одно слово, одну песню – о прекрасной дальней северной земле, при одном помысле о которой сердце русское испытывает трепет. И рвётся в дорогу!

...Я и аккумулятор уже присмотрел. А зарядку – журнал дал.

Михаил ТАРКОВСКИЙ,
член Союза писателей России,
гл. редактор альманаха «Енисей», г. Красноярск.

Александр СОКОЛОВСКИЙ
г. Магадан

Соколовский Александр Валерьевич родился в 1969 году в Магадане.
В 1997 г. вышел первый сборник стихов «Мои настроения». В 1998 г. публиковался в московском сборнике «Душа – птица вольная», в который вошли стихи лауреатов Всероссийских фестивалей творчества инвалидов. 2000 г. – соискатель, 2002 г. – номинант международной премии «Филантроп». В 2011 г. в Магадане вышел второй сборник стихов «Такой же, как все...»
2012 г. – номинант национальной литературной премии «Поэт года 2012» (Стихира.ру), лауреат 1-го межрегионального творческого фестиваля славянского искусства «Русское поле». 2013 г. – благодарность от министра культуры РФ.

«Русские зимы – холодные зимы...»

***
По струнам зимы ударила вьюга,
Мороз от волнения руки разжал,
Но аккорды в тот час поддержали друг друга,
И волшебный ноктюрн над землёй зазвучал.

Прозрачные мелкие льдинки звенели,
Снег белоснежный под ногами хрустел,
А ноты звучали, а ноты летели,
И ветер от счастья такого запел.

Носилось крещендо от края до края,
Отсчитывал время своё метроном,
А вьюга, по струнам зимы ударяя,
Смеялась и думала о чём-то своём.

***
Опять завалили мой город снега,
Неприступною крепостью стали сугробы.
Солнца не видно, одни облака,
Серое небо – цвет непогоды.

Зима, что сказать, это вроде бы сказка,
Морозные сны на окнах повсюду,
Льётся с небес белая краска,
Снежинки парят подобные чуду.

И во дворах завывает метель –
Коктейль из печали, переживаний...
На протяжении многих недель
Уносит спокойствие в дальние дали.

***
А за окном белым-бело.
А за окном опять зима.
Весь город снегом замело.
Стоят озябшие дома.

Машины движутся гуськом
Песочно-ледяной дорогой,
Прохожие идут пешком,
Тропинкой узкой и глубокой.

Качает ветер провода.
Лютует ветер, завывая,
И кажется, что навсегда
Разбушевалась вьюга злая.

Зима! Такая озорная!

Земля укрыта белым снегом,
Который под ногой скрипит.
Деревья в серебро одеты.
Зима за окнами стоит.

Зима – колючая подруга:
То нос морозом ущипнёт,
То озорной закружит вьюгой,
То песню жалобно споёт,

Когда же льдом скуёт все воды,
Зовёт азартных рыбаков:
«Кто не боится непогоды?
Кого манит к себе улов?»

И за рыбалкой наблюдая,
Она морозит всё сильней.
Зима! Такая озорная!
С характером, как у людей...

В день крещения Христова

Трещат январские морозы,
В России снова холода,
Льют свечи восковые слёзы,
Блестит крещенская вода,

Звучит молитва тихим словом,
Народ стоит, едва дыша,
И в день крещения Христова
Вдруг очищается душа.

***
Играя по земле, зима ступала,
Гоняла ветер, снег несла,
С улыбкою узоры рисовала
На поле замерзавшего стекла.

Деревья с вьюгой говорили,
Снежинки заводили хоровод,
И тучи небо, молча, бороздили,
На море волны успокоил лёд.

Смеялась звонко детвора,
Катаясь с горки до упада,
Но ночь пришла, и до утра
Сверкали звёзды снегопада.

***
Русские зимы – холодные зимы.
Белое поле – снега да снега.
И кажется жизнь здесь невыносима.
Однако живём – и не дни, а века.

Пётр ЦВЕТКОВ
г. Магадан
Цветков Пётр Николаевич родился в 1975 году в Магадане.
По трём образованиям и призванию автотранспортник. Свою жизнь неразрывно связывает с Колымой.

Ночь в лесу

Рассказ

На сентябрьском небе столько звёзд, больших и маленьких светящихся точек, словно все искры от костра, подхваченные вихрем морского бриза, взмыли вверх и на мгновение остановились – напоказ, всем на обозрение. И от них трудно оторвать взгляд. Забываешь об усталости и ноющих от дневного перехода коленях. Слышится только треск углей в затухающем костре, и чёрное небо с мириадами звёзд перед глазами. Столько звёзд можно увидеть лишь в юности, они останутся в воспоминаниях, и с возрастом их становится всё меньше и меньше, потом они тускнеют и теряются в небесной черноте. Я пытаюсь заснуть, прижимая к себе ружьё. Постель, наскоро выстланная лапником кедрового стланика, мягка и ароматна. А в закрытых глазах – брусника... брусника, крупная, как вишня, рассыпанная бордовым ковром по белому мху. Лес вокруг затих, он устал и засыпает вместе со мной, растворяясь в темноте. Засыпают птицы и тот медведь, что не давал мне покоя целый день. Взрослый, с рыжей широкой спиной, он следовал за мной по тропе от самой избы, выдавая себя тяжёлым дыханием, треском поломанных веток и шелестом сухой листвы. Три раза он обгонял меня – срезая путь через ольшаник, оказывался впереди. Он останавливался, смотрел на меня, повернув голову назад, и, увидев моё приближение, с шумом убегал в кусты. Затем снова оказывался впереди и шёл, виляя коротким хвостом, как будто он мой пёс. На больших полянах я останавливался для сбора брусники, медведь же бродил в нескольких метрах, не поднимая головы и не обращая на меня внимания. Он ел ягоду, вытягивал длинные губы и ловко «причёсывал» брусничник. Медведь не проявлял никакой агрессии ко мне, его постоянное присутствие уже не беспокоило меня, и я начал ловить себя на мысли, что стал меньше следить за ним. А внутренний голос всё время мне твердил, что он медведь, а не моя собака, призывая к бдительности. Хотя к обеду я уже стал разговаривать с ним как со своей собакой, делясь самым наболевшим за дни, проведённые в одиночестве в лесу. И, как мне казалось, он иногда соглашался со мной, кивая своей лохматой головой. Потом был привал на обед, и мой спутник совсем осмелел и подошёл ко мне метров на пять, почуяв запах свежего варева с тушёнкой. Я крикнул, пытаясь его прогнать, а он лишь сел на зад, отвалив в сторону лапы, с шумом вдыхая ноздрями приятные запахи, и не сводил с меня глаз. И я, понимая, что такое сближение может плохо для меня закончиться, встал и начал громко кричать, пока он не ушёл. Медведь сначала отскочил на несколько метров, потом повернулся ко мне, посмотрел и обиженно рявкнул. Он побежал назад, в сторону избы, что не могло меня не радовать, давая надежду на спокойное продолжение пути и комфортную ночёвку...

Ночь обещала быть холодной, я сложил костёр из трёх толстых лиственниц и заготовил веток на подтопку. Темнело стремительно, и я сразу лёг, стараясь быстрее заснуть. Мысли о сегодняшнем общении с медведем не давали покоя, да ещё эти звёзды на невероятно прозрачном небе, от которых не оторвать глаз, потом эта брусника. И я всё ворочался, подставляя теплу от костра то один бок, то другой. А потом начался сон – цветной и яркий, в котором я увидел весь свой сегодняшний день и медведя, который разговаривал со мной. Он рассказал мне об одиночестве в лесу и о непонимании медведей людьми, и мне его стало очень жалко. Я позвал его к себе, чтобы обнять, и он стал лизать мне лицо, как преданный пёс. Сквозь сон явственно почувствовался шершавый мокрый язык на моей щеке, и ещё раз он прошёлся по правому глазу, и ещё. Меня как будто ударило током, схватив рядом лежащее ружьё, я вскочил на ноги. Я попытался закричать, но от испуга грудь сдавило, словно в тисках, и я выдавил нечто похожее на мычание. В кромешной тьме с трудом разглядел рядом со мной виляющую хвостом собаку. Это она лизала мне лицо, пытаясь разбудить. Я узнал её, это была лайка Сергея, моего знакомого, который охотился в этом районе, и мы часто встречались в лесу. Стало быть, её хозяин остановился на ночлег где-то недалеко, и собака, учуяв, пришла ко мне. Я потрепал её за ушами, она залезла мне на руки и принялась снова лизать моё лицо, потом спрыгнула и исчезла в темноте, видимо решив вернуться к хозяину. Как же хорошо, что это был не медведь. То ли от испуга, то ли от холода, тело моё стало словно чугунное: ни руки, ни ноги не слушаются, колотит озноб. С трудом оживил костёр и поставил греть воду. Я наслаждаюсь горячим чаем и жгу жаркий стланик, служивший мне ночью постелью, думаю о вчерашнем медведе, одиноко бредущему по лесу в поисках нового собеседника на ночь. На часах уже без четверти шесть, и на вершины сопок со стороны моря стал пробиваться рассвет, по-осеннему белый, предвещая утренний заморозок. Я наблюдаю, как свет, спускаясь по склонам сопок, проявляет растения и камни, окружавшие меня, вытесняя пустоту ночи, открывая мне путь домой. Эта ночь была лишь мгновением в моей жизни, одной из многих проведённых в лесу, но она останется в памяти навсегда.

Ирина ХОМКА

г. Магадан

Ученица 8 класса. Родилась в п. Ягодное. Пишет рассказы с 11 лет. Публиковалась в газетах «Северная правда» и «Интеллигент Магадан». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Рассказы

Храбрость Дружка

Однажды два друга получили в подарок домашних животных: Гриша – кошку по имени Мурка, а Костя – собаку по кличке Дружок. И вот Костя пошёл в гости к Грише, чтобы похвастаться своим новым другом. Он не успел ещё пройти в квартиру, как его собака побежала в комнату, где находилась кошка. Костя очень быстро снял своё пальтишко и ботинки, и вместе с Гришей они вбежали в комнату, потому что испугались, что Дружок накинется на кошку. Но когда они вошли, пёс и кот мирно сидели посреди комнаты и ждали своих хозяев. С этого дня у них завязалась крепкая дружба.

Костя часто приходил к Грише с питомцем. Однажды, когда он был у него в гостях, неожиданно в дверь постучала соседка и сказала, что в доме пожар и нужно срочно покинуть дом. Друзья сразу же бросились на улицу, Дружок выбежал вслед за ними. Когда они оказались на улице и огляделись, то заметили, что Мурки рядом нет, она осталась в квартире. Пожар быстро разрастался, он охватил квартиру Гриши. Мурка была в опасности. Ребята издалека наблюдали, как горит дом, и сильно беспокоились за кошку, Дружок не находил себе места, переживал за Мурку. Тут приехала пожарная машина и скорая помощь. Но ребят это не успокаивало, они всё равно боялись за кошку. И вдруг пёс храбро бросился в горящий дом.

Он нашёл Мурку. Оказалось, она в испуге забилась под кровать, надышалась дымом и уже не смогла покинуть помещение. Дружок аккуратно взял её за шкирку и побежал к выходу. Гриша и Костя не знали, что и думать. И вдруг они увидели, что пёс несёт в зубах кошку. Они радостно подбежали к своим четвероногим друзьям. Гриша взял Мурку на руки, а Костя похвалил своего Дружка за храбрость. Друзья сразу же отнесли кошку к ветеринару. Через несколько дней к Мурке вернулись прежние силы. Все были очень рады! С этих пор Дружок и Мурка не расставались, а пса совершенно заслуженно прозвали Храбрым Дружком.

Путешествие зайчонка

Ночью у мамы зайчихи появились на свет семеро зайчат. От холода маленькие комочки прижались к маме, и она их согрела своим телом, покрытым мягким пухом.

Прошло несколько дней. И однажды утром зайчата, наевшись досыта, отправились вместе с мамой в лес на прогулку – для того, чтобы научиться уму-разуму. Они спешили друг за другом, но лишь один маленький зайчонок по имени Бий загляделся на окружавший его мир и остался в стороне. Он шёл и думал о том, как прекрасен мир вокруг него, а когда очнулся, заметил, что ни мамы, ни братьев, ни сестёр вокруг нет. Зайчонок так испугался, что побежал сам не зная куда. Он бежал и бежал, пока не забрался в норку под пнём, где и провёл почти весь день.

Потихоньку начало темнеть, ведь наступал вечер. Бий пока не знал, как прокормить себя и позаботиться о себе. Он выбежал из убежища и побежал, не разбирая дороги. Вдруг он почувствовал какой-то приятный запах и быстро направился туда. Оказалось, что так вкусно пахнет морковь и капуста. Зайчонок начал их грызть, а потом задремал.

Бий проснулся от того, что его взяли и медленно начали гладить. Он не привык к людям и начал волноваться. Но, к счастью, он находился в руках у очень хорошего и доброго человека, местного лесничего Григория Степановича. Он накормил маленького зайку свежей капустой. Тот не отказался, а напротив, обрадовался и с удовольствием покушал. Наверное, зайчонок у него бы остался, но ему надо было возвратиться к своей семье.

Григорий Степанович работал лесником уже двадцать три года, и на месте Бия были многие. Он понимал, что хотели все эти зверушки, и со спокойной душой отпускал их домой, а иногда и провожал, ведь в лесу ему было знакомо каждое дерево и каждая норка.

Лесничий сделал запас моркови и капусты для Бия и его семьи. Затем отнёс зайчика к его норке, в которой пряталось всё его большое семейство. Григорий Степанович попрощался с Бием и отпустил его к родным. После чего положил овощи на землю возле норки.

Вот как бывает на Земле, что люди не только помогают людям, а ещё и животным.

Рыбохотобзор

Хожу на охоту, пишу мои вирши...
Н. А. Некрасов

Владислав СЕРГЕЕВ
пос. Лисино-Корпус, Ленинградская обл.

Сергеев Владислав – родился в 1968 году в пос. Лисино-Корпус. В 1991 году окончил Лесной техникум. Работал в лесном хозяйстве мастером и лесничим. В настоящее время работает в геологоразведке Газпрома. Публикуется впервые.

Медвежий клык

Рассказ

– Володя, как слышишь? Приём! Володя, мы готовы, приём!

Рация зашипела, потом захрипела, и, наконец, радиоволна донесла до меня запыхавшийся Вовкин голос:

– Мы ещё не встали, ещё минут десять. Как понял? Приём.

– Понял, десять минут. Конец связи.

Я присел на ствол поваленной ветром вековой сосны. Можно немного отдохнуть и набраться сил перед очередным загоном.

Осень в этом году опять балует своим неожиданным и непривычным для северо-запада теплом. Природа, наверное, перепутала времена года и с избытком разливает на нас потоки яркого солнечного света, будто извиняясь за свою летнюю скупость. Ноябрьский лес пуст и невзрачен, золотая осень, вслед за караванами гусей, унеслась вихрем листопада в прошлое, оставив массу положительных воспоминаний в душе каждого охотника. А белая сказочница зима всё никак не может, или не хочет, найти дорогу в эти потаённые леса, чтобы помочь нам прочитать зимнюю книгу зверей по их следам на белых страницах.

Чернотроп, наверное, самое сложное время для загонных охот. Никогда не угадаешь, был ли зверь в окладе, или опять впустую сотрясали воздух, распугивая своими криками близлежащие леса. В то же время охотник, вставая на номер, остаётся один на один с неизвестностью, со своими мечтами и опасениями о неожиданном звере и ответственном выстреле.

– Мы готовы. Как слышишь? Приём, – раздался Вовкин голос.

– Всё, начинаем. Конец связи.

Я встал с насиженного места, повернулся в сторону расставленных мною и потерянных из виду загонщиков и громко закричал. Мой голос эхом прокатился по уже почти заросшей многолетней вырубке, многократно усиливаясь от голосов присоединяющихся ко мне кричан. Сделал первый шаг, загон начался.

Мы уже минут сорок шли по лесному массиву достаточно ровной цепью, в надежде подтолкнуть невидимого зверя к необдуманному поступку, а именно, выходу на стрелковую линию. Голоса загонщиков становились всё менее и менее громкими, азарт начала загона постепенно угасал, не получая должного отклика от стрелков, которые упрямо молчали.

Я продвигался по уже много раз пройденному мною лесу, где всё было знакомо. Перепрыгнул ручеёк, с холодной, бурлящей водой, поднялся на пригорок, не переставая кричать, проскочил на одном дыхании небольшой участок ветровала и оказался на краю вырубки, с противоположной стороны которой метрах в ста-ста пятидесяти должна находиться стрелковая линия.

Опять пустышка, – не успел подумать я, как прямо напротив, прозвучал выстрел, а через секунду ещё, и ещё один. Голоса загонщиков сразу наполнились энергией и силой, они зазвенели в лесу с необыкновенной мощью, получив необходимую инъекцию бодрости.

Я сделал всего несколько шагов и услышал, как в мою сторону, от стрелковой, движется не разбирая дороги зверь. Почему-то подумал, что, скорее всего, было несколько лосей, и те, кому посчастливилось, уходят из зоны обстрела.

– Иваныч, Иваныч, как слышишь, приём! – заголосил Володя по рации.

– Да, Вова, слышу. Как дела, ты стрелял? – в ответ спросил я.

– Иваныч, Иваныч, там, там медведь, медведь в твою сторону побежал! Я пару раз по нему приложился плотно, попал, точно попал! – голос Володи дрожал, но скорее не от страха, а от переживания за меня, ну, уж точно не за медведя.

Я отстранился от рации, слева, где-то совсем недалеко, снова послышался треск сучьев.

– Иваныч, что делать? – не унимался по рации Володя.

– Пока никуда не сходить, всем стоять! – ответил я.

Треск слева прекратился, я постоял ещё несколько минут, вслушиваясь в пространство, пытаясь уловить мельчайшие звуки, хоть что-то бы, что выдало место нахождения зверя: шорох, стон или дыхание. Но тщетно, всё вокруг было одинаково безмолвным, лишь где-то вдали продолжал кричать одинокий, отставший загонщик.

Я снял карабин с предохранителя и вошёл в лес. «Что ж, добирать всё равно мне», – промелькнула, как теперь понимаю, опрометчивая мысль. Иногда эти мелькающие на долю секунды идеи нужно игнорировать, чтобы впоследствии не сожалеть.

Осинник был достаточно чистым, не захламлённым, видимость приличной, поэтому двигался уверенно, пытаясь найти хоть какие-то следы присутствия зверя, но всё оказалось тщетно.

Спустя минут десять мы уже стояли с Вовкой на его номере, и я слушал повествование – о том, откуда зверь появился, и куда, и как он стрелял. Посмотрели место первого падения медведя. По рассказу, а главное, по обилию крови, стало понятно, что ранение серьёзное. По цепочке передали, чтобы все оставались на своих местах, и, дабы не пугать охотников, пустили «пулю», что подранен кабан, ведь нервы не у всех одинаково крепкие.

Добор медведя без собаки сродни игре в «русскую рулетку». У бурого шансов выйти победителем в таком поединке немногим меньше, чем у человека. Поэтому мы дождались Лёшу, молодого и пока ещё малоопытного охотника, ходившего вместе с нами и натаскивавшего в загонах свою молодую сучку западносибирской лайки, одного году от роду.

Поведение собаки, впервые шедшей по кровавому следу медведя, было нервным. Она то бросалась вперёд, повинуясь своим инстинктам, то бежала обратно, поджав хвост, не в силах совладать перед страхом и ужасом, наполнявшим её маленькое сердце только от одного запаха хозяина тайги. Алексею приходилось постоянно подталкивать её к поиску: «Давай! Давай! Ищи!».

Кровавый след был хорошо заметен – кровь обильно пролилась из тяжёлой раны медведя на опавшую листву и ветви кустарников. Кое-где попадались кусочки жёлтого жира, растянутого на ветках, что ещё раз подтверждало серьёзность ранения.

И вот собака, которая до этого шла молча, сначала зарычала, а потом и залаяла своим звонким юношеским голосом, шерсть на загривке вздыбилась, а зубы оголились в угрожающем оскале.

Перед нами, метрах в восьми, обросшая со всех сторон еловым подростом, лежала поваленная ветром, уже давно высохшая ель, обнажившая во все стороны свои корявые ветви. Собака лаяла именно туда, предупреждая нас о грозившей смертельной опасности. Эта небольшая еловая куртинка не просматривалась насквозь. Я встал на колено, чтобы попытаться разглядеть хоть что-то снизу, как вдруг!

Бросок медведя был молниеносным. Какая великая мощь, какая решимость и отвага была в этой атаке! Собрав все оставшиеся силы, он кинулся в бой. Его маленькие чёрные глаза пылали ненавистью к нам, людям, пришедшим из другого мира, в его царство, его владения, где он всегда был и будет хозяином. Он бросился на нас с одной единственной целью: убить непрошенных гостей, разорвать, растерзать их, и снова жить, наслаждаясь своим величием. Он и представить себе не мог, что кто-то может посягнуть на его трон, на его иерархическое место в природе, и тем более тот, кто ходит на двух ногах. Бурый вставал на две лапы только для того, чтобы показать свою великую силу, напугать противника. Эти же, всегда ходили так, они всегда, по мнению медведя, были агрессивны и недружелюбны, и так же, всегда, трусливы.

В чём-то медведь был прав, мы живём в своём мире потребления и наслаждаемся его благами, вкушаем яства и смакуем дорогие вина, пьём не вдыхавшие много лет воздуха коньяки и обольщаем прекрасных женщин, но нам становится этого катастрофически мало. Нам негде получать драйв в современном мире, многое, что пробуждает в нас адреналин, очень опасно, и за это можно поплатиться своей головой, и мы боимся, до ужаса, до дрожи в коленках, до судорожных приступов истерической паники.

Но в этот раз медведь ошибся.

Я вскинулся почти так же быстро, как бурый бросился в атаку. Его огромная голова была единственной моей целью, ни ног, ни туловища, ничего другого не было видно, только раскрытая пасть, с блестящими на солнце клыками.

Первый выстрел не произвёл никакого эффекта на медведя, хотя я подсознательно ждал, что он свалится на землю и зайдётся в агонии, будучи поверженным.

В ту же секунду за спиной прозвучали ещё два слившихся воедино выстрела. Володя и Алексей тоже пытались остановить силой своих ружей дикую агрессию, которая неслась на нас.

Мой второй выстрел, как, впрочем, и выстрелы стоявших за спиной и невидимых мною товарищей, не нанёс никаких серьёзных повреждений зверю. Медведь приближался ко мне всё так же мощно и молниеносно.

Затвор моего браунинга, получив импульс от газоотводного механизма, в третий раз начал движение назад, чтобы подцепить стреляную гильзу и выкинуть её как отработанный материал. Сейчас он дойдёт до крайнего заднего положения и начнёт движение вперёд, подхватив на своём пути новый патрон, который через мгновение займёт своё место в тугом патроннике.

За спиной прозвучало крепкое матерное слово, а вслед за ним послышались шаги убегающих людей. Я понял, что остался в эту секунду один на один с медведем, расстояние до которого было уже метра три.

Человеческая мысль – это самый быстрый локомотив в мире, за долю секунды в голове пролетают сотни вариантов действия и находятся десятки возможных решений, из которых ты сам выбираешь одно. Верное оно или нет, ты узнаешь или не узнаешь потом.

Нажимая на спуск третий раз, я всё ещё надеялся, что хозяин тайги вот-вот рухнет к моим ногам, сражённый смертельным попаданием, и всё, всё сразу закончится: и эта сумасшедшая агрессия дикого зверя, усиленная многократно нашими попаданиями, и эта паника, и стрельба, и бешеный выброс адреналина, как стремительный водопад, заливающий всё на своем пути, и разум, и сознание, и страх.

Но медведь не упал. Он так же продолжал своё стремительное движение на меня. Делать четвёртый выстрел было уже смертельно опасно, если и он не возымеет никакого действия, то бурый будет уже на мне.

Я, позабыв о своих болячках и травмах, как в молодости, резко, насколько позволяют человеческие возможности, отпрыгнул в сторону, чудом избежав контакта с правой лапой медведя, его мощные когти прошли буквально в миллиметрах от моего живота. Хозяин тайги среагировал на мой прыжок молниеносно, развернувшись и пытаясь схватить меня за ногу своими мощными клыками. Ему не хватило сантиметров десяти, чтобы отомстить за свои муки и страдания хотя бы одному обидчику. Десять сантиметров отделяло меня от серьёзных неприятностей, возможно, с тяжёлыми последствиями. Десять сантиметров, как это много было в ту секунду для уже теряющего свою силу и мощь медведя, и как мало для меня, пытавшегося ускользнуть от его дикой силы.

Я сделал три-четыре прыжка в сторону, ни на секунду не выпуская оппонента из виду. Наши выстрелы и попадания, всё же хоть и не сразу, но возымели действие. Его сил хватило только на эту отчаянную атаку, с каждым прыжком, с каждым шагом он становился всё медленнее и медленнее.

Я развернулся и вскинулся, чтобы закончить, теперь уже точно закончить эту охоту. И в это время прозвучал выстрел: Вовка, вернувшийся на поле битвы после, как потом выяснилось, перекоса гильзы, нанёс зверю ещё одно смертельное ранение. Медведь перевалился через дерево, лежавшее на его пути, перевернулся через спину, снова встал и был сражён окончательно выстрелом из моего браунинга.

Всё закончилось. Навалилось какое-то бесконечное опустошение, давившее всей своей невидимой силой на моё подсознание. Я стоял, держа «на мушке» бездыханное тело зверя, прокручивая в голове всё то, что произошло с самого начала. Как же долго происходило всё это действо. С первого и до крайнего выстрела, наверное, секунд семь, может, десять, не больше.

Минут через пять пришёл Алексей, явно испытавший проблемы с самообладанием. Он, ещё мало чего повидавший в своей охотничьей жизни, стрелял не вскидываясь, прямо от пупа, нанеся, как потом оказалось, два не смертельных ранения сосне, растущей рядом. Вовкины первые выстрелы тоже растворились в неизвестности, не принеся никакого вреда медведю.

Я не смог найти одну из своих пуль, запустив её куда-то в тёмный лес. Две другие же оставили свои следы: первая в виде шрама, сантиметров двенадцать, на лбу медведя, срикошетив от толстой лобной кости зверя – сказался угол стрельбы, снизу вверх, а вторая попала в рот, раздробив зубы нижней челюсти слева.

Собака, так нам помогшая, пришла последней. Ей явно, как и хозяину, не хватало смелости, чтобы просто подойти к бездыханному медведю. Алексей всё дразнил её и дразнил, пытаясь разжечь страсть и агрессию, но она была безучастной. Страх перед великим зверем был сильнее.

Осенний день постепенно угасал, пряча свои краски в вечернем сумраке багряного заката, предвестнике скорых северных ветров, несущих на своих плечах безмолвие грядущей зимы. Снегопады скоро закружат свои бесконечные карусели, навсегда заметая следы наших неравных сражений с природой, в которых мы зачастую оказываемся победителями. И скрывая белым покрывалом ранения наших душ в этих беспощадных боях...

Юрий ЖЕКОТОВ

г. Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край

Жекотов Юрий Викторович. Член Союза писателей России. Автор 6 книг прозы. Публиковался в журналах «Берега», «Дальний Восток», «Мир животных», «Молодая гвардия», «Охота и охотничье хозяйство», «Охотничьи просторы», «Подъём», «Приокские зори», «Российский писатель», «Север», «Южная звезда», «Юный натуралист» и др. Лауреат ряда международных и национальных литературных премий. Почётный работник общего образования РФ. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Тигриная любовь

Рассказ

Ужаснуться на бороду, глянув в ручей,
Топором попытаться побриться.
Партитуру расписывать для снегирей
И разучивать соло с синицей.
И рвануть напрямки, кувырком, в бурелом,
Штурмовать кабарожьи отроги.
И, распадки крестя и хрипя над хребтом,
Прорываться к хасанской дороге...

Василий Солкин

К сожалению, очень уж мало осталось в мире мечтателей и романтиков, кто, презрев все блага «развитой цивилизации», предпочитает шастать по землице в поисках синей птицы или философского камня... Кто-то из этого людского племени забирается глубоко в тайгу, собирает дополнительную информацию о колоритном звере российских лесов – буром медведе, другой щедро тратит бесценное время скоротечной жизни на изучение дорогостоящего представителя семейства куньих – соболя...

Васе Солкину, молодому сотруднику солидного учреждения с длинным названием Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, отчего-то сразу приглянулись вроде ничем особым непримечательные когтистые тритоны. Изучая

биологические особенности этих краснокнижных представителей семейства саламандр, начинающий исследователь делал открытие за открытием...

– Динозавры не вымерли! Их ещё можно найти на отдельных малодоступных Сихотэ-Алиньских хребтах! Правда, остались только их самые малые представители. Когтистый тритон – это вам не ахти чего, а показатель состояния экологии региона! – хриплым то ли от простуды, то ли внутреннего возмущения голосом, порой горячась, доказывал Солкин оппонентам с высокими учёными званиями и степенями из института важность всестороннего научного изучения этого вида пресмыкающихся.

– Уссурийские саламандры – немногие из современных представителей фауны планеты, кто сумел заглянуть в наш век из эпохи первобытных ящеров. Сейчас когтистые тритоны ведут ночной образ жизни, обитают только в заросших мхами галечниках и в непорубленных, обойдённых пожарами истоках горных ключей. Они реагируют на все изменения в ареале обитания, а при малейшем нарушении баланса в экосистеме и вовсе пропадают. Эти пресмыкающиеся, достигающие длины тела всего 10-15 сантиметров – барометр благополучия местности, свидетель, если хотите, редких теперь на земле оазисов первозданной природы...

С большим трудом выхлопотав очередную длительную «таёжную командировку», Василий разработал маршрут экспедиции, который мог бы позволить обнаружить новые места обитания «вымирающих динозавров». В научное путешествие исследователь отправился сначала по железной дороге до районного центра, затем на автобусе до небольшой, притулившейся к Кедровому хребту деревушки. Откуда, в свой черёд, отыскав проводника, ушёл по распадку в верховья безымянного ключа. Здесь учёный подлатал-поправил заброшенную лесную избушку, где и обосновался.

Была у Василия, как и у любого настоящего романтика, «грандиозная» мечта, какую он пока доверил только нескольким друзьям – раскрыть секрет дыхания когтистых тритонов – единственных в Евразии животных, не имеющих лёгких и жабр и осуществляющих дыхание только кожей. Этот способ усвоения кислорода, считал исследователь, ни много ни мало, а в экстремальных ситуациях мог бы пригодиться и человеку, а со временем, вероятно, и стать основным.

«Одноглазым циклопом», как, наверное, он виделся летучим мышам и совам из-за прикреплённого ко лбу фонарика, вооружённый капроновым сачком, Василий по ночам шарил по затаённым местам и схронам ключа: отлавливал водных ящерок, делал необходимые измерения тела, температуры, изучал рацион питания пресмыкающихся, проводил различные научные эксперименты... Днём учёный кашеварил, умудряясь разнообразить меню на одну персону таёжными деликатесами... В оставшееся свободное время, ожидая, когда над тайгой сгустятся сумерки и редкие пресмыкающиеся вылезут из своих убежищ, бренчал на «семиструнной» – своей постоянной преданной спутнице и, сочиняя куплеты к новым песням, созерцая небесную высь, курил, пуская изо рта колечки дыма, похожие то ли на тарелки инопланетных летающих кораблей, то ли на загадочные обручи далёкого Сатурна.

На третью бессонную ночь научно-плодотворного вторжения в саламандровые владения исследователь уже собирался выходить из ручья, когда, сделав только несколько шагов от воды, услышал угрожающее рычание зверя. Какому-то, судя по голосу, крупному обитателю тайги не понравилось соседство человека, о чём он сейчас недвусмысленно заявлял. Вася, попятившись, вернулся к исходной точке на ручье и, преодолев несколько десятков метров по отшлифованным столетиями скользким валунам, рискнул ещё раз выбраться на обрывистый прибрежный склон. Но и его новая попытка пресеклась тем же угрожающим звериным рыком. Обладатель жуткого голоса теперь показался и сам – тигр смело и бесцеремонно рассматривал непрошеного гостя.

После недолгого замешательства Василий несколько раз громко крикнул, пытаясь отпугнуть хищника, но в ответ тигр лишь вздыбил на загривке шерсть и страшнее оскалил пасть... Когда диалог на повышенных тонах не сложился, учёный заговорил с полосатым хозяином тайги тихо и спокойно, пытаясь убедить хищника в своих самых добрых намерениях. Тигр внимательно слушал незнакомую человеческую речь, вроде бы успокоился, но оставался рядом и при новых попытках исследователя покинуть водоём делал несколько шагов навстречу. Только когда проснулись и возмущённо защебетали ночевавшие в прибрежных ивовых зарослях вставшие недавно на крыло птицы-овсянки, усатый владыка снял осаду и позволил молодому учёному вернуться к избушке.

Оставшись в одиночестве, тигр заинтересованно спустился к ручью. Пытаясь понять, что понадобилось человеку на её участке, дикая кошка тщательно обнюхала след от сапога, затем прошлась вдоль берега ключа, проверила на ощупь студёную воду, «брезгливо» сунув в прозрачный омуток когтистую лапу, преодолев неприязнь, зашла в воду поглубже, не поленилась, поймала и попробовала на вкус одного тритона. «Какие же они склизкие и безвкусные!» – фыркнув, подумала полосатая кошка.

Молодая тигрица ещё только набиралась таёжного опыта, но уже знала, что все птицы и звери обязательно занимаются какими-то важными делами и впустую не шастают по лесу. За год самостоятельной жизни тигрица, повзрослев, ушла от матери, было лишь одно исключение из правил – полосатый самец, прошедшей зимой праздно гуляя по тайге, притащился в гости. Он вёл себя очень нагло, навязывая свои ухаживания, и тигрица, не оставшись в долгу, расцарапала нахалу морду. А теперь вот этот чудак, совсем непохожий на тигра, уже какую ночь копошится в её ручье. Чего он на самом деле хочет, чего притворяется? Почему он так неуклюже ходит на двух ногах? Как у него странно ярко по ночам светится единственный глаз! На берегу дикая кошка, тщательно стряхнув

с рыжей шубы остатки воды, топорща усы и удивлённо наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, ещё долго не мигая смотрела вслед человеку.

Днём Василий провёл своё расследование ночного происшествия. По отпечатку лапы на илистом берегу реки, имеющему продолговатую форму, и незначительно выраженному среднему пальцу, учёный установил, что рядом с ним живёт молодая тигрица. Не отступив от своих планов, но подстраховавшись, в ближайший «ночной вояж» Солкин вышел с ружьём, предполагая в случае агрессивных действий своенравной тигрицы отпугнуть последнюю выстрелами. Но оружие доставляло массу неудобств: при каждом наклоне вперёд ствол, вправляя мозги, тюкался по «мозжечку», перевешенное же поперёк тела оружие давило на грудную клетку, стесняя дыхание. «Начертыхавшись» и набив шишек на затылке, Василий оставил ружьё на обломанном суке приметного старого ясеня и, увлечённый работой, забыл о возможных угрозах, исходящих из леса.

Где-то в середине исследований, когда «энная» когтистая саламандра была досконально измерена и отпущена, учёный расправил натруженную спину и обомлел: среди зарослей берегового орешника мерцал направленный прямо на него лучик света. «Огонёк слабый – видно, совсем подсели батарейки фонарика за время долгого скитания по тайге его владельца», – сделал первоначальный вывод исследователь.

– Это кто там? Эгей! – окликнул незнакомца Василий. Обладатель осветительного прибора так и не подал голоса, на время пропал, но вскоре тусклый лучик проявился немного в стороне.

– Хорош шутить. Не смешно! – Василий попробовал образумить упорно хранившего молчание чужака. «Выгоревшая фара» на несколько секунд исчезала, но упорно проявлялась каждый раз на новом месте. Исследователю становилось немного жутковато. «Если это человек, то как сюда добрался – это место знакомо далеко не каждому. И что за «игры» он устроил с фонариком? Почему он игнорирует участвовать в разговоре? Может, он немой или сумасшедший? Да и человек ли?» – рассуждал Василий. Учёный на всякий случай потряс головой, чтобы убедиться, уж не мираж ли перед глазами, и соотнести с реальностью всё, что с ним сейчас происходит.

– Ты кто такой? Человек, нет ли? – Василий вновь, уже попадая под власть «мистически» развивающейся ситуации, адресовал свой вопрос в безгласную неизвестность... Лес молчал, и ни один шорох не выдал таинственного пришельца. Василий осторожно, почти крадучись, добрался до ружья и, крепко сжимая в руках оружие, постоянно оглядываясь, посчитал благоразумным раньше срока закончить исследования и ретироваться в избушку. Отступая, Василий несколько раз запинался о «замаскированные» лесины и пни, падал, но всё время сопровождавший его владелец фонарика сохранил дистанцию, не воспользовался беспомощностью учёного. На всякий случай Василий понадёжнее подпёр дверь зимовья и положил у выхода остро заточенный топор, чтобы при необходимости достойно встретить неприятеля. Только в избушке Солкин заметил, что при падении глубоко рассёк запястье руки. Делая перевязку, Василий всё время прислушивался: не приблизился и не собирается ли начать штурм его убежища неизвестный?

Дождавшись утра, загнав в оба ствола по пулевому патрону и набив боеприпасами карманы, Василий осторожно вернулся к месту появления «нечистой силы» и, проявив пинкертоновские способности, постарался найти причины её проявления. Но сколько ни искал, сколько «ни принюхивался» новоявленный сыщик, среди ясеней и кедров он обнаружил только следы тигра. «Тигрица, устроив какую-то непонятную игру, жмурит или, пряча один глаз за стволы деревьев, вторым семафорит ему. Неужели подражает свету фонарика, принимая меня за какое-то одноглазое существо...», – удивляясь необычному поведению животного, начал догадываться Василий.

К следующему вечеру неожиданно раскраснелась и распухла на месте пореза рука, но Василий надеялся, что всё «срастётся само собой», продезинфицировав и перевязав рану, вышел в ночное к ручью. Работать одной рукой было неудобно, вдобавок сбилась повязка с раны, и та вновь закровоточила, а тут и как назло, видно, чувствуя его частичную недееспособность, на «свет божий» выползли самые необычные по форме и раскраске особи тритонового царства. Забыв о травме, Василий резко среагировал на очень даже «габаритный» экземпляр саламандры с длинным бугристым хвостом, включив в действие хворую руку. Пресмыкающееся скользнуло по больной руке, задев своей кожицей рану, и исчезло в пещерке между развалинами камней.

Руку пронзила резкая боль, которая отдалась во всём теле. Не сумев сдержаться от болезненных ощущений, учёный закричал и инстинктивно сунул пострадавшую конечность в воду. Но и это не помогло: скопившаяся на шкуре тритона водоустойчивая «ядовитая» слизь уже впиталась в рану. Подстёгиваемый болью, не переставая орать и игнорируя всё время находящуюся рядом «подмигивающую» тигрицу, учёный устремился в спринтерский забег: лихо преодолев дистанцию с препятствиями до избушки, неприкаянно метался от одной стены к другой, «ходил по потолку», дико выл, хрустел зубами, изо всех сил сжимая гнилую деревяшку... адская боль не стихала несколько часов, и только ближе к полудню изнеможённый и уморённый учёный забылся праведным сном.

Во время незапланированного происшествия с двуногим гостем, когда тот издал громогласный вой, полный ужаса и боли, встревоженная тигрица незамедлительно большими прыжками понеслась к нему на помощь, беспокойно сопровождала. А когда человек скрылся в своём бревенчатом строении, взобравшись на крышу лесного домика, грозно рычала, осматривая округу, чтобы найти возможного противника двуногого и наказать его.

Проснувшись, учёный приятно потянулся, вспомнив о вчерашних страхах и немощи, с интересом посмотрел на ладонь – о ране напоминал лишь слабо видимый розоватый рубец. Прикосновение к тритоновой шкуре было сверхболезненно, но имело эффективное лечебное воздействие.

Тигрица больше не пугала странника. Постепенно она взяла на себя функции хозяйки. Обошла лесной участок вокруг избушки и тритонова ключа, пометила владения, чтобы случайно не сунулся другой тигр или бурый медведь. Пока двуногий «будоражил живность» в полуночных творческих командировках, выловила возле избушки несколько полёвок и чёрную крысу, делающих вороватые набеги и портивших ему съестные припасы. Заметив, что учёный давно не кушал мяса, задавила и принесла к самому порогу избушки подсвинка.

Тигрица всё чаще попадалась на глаза человека. При встречах в тайге, чувствуя немного испуганный, но всё же больше восторженно-восхищённый взгляд двуногого, дикая кошка на минуту-другую замирала, грациозно выставив напоказ янтарно-оранжевого цвета с тёмными поперечными полосами царственную мантию. Избрав себе постоянное место лёжки под пробковым деревом – амурским бархатом – недалеко от избушки, затаившись, полосатая хозяйка впервые в своей жизни слушала положенные на ноты песни об известных ей картинах: о кабарожьих отрогах, о изюбрином рёве, о хмуром кедре... «Марго», – дал имя хозяйке тритонового ключа Василий. Человек и зверь постепенно привыкали друг к другу.

Изучения тритоновых секретов шли своим чередом, и недели через три учёный решил наведаться в деревню, чтобы пополнить «научно-исследовательскую» базу продуктами и созвониться с домом, сообщить на «большую землю», что всё с ним благополучно. После возвращения из таёжного села добавилась ещё одна «головная боль»: Лариса, необыкновенно красивая девушка, с которой они уже год как познакомились и встречались, непременно хотела навестить его. Все увещевания и просьбы ещё немножечко подождать, что он живёт как спартанец, что здесь совсем отличные условия от городских, что, наконец, нужно идти через тайгу, не смогли убедить её отказаться от задуманного. И сейчас Василий наводил марафет в избушке и её окрестностях, готовясь к встрече.

С утра влажный туман густел, концентрировался в тяжёлые свинцовые сгустки, плотно застилая небосвод. По слабой мороси к обеду, когда Василий добрался до деревушки и встретил Ларису, ещё сложно было догадаться, какие сюрпризы готовит непогода. Тайфун не был капризным и переменчивым, а обрушился всей своей мощью на приморскую тайгу. Шквалистый ветер пытался разорвать одежды и бесконечно бросал в лицо ушаты воды. Распадок, которого обычно Василий придерживался, возвращаясь к избушке, стремительно наполнялся водой. Пришлось сойти с тропы, чтобы не попасть в вскипевший водоворотистый поток. И вскоре потерялись привычные ориентиры, смешались, перепутались стороны света, минуты и часы... Василий ещё не признавался себе, что они заблудились, и, стараясь сохранять хладнокровие, оберегал Ларису от ударов веток деревьев, надеясь больше на интуицию, продолжал движение... Неожиданно совсем рядом, буквально в трёх шагах от них, засветил знакомый тусклый фонарик, Марго пришла на помощь и сейчас выводила их.

Если все большие и малые превратности судьбы и «природные стихии» удачно преодолеваются, то их негативная составляющая быстро забывается. Тайфун, побуйствовав да поистощившись, откатился набирать силы обратно в Японское море. И солнечное утро превратило вчерашние страхи в триллионы сверкающих бриллиантов, разбросанных в остатках капель по веткам деревьев и кустов.

– Ты зарос и больше похож на лешего. Если так пойдёт дальше, то совсем одичаешь, – выражая лишь показное неудовольствие, обворожительно смотрела на своего избранника Лариса, не зная, что Василий загодя, желая произвести достойное впечатление и продемонстрировать какую-никакую, но всё-таки интеллигентность, старательно ровнял бороду и волосы. Правда, за отсутствием зеркала пришлось стричь локоны, глядючи в водную заводь.

Пробыв два дня на лесной заимке, надышавшись чистым смолянистым воздухом, изучив все местные достопримечательности, немножко заскучав, Лариса озвучила и основную цель своего приезда: «Здесь, конечно же, прекрасно! И находиться здесь просто здорово! Но это не может продолжаться вечно. Вася, ты же человек, а не зверь. Тебе нужно подвести итоги, заявить о себе как об учёном. У тебя же столько открытий! Чего ты застрял в лесу? Люди должны жить с людьми. Как хочешь, но обратно я одна не поеду».

Уступая пожеланиям девушки, Солкин начал свёртывать научную работу. Сейчас в нём боролись противоречивые чувства: с одной стороны, он соглашался с лаконичностью рассуждений Ларисы и не хотел терять девушку, с другой стороны, понимал, что поступает предательски к своим исследованиям, к загадочным тритонам, к тигрице Марго... Собираясь в дорогу, учёный всё-таки надеялся вернуться в этот замечательный таёжный распадок. Ещё многие нераскрытые тайны когтистых тритонов ждали своего часа...

Шуба тигрицы была раскрашена теми же красками осени, что и первые опавшие листья. Люди заметили Марго только когда подошли вплотную. Хозяйка тритонового ключа, перегородив им путь, улеглась поперёк тропы и выжидающе замерла. Настроение хищницы выдавали лишь по-змеиному беспокойно играющий кончик хвоста да налившиеся недовольством пронзительно-чёрные шмели, затаившиеся в уголках глаз и вот-вот готовые сорваться с места и ужалить.

Тигрица с вызовом смотрела на женщину, затем обиженно перевела взгляд на Василия. Марго думала, что этот двуногий романтик останется и они вместе будут сочинять звуки, вливая свои голоса в таёжную музыку. А выходит, он обманывал, когда пел, что так влюблён в эти места: в таёжный рассвет, в осенний хрусталь рек, в бесконечные цепочки хребтов... И сейчас невесть откуда взявшаяся соперница уводила лесного скитальца...

– Марго... так получается... извини, но я должен идти... – Василий, так и не найдя нужных слов для зверя, посмотрев на красивые вьющиеся локоны и сейчас испуганный взгляд девушки, и вселяя ей уверенность, крепче обняв за плечи, добавил: – К людям...

Охомутавший живописную морскую бухту Золотой Рог разномастными на любой причудливый вкус и толстый кошелёк строениями, город Владивосток туманил мысли броскими вывесками, отвлекая от всяческих прочих идей, многообещающе манил яркими афишами и рекламными плакатами.

В институте дела шли своим чередом. Из кабинетов доносились мудрые фразы, суетливо, спеша везде поспеть, хлопали дверьми лаборанты и аспиранты, более важно и степенно передвигались заведующие деканатами и кафедрами. Дождавшись приёма у своего непосредственного руководителя, Солкин вкратце отчитался о поездке.

– Давай закругляйся со своими ящерицами. Кому они нужны? Ты пойми, тритоны – это не перспективно. Есть ли они, нет ли, никто ими не интересуется, – сделав паузу и вскинув руку вверх, словно устремился в долгий марафон, неся при этом только видимый ему факел, руководитель продолжил, обозначив цель сего длительного забега: – Коммерция, брат! И мы с ней должны считаться. Привлечение денег, новые гранты, международные проекты – вот на что нужно нацеливаться! А институт, дорогой мой товарищ, почти что на самофинансировании. Замахнулся бы ты, Вася, на хищника покрупнее, тут бы и спонсор отыскался, и перспектива, – нетерпеливо дослушав доклад, неожиданно безапелляционно высказался руководитель.

– На ниве жизни у каждого свои горы, которые нельзя обходить. Как альпинисту, нужно карабкаться вверх. Покорить. Освоить. Понять. Вот и моя гора – пережившие века динозаврики. Пусть они и крохотные с виду тритоны, но всё равно гора. И для науки они представляют не меньший интерес, чем любое другое животное, а в каких-то вопросах и большее значение... – пробовал привести аргументы в пользу продолжения работы по изучению редкого вида уссурийских саламандр Солкин.

– Ладно, чудак-человек. Как хочешь, а денег под твоих ящериц институт больше не выделит. Тебе нужно сделать выбор, – уже не внимая возражениям, уверенный, что у подчинённого нет другого выхода, как согласиться с ним, вынес окончательный вердикт начальник.

– Они нужны... они же вымирающие... – бормотал себе под нос Василий, выходя из кабинета. Пусть не в ближайшее время, но он ведь рассчитывал продолжить свою работу по изучению тритонов. А теперь...

Вечером к Солкину заскочили приятели. В комнате, обставленной современной мебелью, сильно погрустневший сотрудник института чувствовал себя неуютно, словно забытое слово, что вздумало вернуться в азбуку, где всё намешано и учат нынче другим истинам, как сорванный на лесной опушке для короткого созерцания, ради баловства, а теперь увядающий цветок...

– Столько дней пробыл в тайге! Выдержал! Наверно, тянуло домой? – обрадовавшись возвращению товарища, спросил, похлопывая по плечу один из друзей.

– Нет, если честно, даже не хотелось уходить. Там правда, там ничего не надо придумывать и лгать, там ничего не продаётся, – не таясь, говорил исследователь.

– Но всё-таки ты пересилил себя и вернулся! – попытался свести к шутке разговор товарищ.

– А я, наверное, не вернулся... – выдохнул, никак не реагируя на весёлый тон, ещё больше становясь сумрачнее Василий...

Лариса находилась всё время рядом, молчала, переживала, старалась предвосхитить желания своего избранника, а Василий вроде бы и был здесь, но, не умея совладать с собой, всё чаще отрешался от реалий и оставался там, в своих мечтах и мыслях. И девушка понимала, что он не сможет всегда быть подле неё, не обрюзгнет в домашней суете и, тяготясь размеренностью и распорядком семейного быта, будет убегать в свою бескрайнюю тайгу, к безымянным речкам и нехоженым хребтам. Но Лариса уже знала: с этим можно мириться, научиться ждать, а лучше заразиться его увлечением...

– За динозавров Сихотэ-Алиня... за тигрицу Марго... за тритоновые ключи... как жахнем... жахнем... жахнем... – будто рвались струны, не выдержав высоких аккордов новых песен, звенел хрусталь в руках гостей, а хозяин, пытаясь забыться и не пьянея, поднимал всё новые тосты за обитателей тайги...

Необъезженными скакунами неслись по бесконечным бирюзово-синим степям непослушные облака. Притягивая к себе свободный и непокорный взгляд, не убаюканная столетиями говорливая река, прорезав могучий таёжный хребет, устремилась напрямик к морю. Схороненный до времени под листьями папоротника-трёхлистки, по древним китайским легендам сбежавший от императорской опеки, похожий своей подземной частью на человечка – магический корень жизни – женьшень теперь смело надел видимую издалека красную шапку. Тигрица Марго улыбалась первым сентябрьским дням и то и дело счастливо поглядывала вдоль распадка, где после небольшого перерыва над избушкой у тритонова ключа под покровом таёжных картин вызовом для городских «цивилизованных» нравов вновь раздавались слова песен...

И пижама, и тёплый плед
Дома брошены – я готов
Превратиться в тигровый след,
Подстеречь изюбриный рёв...

Мы с тобою – тайги корабли.
Я подставлю другу плечо,
Завтра нас Сихотэ-Алинь
С гребня сопки в распадок качнёт...

Дмитрий ПОБЕДИНСКИЙ

д. Крутец, Устюженский район, Вологодская обл.

В прошлом – инженер-программист, страстный охотник. Ныне – хозяин гостевого дома на Вологодчине, охотник-натуралист. Автор рассказов о природе и охоте. Публиковался в журналах «Охота», «Русский охотничий журнал», «Северо-Муйские огни».

Медвежьи ягодки

Рассказ

За окном мело. Кутаясь в воротники, отворачивая лица от злых порывов ветра, брели куда-то редкие прохожие. За моей спиной, в коридоре, раздался дробный топоток маленьких ножек – внучатки наперегонки вбежали на кухню.

– Деда, деда, дай морсу из медвежьих ягодок!

Вмиг куда-то отступила, съёжилась зима, повеяло солнечным теплом и радостью. Наполнив кружечки брусничным морсом, я расставил их перед детьми, рассевшимися у стола и весело болтавшими ножками.

– Вот, мои хорошие, пейте – не разлейте!

Такая уж у нас с ними сложилась приговорка – набегавшись, наигравшись, нашумевшись, они пьют с жадностью, ухватив кружечки обеими руками. Пьют взахлёб, едва переводя дыхание, не в силах оторваться. Анютка пьёт, зажмурив от удовольствия глазки, а Ванюша смотрит на меня во все глаза, словно хочет о чём-то спросить, да никак не может пока оторваться.

Но вот, наконец, ему это удаётся. Он ставит кружечку на стол – над верхней губой у него яркие розовые «усики» из брусничного морса – и просит:

– Деда, расскажи, как вы с бабушкой у медведя ягоды собирали!

Это тоже традиция – каждый раз, усаживаясь пить морс, ребята задают этот вопрос и снова с удовольствием выслушивают мой рассказ. Так, видимо, морс вкуснее.

***

Этот спелый сосновый бор-беломошник мы с женой заприметили давно, в одну из самых первых наших поездок в Карелию. Он был очень красив, этот бор – той особенной величественной красотой, которая отличает северную природу: строгую, неяркую, но потрясающе глубокую и гармоничную. Высокие, ровные стволы сосен устремлялись ввысь, словно колонны, а над ними смыкались, подобно узорчатым сводам, их густые кроны.

Земля в этом бору поросла светлым ягелем, в котором то тут, то там виднелись тёмно-зелёные пятна брусничника – прихотливые, как узоры на дорогом восточном ковре.

Посреди бора вздымался продолговатый холм – такие в Карелии именуют сельгами – тоже поросший соснами. Поднявшись на вершину этой сельги, мы оказывались словно на острове посреди кипящих зелёных волн – высота, на которую мы поднимались, возносила нас над кронами. Выше нас теперь были только сосны, росшие на гриве сельги – не такие высокие и стройные, но заметно более ветвистые, разлапистые: ветер часто трепал их, поднявшихся выше своих собратьев там внизу.

Нам очень полюбился этот бор и всякий раз, отправляясь на дальние старые, густо заросшие вырубки, где плотно держались тетеревиные выводки, мы делали небольшой крюк, чтобы пройтись по мягкому мху под высокими соснами, подняться на вершину сельги и оттуда, сверху, полюбоваться плавно колышущейся зеленью сосновых крон.

А потом в бору сильно зашумело, загрохотало, остро запахло бензином, дымом и соляркой: пришли люди с бензопилами и топорами, приполз, лязгая и коптя дымным сизым выхлопом, старый трелёвочный трактор.

Завыли бензопилы, вгрызаясь в стройные стволы, застонали, зашумели в последний раз кронами падающие сосны. Раздались гулкие удары стволов о землю, затрещали ломающиеся сучья. Перепуганные, разлетелись прочь птицы, разбежались и попрятались лесные обитатели.

Потом всё стихло. Люди ушли, забрав с собой поверженные сосновые стволы и оставив после себя пустошь, покрытую сплошным слоем щепы, вывороченных корней, обрубленных сучьев и всякого мусора. То тут, то там валялось промасленное тряпьё, лежали какие-то ржавые железки, свивались змеиными петлями обрывки тросов.

Над этим захламлённым пустырём возвышалась неожиданно обнажившаяся сельга, на вершине которой сиротливо торчали несколько чудом уцелевших кривоватых сосен: всё, что осталось от величественного бора. На самом верху сельги чернел громадный старый вывороченный пень – выворотень. Когда-то здесь росла величественная сосна. Потом время и ветер подточили, обрушили могучее дерево и теперь его корявые корни тянулись к небу, словно воздетые в безмолвной мольбе руки.

***

Ошеломлённые, онемевшие от внезапного горя, мы стояли на краю этого страшного пустыря, с трудом сглатывая подкатывающие слёзы. Контраст между той красотой, которую мы были готовы увидеть, собираясь заглянуть в любимый нами бор, и этой искалеченной, изуродованной землёй, был чудовищно, до острой боли велик.

Несколько лет мы не могли заставить себя наведаться в этот угол. Собираясь на дальние тетеревиные вырубки, мы старательно выбирали обходные маршруты – лишь бы снова не видеть этой тягостной, больно ранящей душу картины.

Однако время шло. Природа – эта великая, мудрая целительница, принялась неторопливо и обстоятельно заживлять нанесённую ей человеком рану. Ветер разносил легчайшие семечки сосен, оставшихся стоять на сельге. Они падали на обезображенную, заваленную щепой и сучьями землю. Некоторые из них погибали, так и не попав в почву, но их было много, и вот некоторым из них удалось пустить тоненькие корешки, зацепиться, наконец – проклюнуться и выбросить к небу маленький, хрупкий росток. Эти росточки тянулись вверх, крепли – и вот уже поднялись над останками былого бора невысокие, пока лишь по колено ростом, сосенки.

Кустики брусники не отставали. Прежде, находясь в тени сосновых крон, они были робки и скромны. Теперь, когда солнце пригрело их подставленные небу листья, брусничные кустики бросились в рост. За считаные годы они покрыли склоны сельги сплошным зелёным ковром, пробились кое-где сквозь мусор, оставшийся после вырубки. Белёсо-серая, безжизненная пустошь стала зеленеть, наполняться жизнью. В начале осени, когда на бруснике созрели густо-красные, сочные и очень крупные ягоды, на вырубку подтянулись птицы – рябчики, тетерева, глухари. Ягоды хватало всем, и птицы подолгу кормились, а после рассаживались на окаймлявших вырубку деревьях и отдыхали.

Однажды вечером, когда уже сгущались сумерки, на край вырубки вышел, спугнув кормившийся брусникой тетеревиный выводок, медведь. Это был взрослый, крупный, с лобастой головой, самец. Он неторопливо походил по вырубке, попробовал ягод то в одном, то в другом месте, а потом направился к ближайшему склону сельги. Там он долго с удовольствием кормился ягодами, всасывая и обрывая их вместе с листьями мягкими, длинными губами, топтался, чмокал и удовлетворенно фыркал. Насытившись, он подошёл к лежавшему на вершине выворотню, потоптался там немного и улёгся в ложбинку, образовавшуюся при падении дерева. Там было хорошо – уютно и безопасно. Лёгкий ветерок издалека приносил различные запахи, и ничто не мешало медведю слышать даже самые отдалённые звуки.

Так он поселился на вырубке. Корма для того, чтобы подготовиться к зиме, здесь было достаточно, люди в этот глухой угол больше не заходили – его ничто не тревожило. Иногда он ходил напиться к ближайшему ручью, никуда не торопясь, с удовольствием ел бруснику, а затем уходил спать в густой ельник, окаймлявший вырубку с одной из сторон, или отдыхал, лёжа на своём излюбленном месте на вершине сельги.

***

Мягким солнечным вечером в начале сентября, слегка утомлённые, но довольные мы вновь возвращались с «дальних вырубов» после удачных поисков тетеревиных выводков. В этот вечер солнце светило так ласково, день был такой хороший и тёплый, мы были в таком благодушном настроении... Что-то неудержимо влекло нас заглянуть на вырубку, посмотреть – что там происходит. Неспешно шли мы по лесной дороге, прислушиваясь к отдалённому посвисту рябчиков. В глубине души зародилось и с каждым шагом росло волнение – что-то ждёт нас впереди, на вырубке? Уж очень остры были воспоминания о страшной картине разрушения на месте великолепного бора.

Но вот она – вырубка. Мы остановились на самом краю и осмотрелись. Вроде бы всё было так же, как и раньше, когда мы в последний раз видели её. Но нет – многое изменилось! Щепа, покрывавшая землю, потемнела от времени, стала меньше бросаться в глаза. Кое-где её уже покрыли густо-зелёные пятна брусничника с вкраплением красных пятен – плотных, крепко сбитых гроздей брусничных ягод. Крошечные сосенки тянули к небу свои макушки и веточки, покрытые длинными нежными сочно-зелёными иголками. А впереди густо зеленела своими склонами, сплошь поросшими брусничником, сельга.

Жизнь возвращалась на вырубку! Мы снова и снова обводили её взглядом, с жадностью примечая все приметы возрождения. Каждая травинка, каждое деревце, каждый листик или ягодка наполняли сердца радостью.

Жена наклонилась, сорвала гроздь ягод, положила в рот.

– Какие вкусные! Спелые, сладкие. Пробуй...

Ягоды и впрямь были очень хороши! Целая горсть спелых брусничин наполнила рот потрясающе вкусным, слегка терпким вкусом.

– Давай соберём ягод, внучаткам отвезём? – оживилась жена.

– Давай, но у нас с собой только солдатский котелок, сколько их туда поместится?

– А мы завтра с ведром придём!

Когда у моей жены появляется такое хозяйственное настроение и так ярко горят глаза – остаётся только с ней согласиться. Впрочем, ягоды были настолько хороши, что у меня самого буквально зачесались руки. Нам захотелось подняться на сельгу – осмотреться, да и брусничник там казался погуще.

Мы уже подходили к подножию сельги – оставалось пройти не больше полусотни шагов – когда внезапно раздался громкий рык и из-за выворотня на вершине сельги показался прежде не замеченный нами медведь. Мы оба оторопели.

– Эй, косолапый, дай нам ягод для деток набрать, не ругайся!

Сам не знаю, как мне пришло в голову выкрикнуть эту фразу вместо того, чтобы сорвать с плеча ружьё. Однако она произвела удивительный эффект: медведь несколько секунд смотрел на нас сверху вниз, потом ещё раз рявкнул густым басом, повернулся и скрылся за противоположной стороной сельги. Ещё пару раз оттуда донеслись удаляющиеся взрыкивания, и всё, наконец, стихло.

– А ты умеешь уговаривать! – с облегчённой улыбкой произнесла жена и повесила на плечо ружьё.

– Просто это очень сговорчивый и сытый медведь, как мне кажется.

Весь склон сельги был покрыт россыпями карминно-красных ягод. Здесь, на солнцепёке, они были особенно крупными. Кое-где ягоды были помяты: медведь, собирая ягоды, топтался, но их было так много, что хватило бы не на один десяток сборщиков.

Ягодник был просто превосходный – с очень крупными гроздями, похожими на грозди красной смородины. Ягодки были отборные, что называется – одна к одной, собирать их было легко и приятно. Котелок наполнился почти мгновенно.

На следующий день мы пришли на вырубку с ведром. Уже на подходе к её краю мы начали громко здороваться с медведем, постукивать палкой по дереву, всячески давая знать, что мы приближаемся. Медведь тихо и спокойно убрался со своей лёжки, а мы легко и быстро набрали целое ведро отборных ягод.

Приехав домой, мы заморозили бруснику и наступившей зимой часто готовили из неё вкусный и очень полезный морс для внучат.

***

С тех пор так и повелось – каждую осень мы приходим на «брусничную вырубку», хлопаем в ладоши, громко здороваемся с медведем, просим у него ягодок для наших внуков. Он, немного поворчав, уходит и даёт нам спокойно набрать ягод. Сосенки на вырубке окрепли и поднялись уже по плечо, да и внучата наши немного подросли, но им, как и прежде, нравится слушать истории о медвежьих ягодках.

Жизнь – такая прекрасная, яркая, такая мудрая – продолжается.

Евгений ТОЛСТОКУЛАКОВ

п. Усть-Карск, Забайкальский край

Биолог-охотовед. Рассказы Евгения Александровича об охоте публиковались в Сретенской районной газете «Советское Забайкалье».

Клей альдекаинский

Рассказ

У меня на столе солонка стоит деревянная, в форме ковшичка. Напарник по охоте подарил. Он её сам из дерева вырезал. До сих пор как новенькая. Иногда гляжу на неё и случай с нею и Серёгой – напарником – вспоминаю. Расскажу. Но чтобы понятно было, небольшое отступление вначале сделаю.

Вот скажите – вы любите готовить? Лично я – нет. Не то чтобы совсем не умею, но не люблю. А вот людей, которые любят и умеют вкусно приготовить пищу, очень даже уважаю. Думаете, какая самая уважаемая специальность на корабле? Конечно же, кок! А как же иначе. Ведь вкусно покушать никто, пожалуй, не откажется. Для меня же – где начинается кухня – там кончается жизнь. Будучи моложе, я всегда считал, что время, потраченное мною на приготовление пищи – это время, выброшенное из жизни. Сейчас я, правда, так не считаю, но готовить по возможности избегаю.

А если в тайге в одиночку охотишься, тогда как быть? Тогда готовлю. Не разносолы, конечно, но так, чтобы попитательнее. А чтобы ещё и вкусно было, тогда маслица туда побольше сливочного или поджарочки. Долго могу жить на одних пельменях или на макаронах по-флотски. Пожаришь, к примеру, мелко нарубленного мяса на огромной сковороде, так чтобы всё в жиру или в масле плавало и шкворчало. А потом всё это великолепие перемешаешь с отваренными макаронами или рожками в пропорции десять к одному. То есть на десять частей мяса одна часть макарон. После такой еды долго можно по тайге ходить без устали. Если не пробовали – рекомендую. Спасибо скажете.

Ну а если охотишься с напарником, то обычно готовит тот, кто раньше на зимовье вернулся.

Именно такой расклад я и предложил своему напарнику Серёге, когда он с Уняя ко мне в Альдекаю на время перебазировался. Но у Серёги свои взгляды на это дело были. «Нет, – говорит, – давай по очереди готовить. Сегодня я, завтра ты, ну и так далее, пока я снова к себе на Уняй не

ушагаю». «Ну, ладно, – отвечаю, – по очереди, так по очереди. Я человек не гордый». На этом и порешили.

И процесс пошёл. Серёга сразу с козырей начал. Мол, так и так, мама моя в ресторане работает. Готовит – пальчики оближешь. И я привык вкусно питаться. Ну и готовлю соответственно, как полагается.

Принёс Серега рябчиков из склада, которых я на сдачу в госпромхоз настрелял, и стал делать из них фирменное блюдо... Рябчик табака называется. Обухом топора расколотил их основательно. Затем ещё какие-то манипуляции с ними производил. Не помню уж, какие точно. Ну и часа через два мы, наконец-то, сели ужинать. В зимовье тепло, уютно, светло. Целых три лампы керосиновых горят. От фольги чайной, что рядом с лампами на стенах налеплена, свет отражается. Аромат в зимовье стоит – ни в сказке сказать, ни пером описать.

Ничего не скажешь, рябчики-табака очень даже вкусные получились. Правда косточки мелкие между зубов застревали, да чая потом пришлось по три кружки выпить, чтобы оставшееся место в желудке заполнить, как и положено на сон грядущий. Назавтра утром на охоту разошлись. Да что-то запамятовал я, что очередь готовить сегодня моя. Утянулся далековато. Подхожу к зимовью уже в потёмках. Есть хочется, аж в глазах темнеет, и желудок спазмами сводит. Не привык котелок с собой носить, чтобы в течение дня чайком побаловаться. Да и времени на чай жалко. Короток зимний день, а обойти, проверить, насторожить много чего надо. Смотрю, из трубы зимовья дымок идёт. Ну, слава Богу, Серёга уже вернулся. Сейчас хоть поем плотненько. Тут про очередь вспомнил. Ну, ладно, думаю, раз пришлось Серёге снова готовить, я тоже потом два дня подряд еду варить буду. Постараюсь пораньше с охоты возвращаться.

Захожу в зимовье. Серёга с сигаретой в зубах на гитаре играет. На столе солонка из дерева в виде ковшичка новенькая стоит. Серёга вырезал, пока меня с охоты ждал. Чую, ужином не пахнет. Делать нечего – уговор есть уговор, без обиды. Пошвыркал чайку, чтобы червячка заморить, да и приступил к обязанностям дежурного кока. Решил суп по-чабански сварить, как брат когда-то учил, когда я к нему на отару в юности бегал. Правда, Борис – брат мой – из баранины такой суп готовил, а я, естественно, из дикого мяса. Нарубил побольше мяса изюбриного молоденького. В ведро эмалированное сложил. Налил воды немного, чтобы закипела побыстрее. Кушать ведь хочется. Ну и на печку поставил. Дровишек сухих помельче наколол, чтобы пламя пожарче было. Печка, слава богу, хорошая. Дырка круглая вырезана сверху. Ведро на четверть внутрь печки входит. Быстро всё получилось. Чуть покипело мясо, я две пригоршни рожек туда бросил. Картошечку бы ещё, конечно, надо было. Это чтобы по-чабански получилось. Но где ж её в тайге сохранишь, когда частенько на несколько дней с основного зимовья на Дчаодчан или на Кавахту уходишь. Пришлось одними рожками обходиться. Ну да ничего страшного. Ещё минут несколько подождали, и готово. Вот это я понимаю – еда!

До рожек у нас дело не дошло, мяса хватило. Повытаскивали куски жирные, а ведро с супом крышкой закрыли да на пол, где попрохладнее, поставили. Решили, что утром доедим. Серёге еда вроде бы тоже понравилась. Песни хорошие под гитару после ужина спел. Голодному, поди, не до песен бы было.

Утречком решили перед охотой оставшимся супом подкрепиться. Открываем крышку, а там вместо супа клейстер. Не знаете, что это такое? Ну, это особый вид клея, самодельный, из муки. С его помощью раньше хозяйки рамы оконные по периметру бумагой обклеивали осенью, когда вторые рамы вставляли. Очень даже надёжный клей был.

Порезали мы, значит, суп мой ножом, разогрели на сковородке, есть стали. А он, зараза, за зубы цепляется, где-то посерёдке вязнет, а в желудок никак не хочет проваливаться. Позавтракали с грехом пополам, да и на охоту собираться стали. Смотрю, Серёга, что-то сказать вроде бы хочет, да никак не насмелится. «Что, Серёга, случилось?», – говорю. «Ты знаешь, Жень, такой клей альдекаинский я ещё ни разу в жизни не кушал. Давай ты больше не будешь готовить. И вообще, лучше к печке совсем не подходи. Я сам каждый день варить буду. Лады?» – «Лады, – говорю, – я человек не гордый».

Но и мне Серёга тоже на уступку пошёл за то, что я согласился больше «клеем альдекаинским» его не потчевать. Договорились, что рябчика-табака он готовить не будет. Лучше уж что-нибудь из изюбрятинки или косулятинки – отбивные или бефстроганов, например. В крайнем случае, можно там рагу или бифштекс приготовить. На худой конец и антрекот подойдёт. А то ведь сколько же этих рябчиков стрелять придётся. Если на сдачу в госпромхоз, то там, конечно, дело важное, государственное – план. А вот на еду решили, что не стоит. Жалко птичек.

Хорошо мы тогда поохотились. Дай Бог каждому такого напарника. А перед тем, как к себе на Уняй уходить, Серёга мне солонку в форме ковшичка подарил на память.

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна(Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Зяблова Елена Викторовна (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»
Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

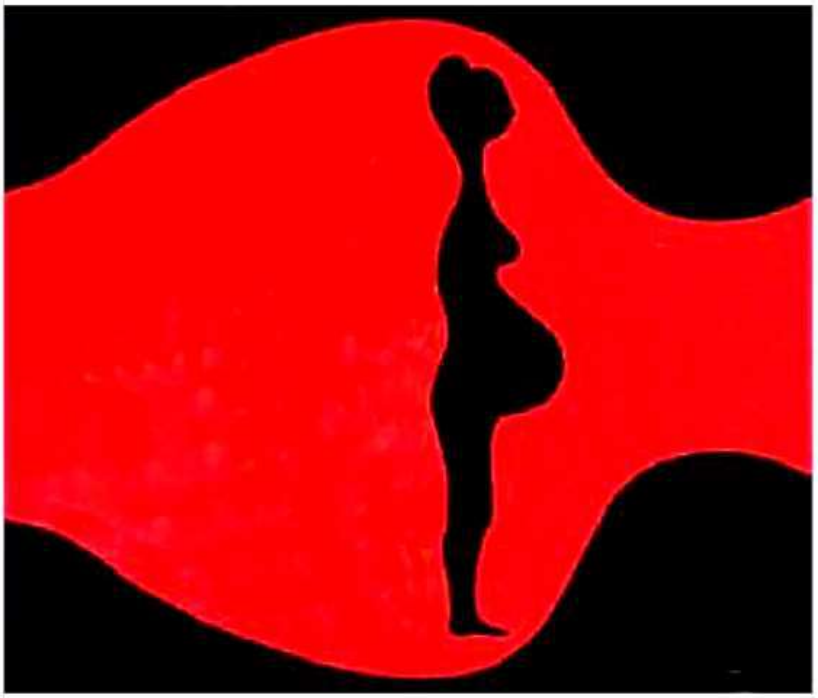
1.1. Основные цели:
•всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
•укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
•участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
•оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
• создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
•развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:
•осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
•осуществлять издательскую деятельность;
•участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
•осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
•сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.

Авторский литературный журнал "Северо-Муйские огни"

АЛЕКСАНДР ШЕРСТЮК

ВПЕРВОЙ БЫТНОСТЬ



ТАКАЯ

DIXI Я СКАЗАЛ DIXI Я СКАЗАЛ DIXI Я СКАЗАЛ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ КНИГА. ОФОРМЛЕНИЕ АВТОРА
принимаются заказы: asveritas@ya.ru

Северомуйск – 2021